

НОВАЯ ПОЛЬША

№12₍₄₈₎

2003

ЛЕШЕК КОЛАКОВСКИЙ О РАЗУМЕ И ПРОЧЕМ

Петр Вежбицкий об Артуре Рубинштейне

ГРОЗИТ ЛИ ПОЛЬШЕ КРИЗИС?

Поэзия: АНДЖЕЙ МАНДАЛЬЯН

Проза: Эдвард Стахура

ЯЦЕК ВОЗНЯКОВСКИЙ О ПОЛЬЗЕ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

ПОЗДРАВЛЯЕМ
всех наших читателей
и сотрудников
с праздником
Рождества Христова,
желаем мира, счастья
и благополучия в Новом году!

Редакция

Poczta Polska
głównym
sponsorem
roku jubileuszowego BN

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 12(48)
2003
ДЕКАБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Лешек Колаковский
О РАЗУМЕ И ПРОЧЕМ	3
	К 25-ЛЕТИЮ ПОНТИФИКАТА ИОАННА ПАВЛА II
Петр Пшесмыцкий
МОЙ СОБЕСЕДНИК НИКОГДА В ЖИЗНИ
НЕ БЫЛ В ЦЕРКВИ...	8
	НАШИ ЛЮДИ
Моника Пёнтковская
О ВЕРЕ	13
	Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	18
	АНАТОМИЯ СТРАХА
Марек Бейлин
МОДА НА УПАДОК	24
	Витольд М. Орловский
КРИЗИС?	25
	Марек Маевский
МЭРФИ ПО-ПОЛЬСКИ	26
	Анджей Хлопецкий
ВОЙНА? Я — ЗА!	27
	ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПОЛЬСКОЙ ДУШИ
<i>Беседа с Виктором Ерофеевым</i>	29
	Ярослав Марек Рымкевич
«ЛЕСЬМЯН. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ».	31
	Михал Гловинский
ПОЭТ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»	34
	Анджей Мандальян
ЗАПИСЬ	36
-

	Эдвард Стахура Я ПОЛЮБЛЮ ЕЕ УСИЛИЕМ ВОЛИ СЯ ПИСЬМО ТЕМ, КТО ОСТАЛСЯ	42 46 46
	Ярослав Маркевич ВВЕДЕНИЕ В ЭКСТАТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ЭДВАРДА СТАХУРЫ	48
	НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ Петр Вежбицкий ФОРТЕПЬЯНО И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО	54
	КОРНИ СОВРЕМЕННОСТИ Тереса Богуцкая О ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ 22 ГОДА СПУСТЯ	56
	Ян Стренковский БЕЗ ЦЕНЗУРЫ	59
	из-под спуда Антоний Кучинский КНЯЗЬ ПАВЕЛ САПЕГА И ЕГО ЗАПИСКИ	67
	Агнешка Майле ПЕВУЧИЙ АКЦЕНТ	69
	Ида Лотоцкая МОЛОДАЯ РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ НА ГДАНЬСКОЙ СЦЕНЕ	73
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	76
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	79
	ГАЗЕТНЫЙ КИОСК Кшиштоф Бурнетко «ЗНАК»: ЭЛИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ЭЛИТЫ	83
	Янина Куманецкая ПОЛЯКИ И РУССКИЕ: ТРУДНОЕ СОСЕДСТВО	86
	Катажина К. Гардзина ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ МУЖСКОЕ СОПРАНО	87
	МЫ ВСЕГДА ВЕРИЛИ В ПЛЮРАЛИЗМ <i>Беседа с проф. Яцеком Возняковским</i>	89

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга

Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl
Информация о журнале
для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

VIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, С.Тонконогова, С.Филипчак, Е.Шиманская, Б.Шостакович.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 3,13,16,34,54,89), Archiwum (стр. 31, 56,57,58,67,68), Ośrodek Karta (стр. 60,61,62), Archiwum Teatru Wybrzeże (стр. 73,74,75), Biblioteka Narodowa (стр. 86).

Лешек Колаковский

О РАЗУМЕ И ПРОЧЕМ

Это речь, произнесенная в Ягеллонском университете в мае 2003 г. в рамках Тишнеровских дней. Написанного текста у меня не было, я говорил «из головы». Вдобавок я попросил о. Адама Бонецкого [главного редактора «Тыгодника повсехного»] не записывать текст на пленку. Однако оказалось, что кто-то тайный всё записал. Я заметил, что в записи есть кое-какие пробелы, но не смог восстановить то, чего не хватает. Небольшие поправки нужно было сделать, исправить анаколуфы и т.п. Пусть печатается, ничего не поделаешь.

Л.К.

Как всем известно, у нас безмерно много доказательств бытия Божия. Уже само по себе это внушает подозрение, потому что если в каком-то вопросе, для какого-то суждения существует хотя бы одно неоспоримое доказательство, то других нам не нужно. А если их много, то они наверняка не неоспоримы. Однако в вопросе бытия Божия у нас нет доказательств в таком смысле, в каком мы можем доказать, что число элементарных чисел бесконечно. И все-таки это не означает, что эти доказательства вообще не имеют никакой ценности или смысла.

Дело в том, что это не доказательства, а скорее намеки, обращающие наш ум в определенном направлении. Поэтому доказательства бытия Божия, приведенные Фомой Аквинским, называют «путями». Это явно более удачное слово, чем «доказательство», но тоже не до конца удачное, если предположить, что эти пути должны безошибочно вести к цели. Они не ведут нас к ней неизбежно, но все же какое-то направление показывают. У Фомы Аквинского таких пу-

тей пять, а один из крупнейших томистов XX века Манзер даже доказывал, что их и не может быть больше и никакого шестого пути не существует.

Люди, однако, творят себе доказательства из чего угодно — собственно говоря, из всего, что под руку попадется. Это происходит, потому что мир удивителен. Сама эта удивительность мира бывает для многих свидетельством бытия Божия. Недавно Чеслав Милош напомнил слова Юзефа Витлина о том, что Юлиан Тувим был доказательством

бытия Божия, потому что иначе не понять, как такой глупый человек мог быть одновременно таким гениальным. А я когда-то прочитал, что Сальвадор Дали, узнав об открытии ДНК, счел, что вот и найдено доказательство бытия Божия. Сальвадор Дали не был светилом в области генетики, но мы можем понять его реакцию.

Таким образом, у нас нет неоспоримых доказательств бытия Божия. Однако не нужно из-за этого огорчаться, потому что это может вытекать из самой природы нашего познания и языка. Мно-

гие христианские мыслители, в том числе Псевдо-Дионисий и Николай Кузанский, объясняли нам, что о Боге ничего нельзя сказать буквально, ибо все влетено в язык, который формируется в результате нашего общения с земными вещами и явлениями. Язык, таким образом, не постигает Бога, и мы должны с этим смириться. Даже говорить об аналогии неубедительно, ибо какова же аналогия между конечным и Бесконечным? Христианские мыслители, использовавшие аргумент о том, что наш язык непригоден, чтобы уловить действительность Божию, были глубоко убеждены в бытии Божиим, но в то же время считали, что даже слово «быть, существовать» в этом случае неудачно, ибо выработано в наших контактах с вещами и потому не годится для того, чтобы характеризовать Божественное Существо. Дерево есть, существует — и мы более или менее знаем, что это значит. Но то, что Бог есть, существует, — что это значит? Эти мыслители, однако, не видели здесь причины отчаиваться, они только обращали наше внимание на весьма ограниченные запасы и возможности нашего разума или же, в частности, нашего языка. Наш разум ограничен, он не должен слишком далеко простирать свои устремления, ибо это лишь вгоняет нас в гордыню.

В истории христианской мысли всегда существовало течение, считавшее, что заниматься Богом приличествует только в одном смысле: молиться Ему, поклоняться и благодарить за дар бытия. Только Бог — благой предмет наших интересов. А то, что называют философией, т.е. все мирские науки, ни на что не нужно, и посвящать им внимание — грех. Так думали Лактанций, Тертуллиан, а в более поздние времена — например, средневековые антидиалектики. Петр Дамиани прославился словами о то, что грамматике научил человека дьявол, сказавши нашим прародителям: «Будете как боги», — т.е. научил их употреблять имя Божие во множественном числе. Прославился он и утверждением, согласно которому монахи, занимающиеся мирскими науками, подобны мужьям, оставляющим своих добродетельных жен, чтобы искать наслаждений в объятиях блудниц. Это течение, конечно, укрепила Реформация. Лютер и Кальвин сделали слово «философия» бранным. Лютер говорил: как только вы начнете доискиваться тайны Пресвятой Троицы с помощью человеческой логики, вы сразу перестанете в нее (в Троицу, не в логику) верить. Да, он хорошо знал наше двуличие.

Эти мыслители по-своему правы: когда мы начинаем рассматривать богословские вопросы с помощью обычных аргументов и логики, возникает лишь неопределенность и хаос. Более того, если мы даже поверим, что достигли в этих вопросах каких-то результатов, окажется, что мы лишь насыщали *libido scienti*, жажду знаний, которая принадлежит к особо тяжким грехам. И все-таки, несмотря на все эти предостережения, никому не удалось совсем уничтожить мирской разум, — хотя пытались многие.

Мы рождаемся в каком-то непонятном хаосе. Со временем нам удастся обзавестись орудиями, с помощью которых мы должны господствовать над хаосом, — это разум и то, что называется религией или, как стало модно говорить в последние десятилетия, *sacrum*. Роль разума — давать нам объяснение физических явлений и способность предвидеть и направлять их ход, а задача религии — открывать нам смысл мира; ее амбиции при этом больше, чем у разума, ибо она охватывает смысл всего в целом, а что такое все в целом, разум знать не может.

Разум имеет три формы, и истоки двух из них лежат в животном мире. Первая — это эмпирический разум, способность регистрировать и передавать другим опыт, знания о мире, а также практическое применение этих знаний. Само использование орудий — отнюдь не специфически человеческое свойство. Даже птицы иногда умеют подержать в клюве веточку так, чтобы вытащить с ее помощью гусеницу из ее убежища; обезьяны, как известно, могут палками сбивать фрукты с деревьев. Таким образом, использование орудий в зачаточной форме имеется уже у животных. Но люди используют орудия по-другому: во-первых, мы искусственно их производим, во-вторых, знания о них можем передавать другим людям.

Способность запоминать отношения между явлениями — это тоже не чисто человеческое свойство. Условные рефлексы действуют у всех существ, снабженных нервной системой. Говорят, даже улитки — хотя и с трудом — производят такие рефлексы. Человеческому же разуму присуще умение записывать и передавать эти знания другим. Так происходит кумуляция истины или

того, что мы считаем истинным знанием; некоторые, впрочем, приписывают нашим знаниям только полезный, прагматический характер, а не характер истинности.

Вторая форма разума — способность организовывать коллективную жизнь. Разные формы организации коллективной жизни мы знаем из животного мира, начиная с муравьев и пчел: разделение труда, иерархия, защита территории и т.п. Но только люди выработали особые инструменты, с помощью которых организация коллективной жизни обретает свой результат. Важнейшие из них — право, деньги и письменность. С помощью этих мощных орудий коллективная жизнь организуется, а хаос ограничивается и обуздывается. Благодаря им коллективная жизнь становится предсказуемой, по крайней мере настолько, чтобы вообще позволить нам выжить.

В первой и второй формах разума мы естественным образом выступаем как существа общественные, в обеих неизбежно контактируем с другими людьми. Но поэтому же мы отдаем себе отчет в дистанции между нашим опытом и его выражением. В наши знания просачивается неуверенность. Мы отдаем себе отчет в том, что порядок, который мы открываем, не стопроцентно прочен, а мир построен вероятно. Таким образом, мы неспособны реагировать на события так, как реагируют животные, — чисто инстинктивным, стихийным поведением. Вот цена, которую мы платим за пользование разумом: неуверенность, осознание того, что наши усилия никогда не бывают совершенно успешными и что для наших начинаний нет гарантий.

Но есть и третья форма разума. Мы могли бы назвать ее разумом *par excellence*. Это разум, воплощенный в математике и логике. Его результаты не подвержены фальсификации, они надежны. Он особенно удален от всего, на что способны низшие существа. Мы, конечно, можем этим гордиться, хотя и в этом случае кое-кто нам говорит, что гордиться нечем, что как математика, так и логика — это просто аналитические суждения, истинные лишь в силу значения слов, которые в них использованы, и вообще это отнюдь не знание, ибо они ничего не говорят нам о мире.

С самого начала философия Нового времени, с одной стороны, подрывала доверие к ценности знания, достигнутого нашим разумом, а с другой — к религиозному или богословскому знанию, к знанию о Боге, которого мы тоже, как нам казалось, достигли. Все сочинения Декарта, кажется, говорят о Боге: о том, как можно прийти к Богу, каковы следы Божии в мире. Между тем Вольтер утверждал, что многие известные ему люди благодаря Декарту стали атеистами. Как это могло случиться? Декарт не был деистом в таком значении, в каком о деизме говорится как о теории, согласно которой Бог, правда, сотворил мир, но не вмешивается в его дела, поэтому присутствие Бога в мире незаметно и не приносит нам никакой пользы, по крайней мере интеллектуальной. По мнению Декарта, для того чтобы поддерживать существование мира, нужна такая же сила, как для его сотворения. Таким образом, присутствие Божие — необходимое условие постоянного бытия мира. Тем не менее обвинение в деизме (а деизм, говорил Паскаль, почти так же далек от христианства, как атеизм) было не совсем безосновательным. Декарт объяснял, что если Бог есть, а душа бессмертна, то физический мир все-таки управляется несколькими простыми законами механики, не знающими исключений. Поэтому присутствие Божие не нужно нам для знания о мире, и от природы пути к Богу нет. Декарт не утверждал, что чудес не бывает, но фактически его философия это предполагала. Для нашего знания, для науки Бог, следовательно, отсутствует, и мы спокойно можем о Нем забыть. Человеческое тело — это машина, точно так же, как другие тела. Из медицинских наук мы не можем сделать никаких выводов о человеческой душе. Следовательно, когда мы занимаемся анатомией и физиологией, мы можем смело забыть, что душа бессмертна.

В этом смысле Декарт был действительно предтечей раннего Просвещения, когда мир утратил способность замечать следы Божии в вещах, людях, физических явлениях. Космос был уже только машиной, а не, как в ренессансных теориях, организмом, жизнь которого мы могли наблюдать, как наблюдаем феномен других живых организмов. Это был чистый механицизм, от которого нетрудно было прийти к атеистическим выводам.

Но вещам похуже еще только предстояло произойти: позднее Просвещение породило невероятно ригористическую, снабженную железными правилами доктрину Дэвида Юма. Это уже было нечто иное, нежели картезианская философия. Речь шла о том, что все наши знания складываются из данных двух родов. Одни — это наше отдельное восприятие: то, что мы видим, слышим, осязаем. В своей отдельности они недвижны. Если мы делаем обобщения на основе этих наблюдений, то всего лишь по практическим причинам. Конечно, мы не должны забывать, что когда мы бросим камень, то он скорее всего упадет на землю, а не поднимется в воздух; что если мы войдем в воду, то можем утонуть, и т.п. Это практические сведения, но знания в них в собственном смысле слова нет, ибо нет правильного перехода от отдельного восприятия к тем обобщениям, из которых складывается наша наука. Другая часть наших знаний — то, что потом назвали аналитическими суждениями: логика и математика, область науки, в которой, собственно говоря, ничего не познаешь. Математические суждения ничего не прибавляют к нашим знаниям, они лишь облегчают нам их кодификацию и запоминание. Юм был ригористом в конструировании границ знания, ибо желал, как сам говорил, искать истину до конца. Однако в результате его анализа оказалось, что истины не существует, а сам он остался с пустыми руками, хотя никогда прямо об этом не сказал.

И что же произошло? Утраченную истину трудно было восстановить. У нас возникало впечатление, что сначала человеческий разум отлучил Бога, а потом отлучил сам себя, так как нам не осталось ничего от истины, понимаемой в том смысле, к которому мы привыкли со времен Платона. Неверие в разум продолжается до нашего времени. Нужен был зловещий гений Ницше, чтобы открыть нам различные последствия этого поражения. Ничего не существует, кроме вечного хаоса в мире. Все, что существует, — всего лишь отдельные силовые центры, каждый из которых стремится захватить себе побольше за счет других. Мир полностью лишен смысла, а Бог — всего лишь плод воображения или человеческой потребности прибежища.

Многие сегодняшние теории, которые отлучают истину в ее традиционном значении, ведут свою родословную одни от Юма, другие — от

Ницше. С одной стороны, разум сам загнал себя в невозможное положение, из которого уже никак не придешь к Богу. С другой — действительность Божия остается той областью, где люди особенно нуждаются в истине.

Если нам говорят, что все предметы, с которыми мы общаемся в повседневной жизни, — это артефакты и что из артефактов состоит все, что описывает вся наша наука, мы можем принять это без ужаса: это не причина отчаиваться. Мы можем с этим жить. Но если людям говорят, что и Бог вместе со всей действительностью, которая этот мир объемлет и придает ему смысл, — артефакты, то это уже совсем другое дело, ибо речь идет о чем-то, во что люди хотят верить — верить, что оно есть, что это не только наш вымысел, плод воображения, но истина.

Потребность находить смысл, таящийся в мире, и отсутствие истины в традиционном значении — это две области, которые сталкиваются между собой. Как в религии, так и в разуме мы ищем безопасности в смысле способности господствовать над физической действительностью и безопасности в смысле способности верить, что мир все-таки обладает незримым смыслом, смыслом, который мы не можем извлечь из эмпирических фактов, из собственного опыта. Потребность безопасности иногда может приводить к парадоксальным последствиям, а в крайней, тотальной форме — к отказу о собственной личности.

С одной стороны, мистика в крайнем виде — это отказ от личности, растворение ее в действительности Божией. С другой — мы видим попытки (часто гротескные) разума, который хотел бы очистить мир от случайности и полностью его урегулировать. Крайняя форма такого стремления — совершенная утопия, где люди тоже как бы сводятся к своей функции и становятся полностью взаимозаменяемыми, где личность совершенно утрачивается. В этом смысле, пожалуй, самую совершенную утопию вымыслил французский монах-бенедиктинец XVIII века Дешан, прямо говоривший, что в совершенном обществе все люди будут подобны кирпичам в стене, которые можно произвольно заменять: они будут тождественны со всех точек зрения, даже с точки зрения внешнего вида. Это две крайние формы, в которых воплощается описанная Фрейдом человеческая ностальгия по полному

избавлению от ответственности, тоска по материнскому лону, из которого человек на свое несчастье вышел.

Мы знаем, что потребность безопасности сталкивается с потребностью свободы. Мы хотим безопасности и хотим свободы. Но мы не можем иметь то и другое в большом объеме: одно ограничивает другое. И что же произошло? Маленькая подрывная иудейская секта, которой предстояло в будущем называться христианством, сумела воцариться в мире, но за определенную цену. Вначале христианство было чуждым анклавом во враждебном мире, прибежищем истины в языческом окружении. Но для того, чтобы и далее овладеть Римской империей, христианство не могло не обратиться к греческой философской традиции. Без этого оно не сумело бы войти в жизнь образованных классов империи, т.е. не исполнило бы своей миссионерской задачи. Оно было вынуждено перенять традицию греческой философии и науки хотя бы в таком замечательном и непостижимо чудесном виде, как «Начала» Евклида. От неоплатоновской традиции оно унаследовало понятие абсолюта, который не полностью от нас отделен, с которым существует какой-то контакт, хотя и трудно описуемый, не поддающийся нашим языковым орудиям.

Бог Ветхого Завета и Единое Платона — как они могли быть одним и тем же? Как примирить Единое Платона — вневременное бытие, которого мы не постигаем (мы не понимаем, что значит быть вне времени, не понимаем, что значит знать все, никогда не выходя из самого себя), — с идеей Бога, взятой из Ветхого Завета, — Бога-Личности? Возможно ли, чтобы это несказуемое платоновское Единое заключило завет с Авраамом, давало Ною инструкции, как строить ков-

чег, говорило с Моисеем? Все это нам непостижимо. С этим христианству так или иначе предстояло справиться. Успешно или нет — не знаю, но примирение этих двух образов было заведомо трудным, если не невозможным.

Дополнительная, но невероятно важная трудность, которая появилась вместе с упадком разума и истины, касалась нашей способности различать добро и зло. Ее мы тоже унаследовали от религиозной традиции. И может ли она сохраниться независимо от этой традиции, мы еще твердо не знаем. Каждый волен конструировать для себя критерии добра и зла, но почему мне следует в них верить? Вот еще одно несчастье, вытекающее из перемен, которые содрали с нашего мира смысл и создали столь распространенное в XX веке чувство абсурда, проявляющееся во всех областях культуры: в философии, изобразительных искусствах, театре.

Помню, как однажды я читал интервью Ионеско итальянской католической газете «Аввенире». Ионеско говорил там, что называть его театр театром абсурда — это абсурд, ибо речь у него всегда идет о поисках Бога. Это поразило меня. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь мне объяснил, как можем мы обнаружить в театре Ионеско поиски Бога, ибо мне это кажется невозможной задачей. Но мы должны верить писателю, а не своим впечатлениям.

Итак, мы обладаем чувством абсурда и неуверенностью в различении добра и зла. Но должны же мы что-то знать об этом, должны иметь какой-то инструмент, благодаря которому мы сумеем сказать, что свобода лучше рабства, равенство лучше подданства и т.п. Где этот инструмент? Не потеряли ли мы его? Не знаю. Вот вопрос, с которым я обращаюсь ко всем вам, одновременно извиняясь за то, что говорил целый час без остановок.

Лешек Колаковский — выдающийся современный философ; недавно получил премию им. Клоге, считающуюся эквивалентом Нобелевской премии в области гуманитарных наук.

Петр Пшесмыцкий

МОЙ СОБЕСЕДНИК НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ БЫЛ В ЦЕРКВИ...

Русские и православные источники вдохновения Иоанна Павла II

Рассмотрим вопрос, как вдохновляют Папу из Польши русские и православные идеи. Эта задача, похоже, облегчается тем, что в последние годы на нашем книжном рынке наблюдается рост публикаций на схожие темы — достаточно назвать книги Г. Пшебинды (Большая Европа. Папа по отношению к России и Украине. «Знак», 2001; Между Москвой и Римом. «Universitas», 2003) и А. Валицкого (Россия, католичество и польский вопрос. «Прушинский и К°», 2002). В статье речь пойдет, разумеется, лишь о некоторых источниках папского вдохновения, которые для удобства читателя я разделил на три части: «Солдат Красной Армии»; «Два легких — ведущая экуменическая метафора»; «Русские в энциклике «Вера и разум» и Достоевский».

Хотя тема касается русских и православных источников вдохновения Папы, начнем мы с источников советских, т.е. относящихся к периоду, когда святая Русь была советской Россией.

Солдат Красной Армии

В январе 1945 г. Кароль Войтыла, учащийся Архиепископской духовной семинарии в Кракове, видел вступление в город Красной Армии. В этом не было бы ничего удивительного, ибо оккупированная тогда нацистами Польша наблюдала это вступление и испытала на себе его разнородные результаты (включая освобождение, которое одни пишут в кавычках, другие — без). Не следует также забывать, что в силу советско-германского договора («пакта Риббентропа — Молотова») Красная Армия вступила на территорию Речи Посполитой 17 сентября 1939 г. и оставалась там до 22 июня 1941-го.

Однако вернемся к тогдашнему семинаристу Каролю, двадцати с небольшим лет: весной 1945 г. он встретился с конкретным красноармейцем — пользуясь выражением из первой энциклики Иоанна Павла II «Искупитель человека», можно бы сказать, солдатом, человеком *in concreto**. Об этом Войтыла говорил, еще

* «Речь здесь идет о человеке во всей его истине, в полном его измерении. Речь идет не об «абстрактном» человеке, а о действительном, о человеке «конкретном», «историческом». Речь идет о «каждом» человеке — ибо каждого объемлет тайна искупления и с каждым Христос навеки в этой тайне соединился».

будучи кардиналом, во время реколлекций [великопостных проповедей], читанных им своему предшественнику Папе Павлу VI в Ватикане в марте 1976 года:

«Никогда не забуду, какое впечатление произвел на меня разговор с советским солдатом в 1945 году. Это было вскоре после завершения военных действий на Западе. Солдат постучал в калитку духовной семинарии в Кракове, которая тогда еще стояла полуразрушенной. Я спросил, чего он хочет, а после того как он задал вопрос, не может ли он поступить в семинарию, наш разговор затянулся на несколько часов. Правда, в семинарию он не поступил (у него, кстати, были весьма странные представления о том, чему можно научиться в семинарии), но за эти часы я многое узнал о том, как Бог вступает в человеческий ум в условиях систематического отрицания Его — как истина, которую невозможно изгладить. Мой собеседник никогда в жизни не был в церкви (хотя вспомнил, что мать водила его туда, когда он был малым ребенком), в школе и на работе постоянно слышал, что Бога нет... «А я все равно, — повторил он несколько раз, — всегда знал, что Бог есть. И теперь хотел бы еще больше о Нем узнать»».

В поисках русских и православных источников вдохновения нынешнего Папы невозможно пройти мимо очевидного — и необычайно существенного факта: того, что Иоанн Павел II — славянин (и первый Папа-неитальянец с 1523 г.). Его любимый поэт Циприан Камиль Норвид некогда сказал: «чтобы смерить путь дотуда, надо знать, идешь откуда». Окружающая среда, то самое «откуда», с ее историей и культурой, по-видимому, многое определяет в русских источниках вдохновения Папы.

Уже на следующий день после 17 октября 1978 г., после избрания Кароля Войтылы на престол Петров, Патриарх Вселенский и Константинопольский Димитрий I писал в поздравительной телеграмме: «Ваше святейшество родом из Восточной Европы и, может быть, больше любого другого видит необходимость единства Востока и Запада». Несколькими днями позже схожую мысль выразил бывший узник ГУЛАГа кардинал Иосиф Слипый: «Кто может лучше понять славянскую душу, как не сын нации из той великой семьи народов, апостолами которой был Кирилл и Мефодий, нашед-

шие понимание и помощь в своем подвиге только у преемника Петра в Риме?» Из этих-то посылок и из еще большей посылки — жажды «полного единства» (как говорится в каноне евхаристической молитвы Римского молитвенника), вырастает самая известная экуменическая метафора нынешнего Папы.

ДВА ЛЕГКИХ — ВЕДУЩАЯ ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

Самая известная экуменическая метафора Иоанна Павла II — по-видимому, та, что говорит о восточном и западном христианстве как о двух легких одного организма *christianitas*. Сегодня она глубоко вошла не только в язык богословия, но и в язык политики. Впервые ее употребил русский эмигрант, философ и поэт Вячеслав Иванов, который в 1926 г., переходя в католичество, после исповедания веры в базилике св. Петра в Риме, по преданию, сказал: «Теперь я могу дышать обоими легкими». Значительно позже эту метафору повторил о. Ив-Мари Конгар: «Недаром христианский мир имел Восток и Запад: в этом есть как бы не подлежащая сроку давности черта его провиденциального типа. Богословие вполне «кафолично» лишь тогда, когда наподобие здорового организма оно глубоко вдыхает и выдыхает обоими легкими».

Знак и доказательство того, как в этой области мыслит и действует Папа, — это также его глубокое понимание богословия. В рассуждениях Иоанна Павла II неоднократно говорится о содержательном богатстве славянского термина «богословие», как, например, на Конгрессе богословов Центральной и Восточной Европы в Ченстохове 15 августа 1991 года:

«Прекрасное славянское слово «бого-словие» в точности передает греческое (*theo-logia*)... Недостаточно перевести этот термин как «слова о Боге» и, вследствие этого, как «учение о Боге». Основополагающе и первоначально здесь слово Самого Бога (...) Если теология-богословие — это слово о Боге, учение о Боге, то одновременно это слово и учение, порожденные словом Самого Бога. Никогда нельзя об этом забывать, вникая в частные аспекты «научности богословия». Для всякой науки и всякого рода «научности» основополагающим остается отношение к действительности в истине. Всякая человеческая (научная) истинность в богословии стоит перед приоритетом истины Божией».

По-видимому, опираясь на подобное понимание богословия, на «приоритет истины Божией» в православном богословии, Владимир Лосский (ученый, упомянутый в энциклике «Вера и разум») в свое время спорил с софиологией о. Сергия Булгакова, учение которого, по его мнению, как учение Оригена, обнаружи-

вает опасности восточной мысли или, уточняет он, мели, типичные для русской мысли.

Прямым результатом такого мышления Иоанна Павла II стало объявление святых Солунских братьев, апостолов Кирилла и Мефодия сопокровителями Европы наряду со св. Бенедиктом Нурсийским (1980). В контексте этого следовало бы повторить слова Папы, сказанные им в православном соборе в Белостоке 5 июня 1991 г., о том, что «общее почитание святых в наших Церквях — один из источников чаяния полного единства».

О потребности единства христиан Папа говорил многократно и по разным случаям, ссылаясь при этом, в частности, на крупных православных богословов. Достаточно напомнить хотя бы его выступление в Дрогоичине 10 июня 1999 года:

«Путь Церкви — нелегкий путь. «Мы можем сравнить его с Крестным путем Христа. Только он продолжится не несколько часов, а века», — написал православный богослов Павел Евдокимов. Там, где нарастают разделения между учениками Христа, ранено Его мистическое Тело. Появляются новые «горестные остановки» на историческом пути Церкви. Христос же основал одну единую Церковь и желает, чтобы такой она оставалась всегда. Значит, все мы, стоя на пороге нового периода истории, должны потребовать ответа у своей совести за вину в существующих разделениях. Мы должны признаться в содеянных грехах и простить их друг другу. Ибо мы получили новую заповедь, заповедь любви к ближнему, имеющей свой источник в любви Христовой».

Призыв к единству приобрел особое значение во время празднования великого юбилея 2000 года. Так было во время экуменического богослужения с открытием Святых врат в римской базилике св. Павла «за стенами» 18 января 2000 года. Во время литургии слова, в присутствии епископа Римского и представителей других христианских Церквей, наряду с текстами протестантского богослова Дитриха Бонхоффера читались тексты православного богослова о. Григория Флоровского, где подчеркивается динамическая первооснова единства Церкви, первооснова жизни и роста «в Духе Святом».

Особый аспект экуменизма и в то же время существенный элемент, объединяющий христиан Востока и Запада, — страдание. Можно было бы задать принципиальный вопрос: чем же отличается католическая Церковь от православной? Страданий, мученичества и свидетельств верности христиан в минувшем XX веке хватало с избытком. В текстах на вышеупомянутое экуменическое богослужение говорится об «экуменизме страдания католиков и православных». Это, говоря парадоксально, молчаливый, но притом необыкновенно

красноречивый экуменизм. Папа назвал его «возможно, особо убедительным», о чем он говорил в одном из воскресных рассуждений перед молитвой «Царица Небесная»:

«Отвага, с которой они взяли на себя крест Христов, возвышеннее всего говорит, что нас разделяет: экуменизм мучеников, возможно, особо убедителен (...). Любовь, доходящая до самопожертвования, очищает Церкви от всего, что может остановить или затормозить стремление к полному единству».

Вечером того же воскресенья (7 мая 2000), во время экуменического поминания свидетелей веры XX века в римском Колизее, Папа назвал имена новомучеников — как восточных, так и западных. При этом он напомнил слова Тертуллиана: «Кровь мучеников — посев христианства». В свете этих слов он говорил о расстрелянном большевиками в 1922 г. митрополите Санкт-Петербургском Вениамине, который перед смертью писал, что времена переменялись и появилась возможность переносить страдания ради любви Христовой».

В ходе этого богослужения, на первом из восьми стояний, посвященном поминовению христиан, которые давали свидетельство веры под господством советского тоталитаризма, были прочитаны два свидетельства: одно — о гонимом большевиками Патриархе Тихоне, другое — о художнице и учительнице Ольге Яфа, узнице Соловков.

Важным примечанием к теме «экуменизм страдания» может быть несколько уже забытое событие во время первого паломничества Иоанна Павла II на родину в 1979 году. Оно становится как бы еще более красноречивым, если помнить это норвидовское «откуда». Вскоре после избрания на престол св. Петра Папу-славянина представляли на Западе как Папу «из далекой страны» (слова, которые вечером 16 октября 1978 г. на площади св. Петра люди слышали от него самого). Этот взгляд нашел, в частности, отражение в довольно известном музыкально-поэтическом сочинении Амадео Минги (он же его исполнитель), где есть такие слова (в дословном переводе):

*Человек приходящий издалека
глазами помнит хлебные нивы
освецимский ветер несет в сердце
и все же он писал стихи о любви
о любви что родится в сердце человека
ко всякому другому человеку*

Задержимся на мгновение на словах об «освецимском ветре». Дело происходило на территории бывшего лагеря Аушвиц-Биркенау: Папа остановился возле трех мемориальных досок с надписями на иврите, русском и польском языках. У доски с надписью по-русски он сказал: «И еще одна

доска — избранная... доска с надписью на русском языке. Я не стану ничего добавлять. Мы знаем, о каком народе говорит эта надпись. Знаем, каково было участие этого народа в последней страшной войне за свободу народов. И мимо этой доски нам нельзя пройти равнодушно».

РУССКИЕ В ЭНЦИКЛИКЕ «ВЕРА И РАЗУМ» И ДОСТОЕВСКИЙ

Имена четырех русских мыслителей появляются в таком крайне важном документе, как энциклика, — в данном случае в энциклике «Вера и разум» (1998). Говоря о «смелых поисках», предпринятых представителями восточного и западного христианства, в которых проявляется плодотворное соотношение между словом Божиим и их философией, Иоанн Павел II назвал людей «одной стороны» — Джона Генри Ньюмена, Антонио Осмини, Жака Маритена, Этьена Жильсона и Эдиту Штейн — и мыслителей «другой стороны», т.е. круга восточнохристианской культуры: Владимира Соловьева, Павла Флоренского, Петра Чаадаева и Владимира Лосского. Каждый из них по-своему связан с тем, что называют русским религиозным возрождением Серебряного века: одни, как Чаадаев и Соловьев, готовили приход этого феномена, другие, как Флоренский и Лосский, продолжали его. (Почти все эти имена раньше или позже упоминались и в других документах и выступлениях Папы.) Одним из предтеч этой вспышки художественного, философского и религиозного творчества в России считают Достоевского. Сверх того, если задать вопрос, что значит Достоевский для православных, следовало бы ответить словами современного греческого мыслителя Христоса Яннароса: «Мы все внуки Достоевского». Имя этого великого писателя и мыслителя у Иоанна Павла II упоминается, пожалуй, чаще всего.

Так, например, в одной из проповедей на молитву «Ангел Господень» (1 сент. 1996) Папа говорил об универсальном аспекте культуры христианского Востока, которая, в частности, «обнаружила свою жизнеспособность в литературных произведениях, во многом содействуя облагораживанию сознания людей, в том числе и в современную нам эпоху». Ссылаясь на творчество Владимира Соловьева, которого Папа называет очень дорогим себе, говорит он и об авторе «Преступления и наказания»:

«Можем ли мы не назвать среди величайших писателей всех времен Федора Достоевского? Взглядом верующего человека он проникает в глубину человеческой души, описывая великое приключение свободы в ее бесчисленных вариантах — в свете убеждения, что

тайна истинной свободы лежит во Христе. Глубина его человеческого и христианского видения позволяет ему затрагивать струны, воистину универсальные, выражать глубокое знание человека и огромную заботу о его будущем. Душа его мысли — любовь ко Христу. В Нем видит Достоевский первородную красоту — ту красоту, которая не пройдет и которая «спасет мир». Поэтому он глубоко мучится — достаточно вспомнить общеизвестную легенду о Великом Инквизиторе, — когда видит, что люди, подчас и верующие, боятся Христа, боятся подлинной свободы, которую Он принес».

В приведенном фрагменте, можно сказать, сходятся важнейшие темы творчества Достоевского. Среди них, вслед за богословом Генриком Папроцким, можно назвать свободу человека и антиномию зла мира и благодати Божией, прибавив к этому знаменитые слова: «Красота спасет мир».

Универсализм проблематики Достоевского — это и есть причина, по которой Папа так охотно на него ссылается. При этом следует заметить, что он не касается и не комментирует антипапских, антикатолических и антипольских мотивов творчества писателя. Станислав Цат-Мацкевич однажды заметил: «Достоевский хотел быть русским писателем, а стал писателем всемирным, ибо проблематика его романов — это проблематика Евангелия. Универсальное значение Достоевского в том и состоит, что он затронул проблемы, лежащие в Евангелии, и в силу этого стал как бы новым и современным комментатором Св. Писания, пишущим свои комментарии в форме романа-шедевра».

В одном месте книги-интервью «Переступить порог надежды» Иоанну Павлу II задали вопрос: «Бог есть любовь, так почему же столько зла?» Это вопрос, волновавший умы в былые века и не переставший тревожить наших современников. Позиции людей, которые задумывались над этим трудным вопросом, идут от тех, кто сказал «Pro mundo et contra Deum», вплоть до тех, кто сказал «Pro mundo et pro Deum». Отвечая на вопрос о существовании зла в мире, сотворенном всеблагим Богом, Папа подтверждает, что такой мрачный образ мира, в котором зло как будто торжествует, «нашел свое место в прежней и современной литературе. Достаточно вспомнить хотя бы Федора Достоевского, Франца Кафку или Альбера Камю». Нынешний епископ Римский не хочет останавливаться и не останавливается лишь на негативном описании действительности. В ответ он напоминает о «соблазне распятия», устремляя взгляд на Христа как на «доказательство солидарности Божией со страдающим человеком». Тем самым подтверждается записанное в документе II Ватиканского собора «Радость и надежда», одним из соавто-

ров которой был кардинал Кароль Войтыла: «Радость и надежда, печаль и тревога современных людей (...) — это также радость и надежда, печаль и тревога учеников Христовых; и нет ничего воистину человеческого, что не находило бы отзвука в их сердцах». Значит, «Pro mundo et pro Deum».

С антиномией зла мира и благодати Божией не может справиться Иван Карамазов. В этой тематике, как отметил один польский богослов, постоянно существует искушение давать легкие ответы, оскорбляющие Бога и тайну страдания человека. Это искушение принимает как стиль Лейбница, провозгласившего, что «этот мир» — наилучший из возможных, так и стиль друзей Иова, убеждающих его, что страдание — простое следствие грехов, или же ханжески-циничный стиль, согласно которому «слабо мы веруемся Богу». Не получив верного ответа, Иван Карамазов готов был вернуть Богу «билет» на вход в «этот мир» из-за одной невинной слезинки ребенка. Тем самым он занял позицию «Pro mundo et contra Deum». Однако по сей день среди литературоведов, философов и знатоков русской религиозной мысли продолжают споры относительно того, отвергал ли Иван Карамазов Бога или же всего лишь неадекватный образ Бога, функционировавший в современном ему богословии, т.е., как это сформулировали русские мыслители, ложную теорию, лежащую в истоках атеизма.

К этой проблематике Папа тоже обращался. Выступая в воскресенье 15 сентября 1996 г. в Кастель-Гандольфо и говоря о распространении атеизма как одной из самых серьезных нынешних проблем, Иоанн Павел II повторил мысль, записанную в документах II Ватиканского собора о том, что современный атеизм нередко отвергает не Самого Бога, а Его ложный образ. При этом он опять-таки сослался на Достоевского: «Великий писатель Достоевский в одном из своих писем вспоминает минуты сомнения и маловерия, каких немало он пережил в своей жизни, и делится таким волнующим свидетельством: «...и в такие-то минуты я сложил в себе Символ веры (...). Этот Символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю, что и не может быть» (письмо Н.Д. Фонвизиной, 20 февр. 1854).

Слова «Красота спасет мир» из романа «Идиот» появляются в послании Папы к художникам (4 апр. 1999). Письмо адресовано так: «Тем, кто страстно и самоотверженно ищет новых «богоявлений» красоты, чтобы даровать их миру в художественном творчестве». В последнем, 16-м разделе Папа

называет эти слова Достоевского «пророческим прозрением». Весь раздел озаглавлен ««Красота», которая спасает».

Это уточнение важно, ибо существует опасность опошлить и как бы присвоить это выражение (например, одна петербургская радиостанция использует его для рекламы косметики). Сверх того следует отдавать себе отчет в некоторой, как пишет Папа, «двусмысленности красоты». В литературе идут споры о том, какая красота спасет мир. Этот вопрос не был чужд и самому Достоевскому. Анджей де Лазари утверждает, что «когда Достоевский устами Ипполита Терентьева в «Идиоте» говорит, что «красота спасет мир», он имеет в виду красоту не как эстетическую категорию, но как метафизическую этическую категорию, отраженную в образе Христа и как бы культивируемой «народом-богосцем», т.е. русским народом». Разумеется, мы заметим, что толкование этого выражения у Иоанна Павла II относится к этико-эстетическим категориям. Российского мессианизма, даже в варианте Достоевского, Папа не комментирует. Он пишет: «Отношение между добром и красотой заставляет задуматься. Ибо красота — в известной степени зримость добра, так же как добро — метафизическое условие красоты. Это хорошо понимали греки, которые, соединив эти понятия, создали общий термин для обоих — «kalogagathia», или «красота-добро». Так пишет об этом Платон: «Сила Добра скрылась в природе Красоты»».

Платон же говорил, что «Красота есть сияние истины». Именно так, «Сияние истины», называется одна из энциклик Иоанна Павла II, посвященных нравственным вопросам. По-видимому, где-то в этом пространстве следовало бы сегодня воспринимать суть слов Достоевского, ибо они вращаются вокруг Христа — идеала красоты. Сам писатель, работая в 1868 г. над романом «Идиот», писал своей племяннице С.А.Ивановой: «На свете есть одно только по-настоящему прекрасное лицо — Христос».

Слова «Красота спасет мир» Иоанн Павел II произнес еще и во время праздника Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, молясь перед ста-

туэткой Непорочной на площади Испании в Риме (8 дек. 1998): «Мы рассматривали великое дело Божие. Первые слова гимна сегодняшней литургии звучали так: «Tota pulchra es Maria» — «Вся прекрасна Ты, Мария». Перед лицом этой красоты нам, может быть, придут на ум слова великого русского писателя Федора Достоевского, который написал, что красота спасет мир. Твоя красота, Мария, выражающаяся в непорочном зачатии».

Размышления над русскими и православными источниками вдохновения Иоанна Павла II, начатые с Кракова, можно и закончить Краковом. 13 августа 1981 г., в проповеди на краковской Рыночной площади во время литургии причисления к лику блаженных Анели Салавы, Папа говорил, в частности, о вызовах, которые бросает вере народа Божия современность. Один из этих вызовов, секуляризм, т.е. подход, согласно которому мир и человек — единственная существующая действительность, подход, исключающий из этой действительности Бога с его законами, является нам как вызов, нелегкий для веры:

«Мы думаем об испытаниях нашего времени (...) Для человека конца XX века программа такова: «Будем жить так, будто Бога нет». Однако, если Бога нет, все позволено, отметил еще Достоевский. Мы по ту сторону добра и зла, развил эту мысль Ницше. Сегодня, когда XX век приближается к концу, у нас за спиной чересчур красноречивый и ужасный опыт, свидетельствующий, что в действительности означает эта ницшеанская программа. К чему мы идем, живя так, будто Бога нет?» Вот необычайно злободневный вопрос!

Иоанн Павел II, Папа-славянин, «чувствует» Россию и православие Он многократно подчеркивал это, хотя бы используя метафору о христианстве как двух легких одного организма. Он видит усложнение сегодняшней жизни и в своих публичных выступлениях нередко ссылается на русских мыслителей, философов, богословов, выросших на русской (и православной) почве. Одним словом, русские источники своего вдохновения Папа носит глубоко укорененными в сердце. Ибо, когда он что-то говорит, он говорит по велению сердца.

Петр Пиесмыцкий (1965 г.р.) — член ордена салезианцев, доктор нравственного богословия и преподаватель этой дисциплины в лодзинских высших духовных семинариях, автор книги «В сторону Богочеловечества» и ряда публикаций в периодике, занимается исследованием «русской идеи».

Моника Пётковская

О ВЕРЕ

ГОВОРIT ВЕРА ЕЛИНЕК

Мы поженились в 80-м году. Оба мы изучали тогда богословие в Христианской богословской академии.

В ту последнюю ночь перед 13 декабря мы были вместе с бастующими студентами Политехники. Спали в спальных мешках в коридоре.

Когда мы поженились, в стряпне разбирался только он. Он и учил меня готовить. Он делал это с такой любовью... Однажды после занятий он принес кусок говядины, оставил его на кухне и сказал: «Пошли, я принес подарок». И я училась готовить на этой говядине.

Потом мы приехали сюда, в Зелюв, где я родилась и где муж стал пастором. Родился Ян Амос, а затем Эва Милена. У него было слишком мало времени, чтобы играть с ребенком на полу. Но всякий раз, когда время появлялось, он играл.

Со временем я начала замещать его в церкви, вести богослужения. В таких случаях я надевала какой-нибудь костюм, но чувствовала себя в нем неловко. Этот костюм привлекал к себе внимание — а ведь внимание должно быть обращено на Слово Божие. Благодаря тоге, которую носит пастор, человек как бы прячется.

К проповедям я готовилась по несколько дней: сначала внимательно читала фрагменты [Евангелия и Апостола] на данное воскресенье, затем предыдущие и последующие фрагменты; выписывала имена персонажей, действия, искала параллельные стихи. В Библии написано: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе; ибо сего требует справедливость», — но сказано также: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших». Я пыталась докопаться до сути написанного.

Когда я начала добиваться, чтобы мне тоже разрешили стать пастором, муж поддержал меня. Однажды мы сели за стол — здесь, дома, кажется, после ужина, — и он сказал: «Почему ты должна иметь меньше прав только из-за того, что ты женщина? Мне это совершенно непонятно».

Когда родился Амос, я прервала учебу и закончила академию только в конце 80-х, поддавшись на уговоры мужа. Я пряталась на чердаке и писала дипломную работу о пророке Амосе, доказывая, что, вопреки распространенному мнению, он был не пастухом, а прорицателем — гадал на печени убитых животных. Детям мы говорили, что я уехала. Горько мне было это делать.

В ПРИХОДЕ

Сразу же появляется проблема: как обращаться? «Батюшка», «пастор», «господин»? Особенно когда Мирослав Елинек, одетый по-светски, говорит жене: «Веруня, ты посиди, а я приготовлю обед».

Еще сложнее дело обстоит с Верой Елинек. Раньше она была просто пасторшей, женой пастора; теперь она госпожа пастор. Некоторые пишут «пани ксендз». По-английски все проще: the woman priest, как пишут иностранные газеты, разнесшие по всему миру весть, что в Польше первая женщина посвящена в духовный сан.

В сообщении, облетевшем мир, читателям терпеливо разъясняли, что первая женщина-пастор живет в Зелюве, near Belchatow near Lodz in central Poland, и что речь идет о Евангелическо-Реформатской Церкви.

Эва, дочь Веры и Мирослава, предпочитает по возможности вообще не говорить о своей запутанной семейной и религиозной ситуации. Ну как объяснить по-польски, что ты дочь священника? А теперь? Дочь двух священников?

— Больно уж это попахивает Голландией, — говорит Эва.

Пожалуй, проще всего сослаться на книгу «Энн из «Зеленых фронтонов»». Энн была пресвитерянкой и ходила в реформатскую церковь. В ее времена, в конце XIX века, американка Антония Браун стала первой в мире женщиной-пастором.

ДОМИК В ЗЕЛЮВЕ

Вере Елинек 43 года. Она не красится, носит практичную короткую прическу, удобную одежду и туфли на низком каблуке. Знакомый художник изобразил ее стоящей в старомодном платье. На картине она похожа на строгую, но справедливую классную даму. Когда я приехала в первый раз, картина висела на стене возле библиотечки. Ко времени моего следующего приезда ее стыдливо засунули за диван.

Вера Елинек немного испугана поднявшимся вокруг нее шумом. Но беседа — задача для нее вполне посильная.

— Вечерами мы с бабушкой садились на так называемые стульчики — теперь их называют табуретками. За тонкой стенкой стоял ткацкий станок. Бабушка снимала с плиты конфорку, и стену озарял огонь. Она рассказывала мне библейские предания, историю наших предков, гуситского движения. Священное Писание было ее главной книгой. А еще у нее был канционал — сборник старинных песен. По вечерам мама вязала, а я училась читать по Библии.

Все это звучит как рассказ о американских пионерах, едущих в повозках на запад, и нужно какое-то время, чтобы сообразить, что речь идет о середине 60-х — эпохе джаза, «Кабаре двух пожилых господ», сериалов «Домашняя война» и «Четыре танкиста и собака». Это были времена, когда дети бегали по дворам, изображая Янека или Марусю. Вера — нет.

В воскресенье она шла на литургию, потом оставалась в воскресной школе, о которой польские дети читали только в книгах (из такой школы убежал Том Сойер), а вечером бабушка брала ее с собой на вечерню. В Марусю Вера не могла играть и еще по одной причине: она не знала ни слова по-польски. Дома все говорили только по-чешски.

МАЛАЯ ЧЕХИЯ

Еще накануне II Мировой войны чешский был в Зелюве почти официальным языком. По-чешски говорили поляки, евреи и немцы, чешскими были вывески на магазинах. После войны большая часть чешской общины, насчитывавшей несколько тысяч человек, уехала из Польши. Потом несколько десятков семей вернулись. Сегодня в зелювской евангелическо-реформатской церкви пятьсот прихожан.

Их предки прибыли в Зелюв из Силезии, куда вынуждены были бежать из Чехии, спасаясь от религиозных гонений. У них были фамилии Поспишил, Ерсак, Весоловский, Кульгавый. Они верили, что Библия включает в себе слово Божие, и изучали ее. Они не признавали некоторых таинств и отвергали верховенство Папы.

Чехи купили землю у польского шляхтича за переплавленные обручальные кольца. Это случилось осенью 1802 года. Первым ребенком, родившимся в Зелюве, был мальчик Ян Немец.

Колонисты были практичны и набожны. Они построили кирху, пасторский дом, основали школу, детский приют, хор. В старости они писали воспоминания, которые затем читались на их похоронах.

Это были ткачи и крестьяне, проводившие в Зелюве всю свою жизнь. Если куда-нибудь и уезжали, то недалеко — в Жирардув, на фабрики. Там они сразу создавали общину, приход. То же самое было и в Лодзи. Они уезжали группами. Внешний мир был им чужд. Они боялись, что их дети вступят в брак с иноверцами.

— А мы с Верой, когда приехали сюда, хотели, чтобы у молодежи была возможность знакомиться с другими культурами и сравнивать с ними свою, — рассказывает Мирослав Елинек, — Мы потеряли девушек, которые на организованных нами летних языковых курсах познакомились с иностранцами и повыходили замуж за голландцев и англичан. Что до пользы... В начале 90-х здесь трудно было найти кого-нибудь, кто говорил по-английски. Сегодня с этим нет никаких проблем.

НЕ ХОТЕЛА, НО ПОЛУЧИЛА

Рассказывает Вера:

— Когда я училась в лицее, к нам в Зелюв приехал на молодежную встречу мой будущий муж. Тогда он учился на первом курсе богословия, и кто-то сказал ему, что я интересуюсь Священным Писанием и люблю дискутировать. Он подошел ко мне, оперся на стул и спросил: «Почему же ты так этим интересуешься?» Я возмутилась. Кто это говорит? Студент богословия? Только потом он признался, что вовсе не собирался становиться пастором. Просто в один прекрасный день, уже после выпускных экзаменов, когда он был на каникулах у бабушки неподалеку отсюда, в Куцове, настоятель сказал, что у общины не будет пастора, пока она сама его не вырастит. И мой муж вызвался добровольцем: если надо, он попробует.

— Я был первым за последние 15 лет студентом богословия от нашей Церкви, — говорит Мирослав Елинек, — На моем курсе было 30 студентов, но все они принадлежали к другим конфессиям: лютеране, православные, мариавиты.

— Когда мы встретились, он еще не был уверен в правильности своего выбора, — вспоминает Вера. — Он молился о том, чтобы истинно познать Писание, чтобы Бог дал ему помощника, чтобы никто не мог его ни в чем упрекнуть. Он писал мне письма: «Терпи. Претерпевший до конца спасется». Я не понимала, что он имеет в виду, — ведь мы не были влюблены друг в друга. А он уже тогда знал, что именно я буду этим самым его помощником. Я хотела стать врачом, но завалила экзамены. В то лето, в 1979 г., я снова встретила его в летнем лагере. Вокруг него всегда вились девушки. А он рвался ко мне. Он сказал: «Ну и хорошо, что завалила. Передашь на богословие». И до конца каникул я зубрила. Мы стали парой. Впоследствии кто-то сказал: «Столько девушек его хотело, а получила та, которой было все равно».

ДЕЛА БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ

Говорить с Мирославом Елинеком о 20 годах пасторства в зелювском приходе нелегко. «У нас церковь — центр не только духовной, но и общественной жизни. Это своего рода ось», — начинает он. Дальше рассказ путается от обилия событий. Одних только обществ и фондов, в которых состоит Мирослав Елинек, — семь.

Вера — летописец мужа. В придуманной и составляемой ею календарной хронике, в которую она вот уже одиннадцатый год скрупулезно записывает начинания прихода и пастора, мелкие события перемежаются с крупными делами. Последний календарь насчитывает 164 страницы.

Дела большие: 13 лет назад сгорел дом общины, 150-летняя усадьба. Прихожане построили новый, с въездом для инвалидов колясок. Теперь в нем организуют детские городские лагеря, языковые курсы, молитвенные встречи и выставки местных художников.

— Мы создали музей моравских братьев, библиотеку, архив, — говорит Мирослав.

Дела малые: розданы подарки самым бедным детям прихода и города, на кладбище поставлена новая ограда, а все надгробия сфотографированы. Пропала Зденья. Она сбежала из психиатрической больницы в чешском городе Карвина, перешла границу и ходила от дома к дому, работая за еду. В конце концов она попала в больницу в Белхатуве. Муж и дочь измучались с ней. «Помянем в наших молитвах всех больных и Зденью из Карвины», — написала Вера.

В декабре пастор не нашел ни одного желающего устроить для детей санный поезд. Пришлось заводить свою 16-летнюю машину и самому тянуть 22 саней. В марте приход организовал ярмарку одежды за злотый. Ярмарка не пользовалась успехом. «Значит, наше материальное положение лучше, чем десять лет назад», — написала Вера Елинек в хронике. По случаю 20-летия работы в приходе Мирослав Елинек подвел итоги своей деятельности в Зелюве. Его исповедь заняла 54 строчки.

Одно предложение: «Я пытаюсь бороться с безработицей: приход дал работу по меньшей мере 30 людям, а двое прошли у нас альтернативную службу».

Два предложения: «Помимо богословского, у меня есть техническое садоводческое образование. Кроме того, я закончил дополнительные курсы: локальной активизации, современного управления человеческими ресурсами и подготовку в Школе бизнеса и маркетинга».

В своей хронике Вера описала, как в последний день июля, за четыре часа до бракосочетания двух зелювских прихожан, Мирослав попал в аварию. «Это произошло на Чаплинецкой улице в Белхатуве. Сила удара была так велика, что водительское сиденье вылетело из пазов и пастора несколько раз бросило вперед и назад. Виновник происшествия энергично пытался привести его в чувство. Полицейские предлагали немедленно доставить его в больницу, но он, сознавая серьезность предстоящих ему обязанностей, не мог себе этого позволить. Я никому не желаю совершать брачную церемонию, находясь в шоке после аварии».

ПРОПОВЕДЬ ПРОЧТЕТЕ ВЫ

— Я очень хотел, чтобы моя жена стала пастором, — признаётся Мирослав Елинек.

Как-то раз в воскресенье он должен был крестить близнецов, но из-за приступа мигрени не мог встать с постели. Тогда он подумал, что жена могла бы прекрасно его заменить.

— Но, конечно, пришлось идти. Вера прочитала проповедь, а когда дело дошло до самого крещения, привела меня за руку, как немощного патриарха. Мне же хотелось лишь одного: убежать и лечь в постель.

В приходе не хватало второго пастора. Три года назад во время екуменической недели Мирослав должен был прочитать проповедь в костеле. Все было уже готово, но за три часа до богослужения Мирослав поскользнулся и сломал ногу. Кто прочтет проповедь у католиков? Где найти замену? Католический настоятель подумал и сказал Вере: «Проповедь прочтете вы». Вышло замечательно.

В 1988 г. Мирослав Елинек поехал в Бонн. Перед отъездом зашел к католическому настоятелю и сказал: «Отче, у вас теперь вместо соседа будет соседка». А тот ему в ответ: «Отлично».

— За все эти годы я понял одно: очень несправедливо говорить, что женщина не может проповедовать Евангелие, — утверждает Мирослав, — Когда во время Великого синода Вера спросила, может ли она быть посвящена в духовный сан, я сидел рядом с ней.

«ЛИЦО» ВМЕСТО «МУЖЧИНЫ»

В 1991 г. у Веры появился шанс. Синод Евангелическо-Реформатской Церкви изменил статью устава о посвящении в духовный сан. Всего одно слово. Раньше пастором мог быть только мужчина. Теперь слово «мужчина» заменили на «лицо».

— Когда поправка была принята, я просто встала и сказала, что если закон дает мне такую возможность, то я прошу разрешить мне принять сан, — говорит Вера.

— И синод согласился?

— Поднялась целая буря, и в конце концов было решено, что сейчас это невозможно. А так как я не умею спокойно ждать подходящего момента, мне назначили период молчания: в течение семи лет я не могла просить разрешения и касаться этой темы. Я села. Для меня это был удар.

Вера Елинек не любит вопросов о том, что побудило ее стать пастором. Она боится, что за таким вопросом кроется дух феминизма.

— Я никогда не хотела сана ради самого сана или в пику мужчинам.

В интервью журналу «Еднота» она сказала, что на ее решение не повлияла ни одна женщина.

— Однажды меня пригласили в Швейцарию на конгресс женщин, борющихся за права женщин в Европе. Женщины, с которыми я там встретилась, хотели доказать друг другу, что мужчина — источник всякого зла. Я сказала: жаль, что здесь нет мужчин, которые могли бы все это услышать и ответить. Для меня мой муж — единственный друг, которому я могу полностью довериться. Почему же я должна рассказывать о нем что-то плохое за его спиной?

По истечении назначенных ей семи лет Вера написала очередное прошение.

ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ

В доме Веры семейная жизнь уже давно перемешалась с жизнью прихода. Мы садимся ужинать в кругу семьи. За столом сидит Вера — учительница Закона Божия, воспитательница в детском саду, руководитель музыкального ансамбля «Зелювские колокольчики» и делегат синода Церкви. Рядом 19-летняя Эва, которая играет в «Зелювских колокольчиках», создает сайт прихода и преподает в воскресной школе. Возле нее — 21-летний Амос. Прежде чем стать студентом, он тоже играл в «Зелювских колокольчиках». Затем мама Веры, поющая в хоре, и, наконец, во главе стола — настоятель Мирослав Елинек, пастор, член семи обществ и фондов, духовный советник консистории, директор детского сада, координатор музея.

На двери ванной висит календарь, в котором Вера обозначила дни рождения всех прихожан — чтобы не забыть поздравить.

— Чему вы хотите научить своих детей? — спрашиваю я уже после ужина.

— Мы делаем очень много всего: настольные игры, кружки... Но вы, кажется, спрашивали о моих детях, а я говорю о детях из нашего образовательного детского сада. Моих детей я хотела бы научить быть хорошими людьми.

— Этот детский сад появился так. У Амоса была дислексия — он не умел читать. Никто не мог нам помочь. Потом мы по знакомству попали к профессору Эдите Грущик-Кольчинской. Ездили к ней на занятия в Варшаву. Тогда-то нам и пришло в голову организовать детский сад для дислектиков и у нас. Проф. Грущик-Кольчинская взяла его под свою опеку.

Чтобы ребенок попал в детский сад, родители должны записать его заблаговременно — с двухлетним опережением.

В своей хронике Вера описала, как в прошлом году дети из Зелюва должны были поехать в летний лагерь в Чехию. За два дня до отъезда опекун группы сказал, что не поедет.

— Найти опекуна в течение двух дней? Скажу вам по секрету, что происходит в таких случаях. Действует написанное правило: никто не может, а член пасторской семьи должен.

С группой поехала дочь Веры.

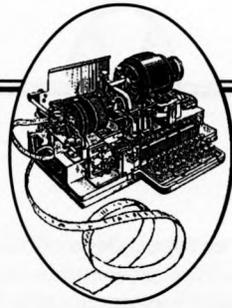
МАРФА И МАРИЯ

— В канун нового тысячелетия я написала работу и сдала экзамен. Меня уже могли посвятить в сан, но три года не было денег на мою зарплату. Однако зелювский приходской совет был полон решимости: он обещал найти деньги и принять меня на работу. Так все и будет — меня будет содержать приход. Я смогу крестить, причащать, произносить надгробные речи. И надевать тогу. Я смогу во всем замещать моего мужа.

Уже в субботу приедут первые гости. В воскресенье в три часа дня мы войдем в церковь: церковная коллегия, члены нашего прихода, приглашенные гости, а в конце — епископ Марек Издебский и я. Хор преподнесет нам сюрприз: споет «Господи, веди дитя Твое». Потом будет литургия, а после нее посвящение. Его совершит епископ в сопровождении двух пасторов, которых выбирает сам посвящаемый. Я выбрала моего мужа и старейшего священника синода евангелической Церкви моравских братьев, моего родственника Павла Сметану, который подарил мне тогу своего тестя.

Мне прочитают обязанности духовного лица. Потом епископ прочтет вопросы присяги, а я выражу свое согласие. Все присутствующие духовные лица окружают меня, протянут руки, а епископ произнесет слова благословения. Затем будет общая песнь, а я прочитаю проповедь.

Проповедь Веры уже готова. В ней есть фрагмент о том, как Иисус приходит к Марии, Марфе и их брату Лазарю. Мария садится у ног Иисуса, но Марфе, хорошей, рачительной хозяйке, это не нравится. Она охотно принимает учеников Иисуса и не отпустит их голодными. Однако ее раздражает, что Мария сидит и слушает. Ведь все ученики — мужчины. Марфа злится: почему Иисус позволяет ей это делать? Разве Он забыл, где место Марии? Она спрашивает: неужели Ему нет дела, что Мария оставила ее в кухне одну? А Иисус говорит: «Марфа, Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом...» Он ценит то, что делает Марфа, но и Мария избрала благой путь.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• День независимости (польский национальный праздник, отмечаемый 11 ноября) был установлен в 1937 г. в честь обретения Польшей независимости в 1918 году. В этот день I Мировая война завершилась капитуляцией Германии, а в Польше к власти пришел Юзеф Пилсудский. После II Мировой войны и почти 45-летней зависимости Польши от Советского Союза праздник 11 ноября был восстановлен только 15 февраля 1989 г. — в эпоху заседаний «круглого стола».

• Иоланта Квасневская не исключает, что выставит свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах: «Если я решу баллотироваться, то могу заверить в одном: я буду одним из самых подготовленных кандидатов (...) Я не планировала свою карьеру (...) Рейтинг [44% избирателей изъявляют желание голосовать за И.Квасневскую] заставил меня переоценить мой мир, изменить взгляд на Польшу, на свое прошлое (...) Я юрист. В отличие от многих политиков, которым никогда не приходилось нести ответственность за людей, работающих на их собственном предприятии, и думать, хватит ли денег на зарплату, у меня была своя фирма, достигшая под моим руководством определенных успехов. Благодаря этому я знаю, что такое стабильность и ясность закона (...) Я человек прагматичный. По многим вопросам я могла бы прийти к соглашению как с левыми, так и с консерваторами. Мне кажется, старое деление на партии давно себя изжило. Я знаю политиков, которые уже несколько раз по неизвестным мне причинам сменили партию, часто руководствуясь только личными амбициями. По-моему, в польской политике не хватает не четких границ, а определения главной цели и создания вокруг нее широкой коалиции. А ведь такая цель есть — это вступление в Евросоюз». («Политика», 8 ноября)

• Отчет «Общественный диагноз-2003» свидетельствует о том, что дела у поляков идут лучше, чем у их государства. За последние три года средние доходы польских семей возросли на 14%. Однако 40% домашних хозяйств продолжают сетовать на то, что постоянных доходов недостаточно для удовлетворения текущих нужд. В начале 90-х об этом заявляли две трети семей. На благо местной общест-венности в последние три года работали 13% опрошенных. Только 12% заявляют о своем членстве в союзах, обществах и политических партиях. («Жечпосполита», 16 окт.)

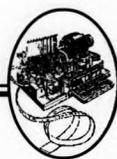
• Более трех четвертей опрошенных ЦИОМом утверждают, что они «скорее довольны» или «очень довольны» своей жизнью. Число недовольных уменьшилось с 28% в 1992 до 20% в 2003 году. Больше всего довольна молодежь (до 40 лет). («Газета wyborca», 18-19 окт.)

• Польское общество склонно к размышлениям. Поляки не перестают задумываться о происходящих и возможных событиях. Они постоянно сравнивают себя с другими обществами, причем прежде всего — с более развитыми. Кроме того, они нетерпеливы и хотят быстрых результатов проведенных преобразований. Так охарактеризовали польское общество профессора Ядвига Коралевич и Марек Зюлковский из Института политических исследований ПАН в своей книге «Менталитет поляков. Образ мыслей в политике, экономике и общественной жизни в 1988-2000 годах». («Жечпосполита», 9 окт.)

• «В Европе социальное государство переживает глубокий кризис (...) Между тем в Польше наступил период раздачи социальных привилегий, хотя никто не задумывается о том, что и у нас придет время отбирать розданное. Может, стоило бы ограничить эту раздачу уже теперь — хотя бы ради спасения таких, еще живых в народе добродетелей, как семейные узы, готовность прийти на помощь и тепло, дающее надежду на будущее даже в самые трудные минуты жизни». (Кристина Гжисбовская, «Впрост», 19 окт.)

• Из более чем 3 млн. зарегистрированных безработных почти миллион не ищет работу. Это означает, что статистика вводит нас в заблуждение и истинная безработица намного ниже — на уровне 13,5%. Значительная часть зарегистрированных безработных работает в теневой экономике и не хочет ничего менять. На бирже труда они регистрируются только затем, чтобы иметь право на бесплатное медицинское обслуживание, а в будущем — хотя бы на минимальную пенсию. («Политика», 18 окт.)

• По данным Главного статистического управления (ГСУ), уже седьмой месяц подряд уровень безработицы неуклонно снижается. В январе он составлял 18,7%, в феврале возрос до 18,8%, а затем падал вплоть до 17,5% в сентябре. («Жечпосполита», 31 окт.)

• Государственная администрация — один из крупнейших в Польше работодателей. В 2002 г. в государственных учреждениях работали 338,6 тыс. человек — в два раза больше, чем в 1989-м. Ни в одном секторе экономики занятость не росла так быстро. (*«Жечпосполита»*, 27 окт.)

• В Польше средняя продолжительность судебного процесса составляет 1000 дней. Для сравнения: в Голландии судебный процесс длится в среднем 39 дней, в Литве — 74, в Армении — 65, в Словакии — 1003, а в Гватемале — 1460. (*«Впрост»*, 9 ноября)

• Из отчета Европейской комиссии следует, что за полгода до вступления в Евросоюз Польша не в состоянии воспользоваться многими возможностями, предоставляемыми интеграцией. Замечания комиссии касаются прежде всего экономики. Членство в ЕС должно было на долгие годы обеспечить Польшу динамичное развитие, однако, по мнению комиссии, необходимые для этого структурные реформы застопорились. (*«Жечпосполита»*, 6 ноября)

• По данным Польского национального банка, в сентябре платежный баланс был значительно лучше, чем ожидалось. Вместо ожидаемого дефицита в текущих оборотах в Польше наблюдалось превышение доходов над расходами, составившее 61 млн. евро. (*«Жечпосполита»*, 3 ноября)

• В январе-августе этого года польский экспорт увеличился на 26% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Стоимость импорта возросла на 20,7%. (*«Жечпосполита»*, 14 окт.)

• Ученые из Краковского политехнического института разработали революционный метод переработки пластиковых бутылок из-под прохладительных напитков. Из них можно производить материал, по прочности сравнимый с бетоном, — пропускающий воду, но не впитывающий ее. Благодаря таким свойствам из него можно изготавливать плиты для укрепления почвы и поверхностей, подверженных сильным нагрузкам, а также для утепления фундаментов, стен, полов и крыш. (*«Газета wyborча»*, 14 окт.)

• «Ежегодно житель Польши тратит на отопление своего дома газом в среднем 2900 злотых, американец — на 400 злотых меньше, а словак — на 1800 злотых меньше. По сравнению с 2000 г. польские домашние хозяйства стали платить за газ на 40% больше (...) «Газпром» продает газ концерну «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» по 125-130 долл. за 1000 кубометров (точная цена до сих пор остается тайной). Турки платят россиянам около 80 долларов (...) Немцы же промышленные потребители платят на целых 40% меньше, чем польские (...) «Газпром» поставляет Польшу 6,7 из 12 млрд. кубометров природного

газа, необходимого нам в 2003 году (...) «Газпром» держит нас за горло». (*Кишиштоф Трембский и Александр Пинский*, *«Впрост»*, 9 ноября)

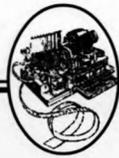
• С 1 ноября, в соответствии с подписанным несколькими днями раньше контрактом, НАК «Нефтегаз Украины» и фирма «Еврал Транс Газ» начали поставлять газ в Польшу. НАК — национальная газовая компания Украины; «Еврал Транс Газ» — посредник, чьих представителей в начале 2003 г. российская пресса обвинила в связях с мафией. Еще в этом году в рамках контракта Польша получит 800 млн. кубометров туркменского газа. В общей сложности до июля 2004 г. в Польшу будет поставлено 2 млрд. кубометров газа. (*«Жечпосполита»*, 4 ноября)

• Коррупция, засилье партий в управлении государством и, как следствие этого, разочарование граждан и нежелание участвовать в общественной жизни — такой образ действительности представили участники прошедшей в президентском дворце конференции, посвященной 14 годам польских преобразований. Президент Александр Квасневский пригласил на конференцию более 180 представителей мира политики, экономики, науки и СМИ. (*«Жечпосполита»*, 31 окт.)

• Из доклада проф. Януша Рейковского на конференции, организованной президентом: «Неуправляемость государства, массовая коррупция, преступность — все это симптомы одной болезни: глубокого ослабления идентификации граждан с демократическим государством. В дальнейшем последствием такого ослабления может стать развитие антидемократических движений». (*«Тыгодник повишехий»*, 9 ноября)

• Согласно опросу ЦИОМа, только 8% поляков положительно оценивают работу правительства (на 3% меньше, чем в сентябре). В то же время количество отрицательных оценок деятельности кабинета министров возросло с 84 до 87%. Работу премьер-министра положительно оценивают 14% поляков (на 2% меньше, чем в сентябре), а отрицательно — 78% (на 3% больше, чем в сентябре). Зато число положительных оценок действий президента Александра Квасневского увеличилось с 67 до 70%, а отрицательных — уменьшилось с 27 до 23%. (*«Жечпосполита»*, 24 окт.)

• После пяти лет лидерства на польской политической сцене «Союз демократических левых сил» (СДЛС) оказался в опросах на втором месте. В опросе, проведенном ЦИОМом, его опередила «Гражданская платформа», получившая 20-процентную поддержку. СДЛС поддерживают 18% опрошенных, «Самооборону» — 13%, «Право и справедливость» — 12%, «Лигу польских семей» — 11%, крестьянскую партию ПСЛ — 7%, а «Унию труда» — 6%. Однако в общей сложности правящая коалиция СДЛС-УТ все еще имеет 24-процентную поддержку. (*«Жечпосполита»*, 8-9 ноября)

• Депутат Збигнев Семёнковский, один из лидеров СДЛС и глава Управления разведки: «СДЛС сойдет с политической сцены и канет в политическое небытие, если не переживет радикального, глубокого потрясения (...) Пока что я не вижу механизма, способного очистить СДЛС от случайных людей, которые отпадут на следующий день после того, как партия проиграет выборы (если это, конечно, когда-нибудь случится). Пожалуй, больше всего шансов очистить СДЛС от всех этих патологий появится в ту минуту, когда он перестанет быть партией, членство в которой приносит выгоду». (*«Газета wyborcza»*, 4 ноября)

• Лех Валенса: «Правые верят в Бога и частную собственность. Левые не верят в Бога, но верят в государственную собственность. Однако ситуация, сложившаяся у нас, совершенно ненормальна. «Союз демократических левых сил» опирается на частную собственность. Левые стали правыми, а правые — левыми. После полувекового формирования пролетариата мы только-только начинаем строить демократию». (*«Политика»*, 1 ноября)

• В 2002 г. Сейм принял более 42 килограммов законов, что с помощью весов продемонстрировал вице-маршал Сейма Януш Войцеховский. (*«Жечпосполита»*, 23 окт.)

• Восемь неправительственных организаций, занимающихся охраной животных и оказанием им помощи, заключили коалиционное соглашение. Они намерены сообща добиваться изменения закона об охране животных. (*«Газета wyborcza»*, 6 окт.)

• По мнению экспертов из Института общественных вопросов, в Польше растет культурная неоднородность и слабеет ксенофобия. Согласно переписи населения, в Польше живет около 5 тыс. беженцев, 10 тыс. репатриантов и 40 тыс. легально проживающих и работающих иммигрантов. Кроме того, по разным оценкам, в Польше легально пребывают, но нелегально работают от 150 до 500 тыс. иностранцев. Труднее всего включиться в жизнь общества беженцам (из Чечни, Грузии, Ингушетии, Шри-Ланки, стран Африки). Репатрианты жалуются на языковую дискриминацию и годами чувствуют себя чужими в новом окружении. Лучше всего чувствуют себя в Польше легальные иммигранты, которые учатся или работают. (*«Жечпосполита»*, 28 окт.)

• Информационные надписи на цыганском языке появятся в местности Стшельце-Опольске. До сих пор, помимо польских, там были немецкие надписи. «Цыгане живут бок о бок с нами уже сто лет», — говорит староста Герхард Матей из немецкого меньшинства. По оценке председателя одного из местных обществ цыганской культуры Яна Коженёвского, это первая подобная инициатива в Польше. В Опольском воеводстве живет около 4 тыс. цыган. (*«Газета wyborcza»*, 5 ноября)

• Посол Израиля в Польше проф. Шевах Вейс: «В 1998 г. еврейское общественное имущество было передано еврейским общинам (...) До войны в Польше было больше тысячи общин, а сейчас их всего 12, и насчитывают они по 17, 20, 75 евреев (...) Я благодарен людям, помогающим нам заботиться о наших кладбищах. Прежде всего это замечательная польская молодежь, общество «Антисхемь» Ежи Форналика, фонд Халины Срочинской и сам Зенон Срочинский (...) Часто я вижу и достойные уважения инициативы президентов [мэров] различных городов, бургомистров, старост, депутатов местных советов, а также простых жителей, которые по зову сердца и совести заботятся о старых еврейских кладбищах (...) Я рад, что есть такие благородные организации, как российский Фонд польской семьи Ниссенбаумов, Фонд Лаудера, еврейские общины и не состоящие ни в каких обществах честные и порядочные поляки, которые знают, что от нас здесь остались только память и воспоминания...» (*«Впрост»*, 9 ноября)

• 14 октября 1943 г. конспиративная организация еврейских узников фашистского лагеря смерти в Собиборе под Влодавой подняла бунт. Самые опытные бойцы — советские пленные — напали на охранников. Трестам узникам удалось бежать. Большинство из них было схвачено и расстреляно немецкой полицией. Многих из тех, кому удалось спрятаться, выдали немцам местные жители. Спаслось около пятидесяти беглецов. С мая 1942 до июня 1943 г. немцы уничтожили в Собиборе 250 тысяч евреев и около тысячи поляков. (*«Жечпосполита»*, 14 окт.)

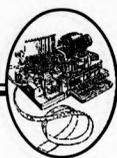
• Немецкое меньшинство предложило магистрату Мальборка передать пустующее здание Иерусалимского госпиталя прежним хозяевам города — мальтийским рыцарям. (*«Впрост»*, 2 ноября)

• Министр национальной обороны Ежи Шмайдзинский: «Польское руководство считает, что наше государство нуждается в укреплении обороноспособности». (*«Жечпосполита»*, 27 окт.)

• В бюджете будущего года расходы министерства национальной обороны превысят 3,4 млрд. злотых, т.е. будут самыми крупными за много лет. Заказы на поставку оружия и оборудования, необходимого для участия в иракской операции, в 90% случаев получают отечественные производители. (*«Жечпосполита»*, 29 окт.)

• В Ираке погиб польский офицер. Майор Хиероним Купчик был смертельно ранен во время обстрела польской автоколонны. Это первая потеря поляков со времени размещения в Ираке польского контингента. (*«Жечпосполита»*, 7 ноября)

• Станислав Лем: «Человек, пытающийся осмыслить ситуацию в мире, погружается во мрак. Число факторов, которые следует учитывать, превосходит возможно-

сти нашего ума (...) Над горизонтом нависли свинцовые тучи. Трудно сказать, что из них выползет. Можно поставить карандаш на заточенный конец, но он сразу упадет — только неизвестно, в какую сторону. Именно так выглядит положение нашего мира. Должно быть, после 25 лет понтификата Папа взирает на это с огромной тревогой». (*«Тыгодник повшехний», 19 окт.*)

• Из интервью с Егором Гайдаром: «У вас в Польше правят посткоммунисты, но они совсем не такие [как в России] (...) от них наверняка нельзя ожидать массовых казней или попыток установить тоталитарный режим — ведь они всегда были только отделом КПСС по контролю над Польшей. В связи с этим их полномочия были невероятно ограничены, и они это прекрасно сознавали. После краха коммунизма они активизировались, так как были заинтересованы в том, чтобы существовать в условиях демократии. С ними можно иметь дело. Наши — совсем другие. Это имперская, антисемитская, националистическая партия — никакие не социал-демократы, а национал-социалисты. Вы в Польше не сумели предотвратить прихода к власти ваших посткоммунистов, что, впрочем, оказалось не так уж опасно. Но, если бы мы позволили прийти к власти нашим, это было бы действительно ужасно. И для нас, и для всего мира. То, что нам удалось не допустить этого, — по-настоящему великое дело». (*«Газета выбора», 25-26 окт.*)

• Умер председатель Хельсинского фонда по правам человека Марек Новицкий. «Мы воздаем дань памяти Марека от имени всех россиян, которые стольким ему обязаны», — говорили на похоронах выдающиеся деятели сопротивления советской власти и защитники прав человека Сергей Ковалев и Людмила Алексеева. Произнося прощальное слово, Алексеева держала пачку писем, полученных ею после смерти Марека: «Его ученики писали мне со всей России. Они хотели бы быть здесь, но, если бы они приехали, на кладбище не хватило бы места. Марек помог нам стать профессиональными правозащитниками, превратил молодых энтузиастов в специалистов». «Закон был для него ограничением, а не орудием власти», — сказал Сергей Ковалев. (*«Газета выбора», 18-19 окт.*)

• Славомир Поповский: «Мне близка та Россия, в которой я жил и которую я видел — раз пленительная, а на следующий день кошмарная и невыносимая; Россия моих друзей, с которыми я мог ссориться, смеяться и вести долгие «кухонные» беседы о жизни и политике (...) Но в то же время Россия, полная нонсенсов, непонятных иностранцу (...) замкнутая в себе, непрестанно впадающая из одной крайности в другую. Опасная для других и для самой себя. Короче говоря, Россия моих русских братьев». (*«Жечпосполита», 25-26 окт.*)

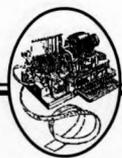
• В редакции газеты «Жечпосполита» прошла встреча с главными редакторами крупнейших российских газет. Независимо от множества различий в работе СМИ в Польше и России, все были едины в одном: балласт исторического опыта не может препятствовать продолжению диалога, который в последние годы практически прервался. В результате рядовой русский и рядовой поляк знают друг о друге все меньше, а интеллектуальные контакты между нашими странами поддерживаются только с помощью других. (*«Жечпосполита», 23 окт.*)

• Из выступления проф. Анджея Пачковского на московской конференции «Польша—Россия, 1939-1989: тяжелое наследие»: «Трудно сказать, действительно ли в Польше национальные стереотипы более заметны, чем в России, но я постараюсь объяснить, почему может возникнуть такое впечатление. Россия и русские очень важны для поляков. Для нас интерес к России — одна из главных тем. Между тем Польша для России — страна второстепенная. У большинства россиян нет никакого сложившегося мнения о Польше: она им безразлична. Поэтому в России антипольские стереотипы не видны. В польской историографии сохранилась линия критического подхода к истории своего народа и государства, часто именуемая «краковской школой». В России весьма распространено оправдание тех или иных действий. Польским историкам легче показывать негативный образ Речи Посполитой, напавшей на Россию в XVII веке и занявшей Кремль, нежели российским говорить подобным образом о 1939 году». (*«Газета выбора», 3 ноября*)

• На Краковской книжной ярмарке были широко представлены русские книги. По мнению переводчицы Эвы Ройтман-Олеярчик, «русская книга возвращается в Польшу после долгих лет отсутствия, неприязни и предубеждений (...) В последнее время мне предлагают все больше переводов. Мы начинаем наверстывать упущенное». (*«Газета выбора», 24 окт.*)

• Мариуш Машкевич, бывший посол Польши в Белоруссии: «[Когда-то] польские товары пользовались на российском рынке заслуженной репутацией. Но в последнее время с этим бывают проблемы. В Калининграде я слышал от российских предпринимателей, что там в ходу выражение «польские сосиски» — синоним заваленного товара низкого качества. Хорошую репутацию надо долго завоевывать (...) Однако пришло время жесткой конкуренции, а утратить наработанную позицию очень легко». (*«Жечпосполита», 7 окт.*)

• В Свиноуйсьце вновь открыт демонтированный четыре года назад памятник дружбы польских и советских моряков. Ремонт оплатило Поморское пароходство по просьбе губернатора Калининградской об-

ласти Владимира Егорова, одного из последних командиров Балтийского флота в Свиноуйсьце. (*«Газета wyborча»*, 27 окт.)

• В 60-ю годовщину битвы под Ленино премьер-министр Лешек Миллер почтил память погибших там солдат польской дивизии. В ходе драматических двухдневных бое поляки выполнили поставленную перед ними тактическую задачу. Они были отозваны с передовой, в частности благодаря ходатайству Ванды Василевской у Сталина. Василевская пришла в ужас от потерь, о которых доложил ей командир дивизии генерал Зигмунт Берлинг: в битве погибло около 600 солдат. (*«Газета wyborча»*, 13 окт.)

• Во время пребывания под Ленино Лешек Миллер встретился с представителями белорусской оппозиции. Как сообщил пресс-секретарь правительства, во встрече принял участие, в частности, председатель Белорусской социал-демократической партии Никола Статкевич. (*«Жечпосполита»*, 15 окт.)

• В Белоруссии не осталось ни одного постоянно корреспондента польской прессы. Последним в начале октября закрыло свое представительство Польское агентство печати. Сложившаяся ситуация вызывает беспокойство у белорусской оппозиции. (*«Жечпосполита»*, 17 окт.)

• Одна из главных целей недавно созданной Польско-украинской межпарламентской ассамблеи — помочь Украине приблизиться к западным структурам. Председателем ассамблеи с польской стороны избрана вице-маршал Сената Иоланта Данеляк; с украинской — заместитель председателя Верховной Рады Александр Зинченко. Ассамблея будет собираться раз в году. Постоянно будут работать две комиссии: общественно-политическая и по делам экономического сотрудничества. Первое заседание ассамблеи прошло в Киеве. (*«Газета wyborча»*, 14 окт.)

• На месте деревни Борщевка, разрушенной 60 лет назад украинцами и немцами, поставлен гранитный крест с польским орлом и надписями на польском и украинском языках. На кладбище, открывшемся там, где когда-то стояла деревня, покоится прах 250 поляков, жителей Борщевки, убитых в 1943 году. «Это мое Едвабне», — сказала участвовавшая в церемонии открытия кладбища супруга президента Польши Иоланта Квасневская. Среди убитых в Борщевке были члены ее семьи. (*«Жечпосполита»*, 7 ноября)

• Харцеры из Згежа привели в порядок три кладбища солдат Юзефа Пилсудского на Вольни. В свою очередь украинские скауты приехали в Польшу, чтобы ухаживать за могилами солдат Симона Петлюры в Калише. (*«Жечпосполита»*, 31 окт.)

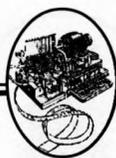
• «В процессе вступления в НАТО и ЕС мы пользовались опытом Польши, которая идет на шаг впереди нас», — сказал президент Румынии Ион Илиеску, благодаря Александра Квасневского за ратификацию Польшей вступления Румынии в НАТО. (*«Жечпосполита»*, 9 окт.)

• Из письма в редакцию Анджея Чеслава Жака: «Грузинский офицер-контрактник майор Дмитрий Шаликашвили служил в Варшаве в 1-м полку легкой кавалерии им. Юзефа Пилсудского, в составе которого был отправлен на фронт в 1939 году. Ранее, до 1926 г., он служил в 11-м уланском полку в Цехануве. Сын Дмитрия Ян (Джон) Шаликашвили, родившийся в Варшаве 27 июня 1936 г., в 1993-1997 гг. был главой Объединенного комитета начальников штабов, т.е. высшим по рангу офицером американской армии, подчинявшимся только президенту Клинтону. Генерал Шаликашвили посетил Польшу в 1994 и 1995 годах». (*«Тыгодник повшехний»*, 12 окт.)

• К двум годам лишения свободы приговорил Валбжихский суд бывшего офицера госбезопасности Ежи Х. за пытки активистов «Солидарности» в 1982-1986 годах. (*«Жечпосполита»*, 6 ноября)

• Варшавский апелляционный суд пришел к выводу, что в люстрационном заявлении бывшего депутата СДЛС и многолетнего дипломата Владзимежа Конарского содержатся ложные сведения. Конарский не написал в заявлении о своем сотрудничестве со спецслужбами ПНР. В результате он не сможет занимать высоких государственных постов в течение 10 лет. (*«Жечпосполита»*, 10 окт.)

• Прокуратура предъявила Збигневу Сobotке обвинение в том, что «25 марта 2003 г., занимая должность статс-секретаря министерства внутренних дел и администрации и (...) располагая (...) информацией о планируемой операции Центрального следственного бюро Главного управления полиции по задержанию и привлечению к уголовной ответственности староховицкого старосты Мечислава Славка, заместителя председателя совета Староховицкого повята Марека Басяка, а также членов организованной преступной группировки, занимающейся, в частности, торговлей огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, распространением психотропных веществ, кражей автомобилей и незаконным присвоением транспортных компенсаций (...) он передал сведения о планируемых действиях полиции против упомянутой группировки, Мечислава Славка и Марека Басяка не имеющему соответствующих полномочий [депутату] Генрику Длугошу, который в свою очередь передал их также не полномочному [депутату] Анджею Ягелло, предупредившему о предстоящих действиях полиции лица, против которых они были направлены». (*«Жечпосполита»*, 21 окт.)

• «Что ты там, Гжегож, наводишь тень на плетень в деле Сobotки? — спросил министра юстиции и генерального прокурора Гжегожа Курчука премьер-министр Лешек Миллер. — Почему я, твой начальник, не знаю о многих вещах?» Ответ министра изумил премьера. «Мой единственный начальник — Уголовный кодекс», — сказал Курчук. В дальнейшем он заявил: «Обратившись к Сейму с просьбой лишить министра Сobotку депутатской неприкосновенности, я сделал то, к чему обязывает генерального прокурора закон». (*Войцех Сумлинский, «Впрост», 26 окт.*)

• О том, что Збигнев Сobotка передал сотруднику «Штази» подробные данные, касающиеся внутренней ситуации Польши, стало известно еще в 1994 г., когда были опубликованы документы, хранящиеся в Институте Гаука. Под донесением Сobotки было написано: «Источник информации подлежит тщательной охране». По мнению уполномоченного правительства Германии по работе с архивами «Штази» Йоахима Гаука, такая приписка могла касаться только агента. (*«Газета польска», 22 окт.*)

• По мнению Келецкой прокуратуры, об операции Центрального следственного бюро Збигнева Сobotку предупредил главный комиссар полиции ген. Антоний Ковальчик. (*«Тыгодник повшехний», 26 окт.*)

• Чистка в высших эшелонах полиции. Должностей лишились главный комиссар и двое его заместителей — создатель Центрального следственного бюро и начальник отдела по предотвращению преступности. (*«Газета wyborча», 30 окт.*)

• Депутат от «Права и справедливости», член комиссии Сейма по внутренним делам и администрации Людвик Дорн считает, что в настоящее время действуют два механизма контроля над полицией. Первый — страх перед сменой власти, когда заметенные под ковер делишки рано или поздно выйдут наружу. Второй — контроль СМИ и общественного мнения. Полицейские и политики опасаются, что те, кого СМИ поймают с поличным, заплатят за это своей карьерой. (*«Впрост», 26 окт.*)

• Премьер-министр Лешек Миллер: «Мы стали свидетелями множества афер. Я имею в виду не только Варшаву, но и скандалы, случающиеся в гминах и органах местного самоуправления. Я стараюсь просматривать местную печать. Честно говоря, иногда это бывает довольно удручающее занятие». (*«Ньюсуик-Польша», 9 ноября*)

• В Польше резко растет число экзорцистов. «Еще пять лет назад в Польше было только четыре священника, которым епископы поручили изгонять из одержимых злых духов. Теперь нас больше сорока», — говорит о. Мариан Пётковский, координатор деятельности священников-экзорцистов. «Одержимых все больше, ибо все больше искушений», — поясняет экзорцист из Клеосина о. Бенедикт Борковский. (*«Ньюсуик-Польша», 26 окт.*)

• В специальном обращении к жителям столицы президент Варшавы Лех Качинский призвал оставлять подвалы доступными для кошек, чтобы тем было легче пережить зиму. (*«Газета wyborча», 29 окт.*)

• Во время встречи с читателями лауреату главной польской литературной премии «Нике» Ярославу Мареку Рымкевичу было задано несколько вопросов о кошках, упоминающихся во многих стихотворениях из награжденного сборника «Закат солнца в Милянувек». На один из этих вопросов Рымкевич ответил: «Это мои друзья. Никто не знает о них столько, сколько знаю я, и ни у кого нет с ними таких проблем, как у меня». (*«Газета wyborча», 15 окт.*)

• Приведем отрывок из стихотворения Ярослава Марек Рымкевича «Сад в Милянувек. Песня Ночного Странника» (в переводе Натальи Горбаневской):

*В сад приходит — это может кто хочет
Ты человекий входи серый котик*

*Дикий лужок мой вот-вот расцветет
Верю Господь на него забредет*

*Ночью войдет потихоньку и спросит
Что это кошек из дома уносит*

Марек Бейлин

МОДА НА УПАДОК

Я все чаще читаю, что Польша пришла в упадок. Исчезли ценности, увяла культура, демократия едва держится на ногах, а растленая Третья Речь Посполитая подходит к концу — такой диагноз вытекает из множества публикаций и комментариев. Оказывается, за неполных полтора десятка лет мы потерпели полное поражение и живем на развалинах былых грез. Типична с этой точки зрения заметка во вчерашнем номере газеты «Жечпосполита» о книге Яцека Вагнера «Сарматские бесы». Для начала — приведенная в газете цитата из книги:

«Тадеуш Мазовецкий [в 1989 г.] объявил, что борьба за независимость кончилась и теперь «жирная черта» отделяет прошлое от настоящего и будущего. То есть уже нет ни жертв, ни вершителей зла (...). И побеждающая «Солидарность» сразу проиграла, так как взрастила новую олигархию из старого политического истеблишмента».

А вот как комментирует этот фрагмент журналист, подписавшийся инициалами К.Т.Т.:

«Сильные слова. Как и вся книга, написанная со страстью и заботой, ищущая ответы на вопрос, правда ли наша история должна быть полна упущенных побед и почему это так».

Упущенная победа «Солидарности»? А когда же мы прежде обладали свободой и такими огромными шансами развития? Правда, в Польше процветает коррупция и кумовство, государство бездарно, законы плохи, политическая верхушка рассыпается в труху, царит безработица. У нас полно трудностей и опасностей, но так происходит во многих демократических странах. Наши затруднения болезненны, но довольно банальны. Тем не менее пришла мода изображать упадок Польши. Делает это и «Трибуна» [орган правящего «Союза левых демократических сил», бывшая «Трибуна люду»], хотя ее диагноз катастрофы охватывает исключительно неправительственную действительность. Да только если все на самом деле пришло в упадок, то починка страны выглядит предприятием столь же героическим, сколь и безнадежным.

В 90-е годы пугалом катастрофы нередко размахивала идущая к власти оппозиция. Это был основной способ зарабатывать популярность. Описания поражения польской демократии исходили также от экстремистских группировок, главным образом националистических, а также от «Не» Урбана. Сегодня этот тон перестал быть символом радикализма, распространился в верхах и СМИ, становясь элементом повседневности. Это не остается без последствий (чудес не бывает). Легче убедить людей, что дела плохи, чем объяснить, что они идут не самым худшим образом. И вот мы убеждаемся чаще всего бессознательно, что эта самая Польша понесла полное поражение, ничего не вышло и надо начинать все сначала. Так мы говорим языком революции без цели и программы, т.е. занимаемся слепой революционностью. Хоть и мягкая, она не поддерживает перемен в рамках системы, но дает дозволение на полный снос всего, что мы накопили и что воистину не так уж плохо.

Витольд Орловский

КРИЗИС?

Призрак бродит по Польше — призрак финансового кризиса, который может привести к потрясению основы нашей валюты и экономики, пауперизации общества, разорению инвесторов и в мгновение ока превратить нашу страну в европейского изгоя (где ее место будет, как в старом анекдоте, либо сразу перед Албанией, либо сразу после нее).

На сцене появляются различные сценарии, сводящиеся, как правило, к одному-единственному, а именно: сидящие на чемоданах зарубежные инвесторы, которые уже сейчас якобы считают вложение капиталов в Польшу чем-то вроде «русской рулетки», где людьми движет исключительно нездоровая страсть к риску, в конце концов скажут: «Все, хватит! У этой страны нет никаких шансов на развитие, ее безумные руководители довели ее до банкротства, правительству никто уже не одолжит ни гроша, вспыхнет инфляция, а примером Польши (наряду с Аргентиной) будут пугать непослушных детей!» Вслед за этим обвалится курс злотого, поляки толпой бросятся в обменные пункты выкупать доллары, обрушится биржа, развалится экономика, разрушится политическая стабильность, и бело-красные галстуки (отличительный знак членов радикальной популистской партии «Самооборона» — *Пер.*) штурмом возьмут Сейм.

У меня есть одно простое и робкое предложение: а может быть, перестать злоупотреблять словом «кризис»?

Спору нет, подобные сценарии сильно действуют на воображение и составляют великолепную канву для романа в жанре *political fiction*, но все же не полностью соответствуют теперешнему положению нашей страны. При этом я вовсе не говорю, что с этим положением все в порядке.

Есть множество областей, в которых абсолютно необходимо радикально изменить экономическую политику, ускорить структурные реформы, принять непопулярные решения. С бюджетом действительно дело обстоит из рук вон плохо, внутренний государственный долг растет, приватизация хромает, функционирование публичного сектора нередко становится просто позором для цивилизации, шахты как ни в чем не бывало выдают «на гора» миллиарды злотых убытка, а развитие учреждений, необходимых для освоения средств из Евросоюза, продвигается черепашьями темпами.

Все это не к добру для развития Польши — но не грозит никаким неконтролируемым кризисом!

Я недоволен экономическим положением в стране, но в то же время считаю, что подобные страхи сильно преувеличены. Фундамент польской экономики сравнительно прочен: дефицит текущего внешнеторгового оборота смехотворно мал, валютные резервы велики, инфляционные ожидания близки к нулю, экономический рост ускоряется, производительность труда растет. Страна со столь солидными базовыми показателями может пройти через множество серьезных бурь на финансовых рынках без всякого кризиса.

Наши аналитики в большинстве своем становятся жертвами чрезмерной веры в то, насколько сильно финансовые рынки готовы «наказать» какую-либо страну за € не слишком удачную экономическую политику.

Они беззаветно верят, что это может произойти даже при самых солидных экономических показателях: достаточно проявиться эффекту кумуляции негативных оценок экономического положения, чтобы все инвесторы сразу же запаниковали и вывели из страны свои капиталы. Может, это и верно, ибо паника всегда возможна, но от минутной паники до кризиса еще очень и очень далеко. Так далеко, что, по моему убеждению, в Польше расстояние это даже оценить трудно (хотя, разумеется, через несколько лет все может измениться).

Экономическая политика правительства не нравится никому, но почти все сохраняют спокойствие. На паникерские оценки и слухи острее всего реагируют польские банки, тогда как зарубежные инвесторы ведут себя гораздо спокойнее. Курс злотого слегка колеблется, с общей тенденцией к девальвации, но более серьезных опасностей на горизонте не видно.

В одной-единственной области правительство действительно заслужило «двойку с минусом» — в области установления информационной связи с рынком и умения его успокаивать. К своеобразным достижениям в области пиара можно отнести тот факт, что Венгрия (у которой почти все экономические и бюджетные показатели хуже, чем у Польши) считается сегодня образцом всех добродетелей и стабильности, а Польша — очагом потенциального кризиса. Причем это даже не достижение венгерских «пиарщиков», а результат катастрофических провалов нашего собственного правительства, когда оно берется за эту роль.

Те, кто пугает нас кризисом, надо полагать, свято верят в то, что говорят, и убеждены, что паникерские заявления вынудят правительство сделать необходимые поправки в своей политике. Но при этом не следует забывать, что излишняя нервность на рынке наверняка никому не идет на пользу, а однажды испорченное впечатление впоследствии весьма трудно исправить.

gazeta
POLSKA

Витольд М. Орловский — профессор, экономический советник президента, работает в Независимом центре экономических исследований (NOBE).

Марек Маевский

МЭРФИ ПО-ПОЛЬСКИ

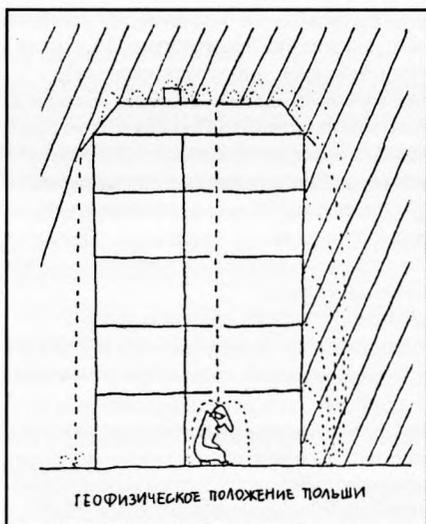

Рис. Славомир Мрожек

ГЕОФИЗИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬШИ

ных банкирами своим дружкам. Не действовали бы центральные и местные органы власти, государственные и общественные учреждения, потому что каждого чиновника могут случайно схватить за руку и он пойдет сидеть за взяточничество. Разве что ему удастся сбежать из тюрьмы, потому что следить за заключенными некому и надзиратели протестуют. Словом — жизнь бы замерла.

Но жизнь при всем при этом почему-то не замирает. «Все-таки она вертится», как было сказано по другому поводу. Человек начинает задумываться, где тут причина, и приходит к выводу, что не обошлось

без чуда. Просто-напросто нам жутко везет. К тому же совершенно незаслуженно, если учесть, каких людей мы вполне последовательно выбираем себе в руководители. Но все равно как-то все обходится, и высшие силы следят, чтобы дуракам по-прежнему везло, а по отношению к нам закон Мэрфи гласил: «Если что-то неплохое может получиться, скорее всего оно и получится». Вопреки разуму. (Заметим, что на том же Западе уже давно открыли так называемый парадокс Сильвермана: «Если закон Мэрфи может не сработать, он не сработает». — Пер.)

И вот на таком фоне заявляется Европейская комиссия и укалывает нам, в чем именно нам может не повезти, а раз может, то наверняка и не повезет. Ну что ж, Сократами их назвать трудно. Не знают они, что ничего не знают. У нас-то с ними еще как-то получится, а вот у них с нами? Как известно, каждому будет дано по его вере, и у них-то с нами вполне может и не получиться. Ой, да и как еще может...

Рис. Славомир Мрожек

Автор — известный сатирик и очеркист, постоянный сотрудник еженедельника «Впрост».

wprost

Анджей Хлопецкий

ВОЙНА? Я — ЗА!

Анджей Хлопецкий — музыковед, публицист, член программного совета периодического издания «MusikTexte. Zeitschrift für Neue Musik», издающегося в Кельне с 1983 года. Это самый влиятельный и в то же время независимый журнал международного масштаба, посвященный современной музыке. А. Хлопецкий — единственный польский автор среди композиторов и музыковедов, к которым редакция «MusikTexte» обратилась с предложением высказаться на тему войны в Ираке. На это предложение ответили 54 человека, приславших не только тексты, но и клавиры или партитуры коротких сочинений. Анджей Хлопецкий оказался единственным, чей голос выбился из единодушного хора осуждения американской военной интервенции. В международных кругах, связанных с неприкрытой враждебностью. Перевод, который мы представляем вниманию читателей «Новой Польши», сделан на основе польского варианта статьи, помещенного в выходящем в Варшаве два раза в месяц журнале «Рух музичный» (2003, № 15/16 от 10 авг.).

Мы никогда не узнаем наверняка, что было бы, если бы... Но все же кое в чем мы можем быть уверены. Если бы Америка и ее союзники не пошли в атаку на режим Саддама Хусейна, то иракцы — отдельные люди и все общество — по-прежнему оставались бы заложниками очевидного преступника. Они сидели бы за решеткой, их пытали бы и убивали в масштабах, которые ужасают. Но в таких масштабах, которые наше, пусть всего лишь европейское воображение вполне может себе представить.

Мы никогда не узнаем наверняка... Но мы точно знаем, что судьбы нашей европейской цивилизации развивались бы совершенно иначе, если бы... Пусть, например, на «аншлюс» Австрии Франция и Великобритания немедленно ответили бы превентивной войной против Третьего Рейха. Быть может, эта война была бы не мировой, а только «европейской» или, по всей вероятности — «евроамериканской». Но наверняка, если бы эта война была объявлена, не произошла бы трагедия Катастрофы. Не было бы ни ялтинского раздела мира, ни Берлинской стены. Быть может, я не родился бы во времена сталинизма, когда в тюрьмах в одну камеру смертников сажали офицеров гестапо и офицеров Армии Крайовой, сражавшихся против нацизма.

Америка — такая страна, которая вмешивается в различные дела в различных странах различных континентов. Подобный подход может не нравиться. Под конец I Мировой войны по инициативе президента Вильсона она вмешалась в польские дела, дав Польше возможность стать независимой. В благодарность одна из главных площадей Варшавы была названа именем Вильсона. Во времена коммунизма она была переименована в «площадь Парижской Коммуны», но вернула себе прежнее название после 1989 года. Однако стоит вспомнить, что и в американские дела в свое время «вмешивались» польские генералы: у подножия памятника одного из них, Тадеуша Костюшко, ежегодно приносят присягу выпускники Академии в Вест-Пойнт — элиты американской армии.

Багдад — город европейской культуры. Багдад — это и псалом «На реках Вавилонских», и «Сказки тысячи и одной ночи», и приключения Синдбада-Морехода, и приключения Али-Бабы и сорока разбойников. Но это и вокальные сочинения Кароля Шимановского «Песни безумного муэдзина» (на слова Я. Ивашкевича) и «Песни сказочной принцессы» (на слова З. Шимановской), это другие его произведения, пропитанные духом мусульманской культуры и персидской поэзии. Это пространство, благодаря которому, например, польская музыка сумела сказать свое неповторимое слово вовсе не в угаре колониальной агрессии, но в духе заворуженной влюбленности. Мне трудно согласиться, чтобы этот город был местом пыток и казней.

Я — европеец из Польши. С моими европейскими ровесниками меня объединяет, например, опыт 1968 года. В Польше это был год студенческой революции против лжи и лицемерия коммунистической заразы, державшей нас за горло, это был год, когда польские танки по приказу из Москвы вошли в Прагу, чтобы лишить чехов и словаков надежды на хотя бы частичную свободу духа. Но это был и год, когда мои ровесники на Западе преклонялись перед «Красной книжечкой» Мао Цзедуня, палача Тибета, когда их героем был Че Гевара. Для меня же героями были миллионы людей, до смерти замученных в лагерях советского ГУЛАГа, обреченные на голодную гибель в 30-е годы на Украине, более 14 тысяч польских офицеров, умерщвленных НКВД в 1940 г. выстрелами в затылок.

Поэтому я обвиняю мою Европу в цинизме и двуличии, в трусости и приспособленчестве, в том, что она кривит душой, лицемерит и боится снять с глаз шоры. Этот континент и этот мир не сможет обой-

тись без «америкашек» — быть может, простодушных и глупых, но (как в вестернах) знающих, в кого стрелять. Фидель Кастро, очередной идол левацких «отморозков» в Европе, недавно приговорил на почти полторы тысячи лет лишения свободы более 70 кубинцев, которые осмелились выразить надежду на лучшее будущее для своей страны. Отсутствие ясной и решительной реакции по этому вопросу опозорило Организацию Объединенных Наций. Где демонстрации перед посольствами Кубы, требующие освобождения из тюрем лучших представителей кубинского народа? Мне кажется, что идеология пацифистских движений странным образом превращается в идеологию движения за подавление, а не за защиту прав человека.

Мой голос звучит из страны, которая по меньшей мере дважды защитила Европу от иноземных орд. В XVII веке поляки в сражении под Веной успешно защитили Европу от турецкого вторжения, в 1920 г. — от рвущихся на Запад советских войск. Без рождения в 1980 г. «Солидарности» не было бы через девять лет падения Берлинской стены, не обрушились бы на площади и мостовые памятники палацам. В тот самый день, 4 июня 1989 г., когда в Польше на уже почти свободных выборах побеждала вчерашняя оппозиция, на площади Тяньаньмэнь в Пекине танки давили студентов. 13 декабря 1981 г. польская военная хунта ввела военное положение, чтобы бороться с теми, кто требовал свободы выбора. 13 декабря 2002 г. Польша завершила переговоры о конкретном осуществлении этого выбора — вступлении в Евросоюз.

Теперь президент Франции, канцлер Германии и президент сегодняшней России размахивают пальцами перед носом моего народа, поучая нас, как можно и как нельзя пытаться войти в Европу. Мне хотелось бы сделать то же самое, обращаясь и к президенту страны, где в свое время было создано и существовало правительство Виши, и к канцлеру страны, которая не должна забывать об осуществлении плана Катастрофы, и к президенту страны, претворившей в жизнь идею ГУЛАГа. Быть может (в чисто идеологическом плане), было бы справедливее, чтобы новая десятка стран-«кандидатов» принимала в нашу общую Европу 15 ее сегодняшних членов, а не наоборот.

Да, война — это несчастье. А что такое счастье? Жизнь без тюрем и пыток, без смерти за высказывание своих взглядов. Жизнь без страха и голода. Жизнь в условиях такой свободы, когда ее проявления соотносятся с культурой и традициями тех, кто хочет чувствовать себя свободным в согласии с собственными идеалами. Стоит ли понести жертвы во имя достижения такой свободы? Думаю, да.

Когда во время демонстраций кто-то кричит «Да здравствует!», в подтексте это всегда означает «Долой!» Когда провозглашается лозунг «Долой!», всегда в подтексте прячется «Да здравствует!». Это две стороны неприятия отвергаемых ценностей. И сквозь транспаранты тех, кто многоголосым хором еще так недавно кричали «Долой войну!», просвечивает неосознанный и навряд ли желанный вывод: «Да здравствуют тираны!» А я поднимаю лозунг «Долой тиранов!». Они по-прежнему остаются в нашем мире. Размягкая, заблудившаяся в попытках отличить добро от зла, боящаяся сама себя Европа, пугающаяся своей собственной тени, отбрасываемой XX веком, и алчно охраняющая свои постколониальные интересы, — эта Европа не сделает ничего, чтобы уничтожить преступление.

Поэтому нам нужна Америка. Без нее Европа не справилась бы ни с первой, ни со второй мировой войной, ни с блокадой Берлина, ни с Косовом, ни с Хусейном. И хотя я когда-то подписал петицию об отмене в Польше смертной казни, я убедительно прошу, чтобы ее применили к нескольким преступникам, независимо от того, какие еще неисчислимые толпы людей, которым никто никогда ничего не запрещал, будут протестовать против того, чтобы дать возможность решать свою судьбу тем, кто обречен жить в аду.

«IMAGINE»

Некого убивать и не за что умирать (...)

Вообрази всех людей

Живущих в согласии и мире (...)

Человеческое братство

Вообрази всех людей

Живущих бок о бок во всем мире...

Я надеюсь, однажды

ты присоединишься к нам

И мир станет жить как единое целое

Эти стихи Джона Леннона дороги и мне. Оказывается, что одни и те же строки могут появляться на транспарантах демонстраций, проводимых как «за», так и «против». В этом суть свободного мира. Эти строки мне дороги, и я хотел бы, чтобы свободу своего мира в согласии со своими традициями и культурой самостоятельно определяли освобожденные от внешнего и внутреннего террора жители Ирака, Ирана, Ливии, Тибета, Кубы, Чечни, Афганистана, Вьетнама, Северной Кореи...

ruch muzyczny

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПОЛЬСКОЙ ДУШИ

Беседа с Виктором Ерофеевым

— После распада СССР полякам полюбили Саша Домогаров и «Тату». Полагаете ли вы, что, прочтя в вашей изданной «Читальником» книге, что Россия — азиатская задница, что с Россией никак невозможно договориться, а русских следует расстреливать, размазывать по стенке, иначе они перестанут быть русскими, — что, прочтя все это, поляки полюбят и вас?

— Я не стремлюсь к тому, чтобы поляки меня полюбили, как Домогарова и «Тату». Я предлагаю читателю вместе со мной задуматься над целым рядом вещей — серьезных и смешных, абсурдных и разумных. Предлагаю этакий овощной винегрет, который, надеюсь, будет вкусным, хотя и уверен, что не каждому придется по вкусу.

— Кстати о вкусе. Мне кажется, многие утверждения в вашей книге могут быть восприняты буквально. К примеру это: «Русские как правило, незстетичны. Неряшливы. С пятнами. На штанах пятна. На жоппе тоже пятна, если не прыщи и пупырышки. Пятнистые гады». Или это: «Чтобы понять Россию, надо расслабиться. Снять штаны. Надеть теплый халат. Лечь на диван. Заснуть». Или еще одно: «Русские не терпят хорошего к себе отношения. От хорошего отношения они разлагаются как колбаса на солнце». Вы не боитесь, что это укрепит уверенность в своем превосходстве над русскими у тех поляков, которые вас не любят?

— Нелегкий вопрос. Во-первых, в том, что я писал о русских, содержится часть правды. В этом смысле я поддерживаю тех поляков...

— ...которые утверждают, что русских следует расстреливать и размазывать по стенке? Есть и такие.

— В книге присутствуют некие художественные метафоры, и лучше именно так их трактовать. Там множество стереотипов, доведенных до абсурда. Но, в общем-то, понравится «Энциклопедия...» полякам или нет, это их дело.

Я писал эту книгу главным образом для того, чтобы самому разобраться, что есть русская душа. Признаюсь откровенно: если то, что я пишу, совпадет с антирусскими настроениями, огорчен не буду.

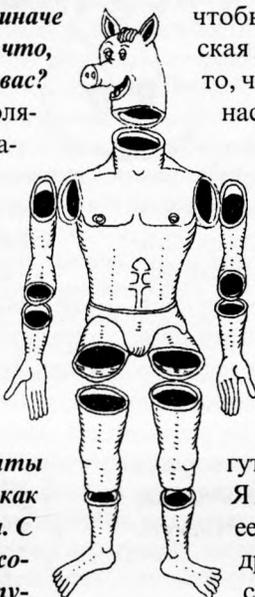
— Вы испытали бы удовлетворение, укрепляя антирусские взгляды в Польше?

— Разумеется, я люблю Россию. Моя книга проникнута этой любовью. Наиважнейшим для меня было, чтобы русский мог сказать о своей стране то, что хотел сказать. Если пациент серьезно болен, только вдумчивые исследования помогут поставить диагноз и начать лечение.

Я писал о слабостях России, поскольку ее достоинства и величие очевидны. С другой стороны, я пожал бы руку польскому писателю, который смог бы же свободно рассказать о своей стране. Думаю, что такая книга вам тоже необходима. Вызываю на соревнование. Разумеется, не социалистическое.

— Вы полагаете, в Польше найдется писатель, позиция которого сходна с вашей позицией по отношению к России, который отважится написать «Энциклопедию польской жизни»?

— Думаю, что да, ведь поляки — народ отчаянный. Могут пойти на это. Я готов поделиться своим опытом. Тем более что очень люблю Польшу. Для меня это особенная страна. Я провёл тут много времени. Очень долго это была единственная страна, куда я мог выезжать из Советского Союза. Я искал здесь уголок Запада, а нашел глубокую польскую душу.

— *Какие главные статьи должны содержаться в «Энциклопедии польской души»?*

— Не хочу ссылаться на свое известное эссе «Если бы я был поляком» огорчительное для Польши, но при этом написанное из любви к ней. Польская душа — понятие не менее емкое и объемное, чем русская душа. Мне нравится в поляках их поразительная способность к сопротивлению. Я имею в виду не только историю, сопротивление фашизму или коммунизму. Я люблю поляков за то, что они умеют сопротивляться всему вокруг. С другой стороны, в поляках много смешного. Они не выносят возражений, они высокомерны. Поляки считают, что им известна вся правда о мире. Они не отдают себе отчета в том, что выглядят смешно, когда безапелляционно провозглашают свои суждения о мире, полагая их истинной в последней инстанции. Кроме того, они ужасно мелочны. С огромным трудом расстаются с сигаретой, если попросишь угостить тебя. Русскому человеку такое совершенно непонятно. Я пожелал бы полякам побольше самоиронии. Это облегчит им жизнь.

— *В «Мастере и Маргарите» во время сеанса магии Воланд спрашивает Фагота, сильно ли изменились жители Москвы. Сильно ли изменились поляки после падения коммунизма?*

— Они стали гораздо более провинциальными. Всякий раз, приезжая в Варшаву, я ощущаю эту провинциаль-

ность. Рано закрывающиеся рестораны, зияющие пустотой вечерние улицы. Тем временем Москва все более уподобляется Нью-Йорку. Мне кажется, что в период ПНР ваша страна была неким средоточием внимания мировых держав. США и СССР боролись за польскую душу. В результате почти все поляки отдали душу американцам. По моему, Польша себя не нашла. Она так жаждала быть частью Запада, что потерялась в Западе.

— *Выходит, поляки обрели свободу и утратили душу?*

— Нет, души не утратили. Утратить душу, я бы к вам не приехал. Просто польская душа пребывает в поисках самоидентификации. Я заметил на лицах многих отсутствие страстности. Ее заменила подавленность. Понимаю — кризис, безработица. Но поддаваться нельзя.

— *Что посоветовали бы русские в такой ситуации? Они ведь тоже сражаются с подобными трудностями.*

— Могу высказать только свое личное мнение. Главное для поляков — самоидентификация, они должны найти себя, свое особое место в Европе. Думаю, такое возможно через культуру.

— *И в этом могла бы помочь «Энциклопедия польской души», послужив путеводителем?*

— Путеводители обычно помогают, в особенности если они написаны искренне и толкуют о душе.

Беседовал Кишиштоф Пилявский

Рис. Игнаций Чвартос

Ярослав Марек
Рымкевич

Перевод
Наталии Горбаневской

ЛЕСЬМЯН. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ (отрывки)

БЫТИЕ - В эссе Лесьмяна «Преобразования действительности» (опубликованном на рубеже 1910-1911 гг. в варшавском журнале «Пшеглэнд критики артистичней и литератцкей») [«Обзор художественной и литературной критики»] говорится о том, что он определяется как «неясные нашептывания бытия». Заслушавшись этими «нашептываниями» и одновременно «заглядевшись на суть вещей», мы неизбежно усомнимся в реальности окружающей нас действительности: когда мы вслушиваемся в «нашептывания», действительность становится все менее реальной или же начинает убывать: «Ее территория все очевиднее сужается». Причина, по которой действительность перестает быть для нас реальной (теряет реальность, становится каким-то сонным или призрачным видением), а то, что реально, переносится куда-то в иное место, заключается в нашем собственном существовании: мы начинаем сомневаться в его реальности, так как слышим какие-то «неясные нашептывания» и не знаем, что это значит — существовать. Это происходит, потому что бытие, как сказано в «Преобразованиях действительности», есть нечто нам неясное, точно как эти его «нашептывания»: известно, что оно существует, но неизвестно, каким образом. Неизвестно и как его уловить, ибо есть в нем нечто такое, что позволяет себя уловить, и нечто, чего уловить не удастся, — какая-то уловимая сторона и неуловимая, что-то называемое и неназываемое. По Лесьмяну, это касается, вероятно, всего бытия в целом, но особенно бытия человека — таинственным образом, оно полностью иллюзорно и полностью достоверно. Именно об этом говорится в «Преобразованиях действительности». Из этого эссе мы узнаём, что если заглянуть глубже, «в «я» и самость» («самость» — термин, при помощи которого Вацлав Берент, переводя «Так говорил Заратустра», пытался передать непере译имое *das Selbst* — нечто глубже, чем «я», и этим «я» управляющее), итак, если заглянуть в оную самость человека, ища того, что «наиболее реально», то можно найти «некий тон» — Лесьмян называет его также «песней без слов», — делающий доступным «постижение бытия», но такое, которого хорошо (или даже вообще) не выразишь, ибо оно идет «из иных, нелогичных сфер», где существуешь «без слов». Сущности оной песни без слов, прибавляет Лесьмян, никоим образом нельзя высказать, и даже не надо предпринимать таких попыток («воздержимся от определений»), но не подлежит сомнению, что если человек существует реально, то лишь благодаря тому, что является в нем этой песней без слов, — или лишь постольку, поскольку она существует: «Она его единственная и наивернейшая действительность». Человек, читаем мы в «Преобразованиях», «чтобы стать реальным, должен извлечь свой тон, должен напрячь свою песню без слов». Только такое постижение — ограничение или сведение реального бытия человека к «внепространственному тону» — позволяет еще верить в «нашу действительность». Прямо за этой песней без слов (где бы она ни находилась — наделять ее каким-то местом в пространстве кажется чем-то ненужным, даже слегка нелепым, но Лесьмян говорит, что она «вне «я»», т.е. в каком-то месте прасуществования — первоначальном по отношению к тому, что мы воспринимаем как наше здешнее бытие), т.е. где-то уже ближе обнаруживающегося «я» (или, может быть, нашего сознания бытия) расстилается такая сфера, такая человеческая территория, где — в вопросе бытия — царит полная зыбкость. Иначе говоря, зыбкость бытия — это и есть бытие. Ибо человек, говоря о себе — о своем здешнем бытии, — глядит, по Лесьмяну, «в собственные сны», а глядя в сны, он и сам себя рассматривает как нечто сонное, привидевшееся, лишенное реального существования; таким образом, видя самого себя, он не видит ничего: «Еще мгновение — и человек исчезает у нас из виду как сон, неизвестно кому приснившийся». Далее в «Преобразованиях действительности» речь идет еще и о том, что, если человек желает уверовать «в реальность своего бытия», он осужден на ее поиски — таким, образом, он лишь полный «пыла» странник

и искатель, такой, что на «путях бытия» ищет чего-то, что в конце концов оказывается в ходе этого странствия тем, чего нет, ибо это поиски «странного миража, который во вселенной носит прозвище человека». Этому странному миражу, который в 1910 г. был описан в «Преобразованиях действительности», — человеку, глядшему «в собственные сны» и обнаруживающему там свое собственное сомнительное бытие как сон, который кому-то снится, — уже вскоре предстояло появиться и в поэзии Лесьмяна. О нем говорит первый (в хронологическом порядке) из великих шедевров Лесьмяна, «Сельский сон», стихотворение, написанное, вероятно, в 1916 г. (или немного раньше). Там уже всё — можно бы даже сказать: вся полнота бытия, — только сон, а тот, кто видит сон, этот свой сон описывает, находится одновременно во сне и вне его, видит свой бытийный сон, а в нем и свое нереальное, исчезающее бытие, которое, как это бывает во сне, существует и не существует, которое есть и которого нет. «Хоть в нем я блуждаю (...) знаю, что нет там меня».

ДИКОВИНКА - На фотографии, снятой 9 ноября 1933 г. по случаю торжественного заседания, посвященного открытию Польской Академии литературы, среди государственных чиновников, их жен и видных писателей того времени можно увидеть и Лесьмяна. Он стоит между Вацлавом Серошевским и Леопольдом Стаффом, вблизи Тадеуша Боя-Желенского и Тадеуша (Фаддея) Зелинского. Поглядев внимательней, можно заметить, что Боя-Желенскому Лесьмян по плечо, Зелинскому — по локоть. Он всего лишь на голову выше маленького Стаффа, но только тогда, когда Стафф сидит в кресле. Маленький, прямо крохотный росточек Лесьмяна — вот что первым делом бросалось в глаза всем, кто его описывал. Мечислав Яструн, познакомившийся с Лесьмяном, вероятно, в 1937 г., запомнил человека «маленького роста, с большой головой и с лицом, ничем особенным не выделявшимся». По словам Ханны Морткович-Ольчаковой (это воспоминание тоже относится к 1930-м), Лесьмян был «чудной и маленький, как карлик из сказки», да еще «слишком мелкий для своей обширной шубы». Прибавим к этому еще мнение Леопольда Левина, который писал (речь идет о 1932 году), что Артур Прендский «привел с собой в кафе мелкого, незаметного человечка» — этот человечек и был Лесьмян. Прибавим и описание Марии Стшешевской, по словам которой Лесьмян был «роста почти детского» (Стшешевская познакомилась с Лесьмяном, сама будучи ребенком, так что могла это справедливо оценить). Уже этот рост, необычайно, прямо нечеловечески маленький, это гномоподобие Лесьмяна делали из него в глазах его современников какую-то диковинку: какое-то слегка нечеловеческое и нездешнее существо или чудище, — но тех, кто внимательней присматривался к Лесьмяну, в этом гномоподобном существе удивляли еще и другие черты. Диковинными были ступни Лесьмяна, пожалуй, маловатые для человека, но заведомо слишком большие для гнома. Как писал Зигмунт Клюковский, который познакомился с Лесьмяном в Замостье, «любопытная это была фигура» — «очень маленького роста», зато «с непропорционально большими ступнями». Диковинные были и глаза: они не имели постоянного цвета и приобретали — трудно сказать почему: от дневного света или же от внутреннего — то один цвет, то другой. Большинство друзей и знакомых Лесьмяна утверждали, что у него голубые или серо-голубые глаза либо вообще лишенные цвета, какие-то выцветшие, но были и такие, кто не знал, голубые у него глаза или карие: «Мне кажется, карие, — писал Альфред Лашовский, — а говорят, были голубые». Диковинной у Лесьмяна была даже лысина, ибо хоть это несомненно была лысина, но как-то не полностью: было в ней (скорее, усматривали в ней) нечто, слегка противоречившее лысине, нечто скорее птичье, нежели человеческое. Михал Вишневицкий, который на склоне 1920-х был судьей в Замостье, утверждал, что Лесьмян был «фигуркой (...) с головой, украшенной на макушке каким-то пухом или перьями», а по словам Зигмунта Клюковского, лысина Лесьмяна вовсе не мешала ему иметь волосы, притом двухцветные: рыжеватые и пегие. Удивлял и нос, но, что любопытно, в частых описаниях Лесьмяновского носа мы не найдем (как можно было бы ожидать) ни малейшего намека на происхождение поэта, то есть, по мнению описателей, это не был специфически еврейский нос — скорее нос какого-то диковинного бедолаги, такой нос, что, как и другие детали внешнего вида, он указывал прежде всего на нездешность его владельца. Анатолий Стерн изображал Лесьмяна «худощим, с озобоченным выражением лица и длинным, костистым, искривленным носом»; особенно подробно и красочно описан нос Лесьмяна в воспоминаниях Альфреда Лашовского: в них мы видим птичий нос, «костистый и ястребиный, словно посмертно изогнутый, с синеватой горбинкой». Прибавим к этому еще голос, ибо и он был не такой, как положено, то есть человеческий и обыкновенный: Лесьмян, по всеобщему мнению, не столько говорил, сколько верещал или пищал. Это было преобладавшее мнение, но Герминия Наглерова, которая, кстати, Лесьмяна очень любила и не имела никаких дурных намерений, считала, что это было не так, что это не был писк: Лесьмян говорил «несколько горловым голосом», а также стонал и кричал — «кричал, как человек при чрезмерных физических усилиях». Все это вместе взятое: нос, голос, лысина, рост, ступни и т.п. — приводило видевших Лесьмяна к выводу, который, впрочем, сразу навязывался сам собой: в этом поэте, его внешнем виде, его личности преобладают какие-то нечеловеческие черты. Это подчеркивается почти во всех, может

быть даже во всех без исключения, мемуарных описаниях. С этой точки зрения, их можно бы разделить на те, в которых Лесьмяна включали в мир птиц или насекомых (т.е. так или иначе, а признавали за ним какое-то биологическое существование), и те, где его помещали в фантастический мир. Более отчетливую насекомую или птичью версию мы находим в воспоминаниях Эдварда Козиковского, Марии Стшешевской, Вацлава Гралецкого, Ханны Морткович-Ольчаковой. Мы узнаем от них, что Лесьмян имел «вид сверчка» (Козиковский), «производил впечатление засушенной птички» (Стшешевская), напоминал «хруща, который — в соответственно увеличенном виде — надел черный костюм» (Гралецкий), а также был больше похож «на костлявого желтого кузнечика, чем на мужчину из крови и плоти» (Морткович-Ольчакова). Тут следует заметить, что во всех сравнениях или отождествлениях, притом даже тогда, когда их делали люди, расположенные к Лесьмяну, его друзья, всегда было что-то неприятно обидное и всегда это высказывалось тоном пусть дружеского, но пренебрежения. Последняя цитированная выше мемуаристка, сравнившая Лесьмяна с желтым кузнечиком, помещала его также среди фантастических или сказочных существ: Лесьмян, писала она, был «чудной и маленький, как карлик из сказки», и будто этого «карлика» было мало, прибавляла еще, что это был «гном из сказки». В мире фантастических представлений находили ему место, в частности, Мечислав Яструн, Анатолий Стерн, Альфред Лашовский. Те, кто видел Лесьмяна в этом мире, сравнивая его не с кузнечиками и сверчками, а с гномами и троллями, конечно, имели в виду и его стихи. По мнению Стерна, необычайная внешность Лесьмяна «напоминала тех «людиков и чудиков», которыми он населил свою поэзию»; а из воспоминаний Лашовского мы узнаем, что Лесьмян не только напоминал диковинное существо из своих стихов, но попросту и был «Утлик в сливовой одежке». Среди всяческих фантастических сотворенных Лесьмяном в его стихах существ Утлик (из «Тенистого напитка») пользовался наибольшим успехом как такое лесьмяновское диковинное существо, которое можно было сравнить или даже отождествить с его автором. Собственно говоря, неизвестно, почему Утлик казался особенно удачным воплощением Лесьмяна и почему никто не увидел в поэте стрекотунчика, осеннего сумеречника, подземного грязнулю или снигробика. Может, потому что Утлик из «Тенистого напитка» был подвижной, прыгающий, быстрый, но в то же время явно нездешний, заблудившийся в том, что называют действительностью («Вприпрыжку плурует Утлик житейской дремучей чашей», пер. А.Гелескула), т.е. соединял разные черты, приписываемые Лесьмяну: «Навстречу мне вышел, — пишет Эва Шельбург-Зарембина (эта сцена разыгрывается в 1930-е в варшавском помещении Профсоюза польских литераторов в доме 5 по Братской улице), — а скорее выскочил из соседней комнаты, из-за зеленой занавески, — Утлик». Включение Лесьмяна в ряд каких-то фантастических существ, даже сотворенных им самим, хотя иногда и может слегка позабавить (мне это не кажется особо забавным), имело, и это нужно сказать ясно, весьма серьезные последствия — и речь шла вовсе не о внешнем виде поэта. Если Лесьмян был, как писала Ханна Морткович-Ольчакова, «из мира сказки», то «из мира сказки» была и его поэзия — и в этом мире можно было ее совершенно спокойно поселить и оставить. Если Лесьмян был фигурой диковинной, фантастической, слегка или даже совсем нереальной, то и его поэзию можно было включить в явления фантастические, диковинные и нереальные, более того, ее можно было счесть повествованием именно о таком мире — фантастическом, диковинном и нереальном. Так оно и происходило — с совершенно горестным для его поэзии результатом. При таком положении дел стихи Лесьмяна оказывались среди других (более или менее удачных) созданий фантазмагорического воображения и отнимали у его поэзии ее действительный характер, следовавший из того, что она говорила о самом реальном — о бытии. Много лет к его поэзии так относились и те, кто ее любил, и те, кто ею пренебрегал. Мечислав Яструн всегда чтит Лесьмяна, даже считал его великим поэтом, — и в то же время Лесьмян был для него «поэтом фантастических видений», «совершенно погруженным в фантастические грезы» и говорящим о чем-то, чего не следует принимать всерьез, ибо это только поэтический фантазии: «Полувсерьез, — писал Яструн, — существует мир Лесьмяна». Чеслав Милош всегда относился к Лесьмяну с некоторым пренебрежением — и писал о нем ровно то же, что Яструн: из его изданной по-английски «Истории польской литературы» мы узнаем, что в стихах Лесьмяна перед нами «a strange world having little to do with real human beings» («странный мир, в котором мало общего с действительными человеческими существами»). Дальше всего в этом включении Лесьмяна вместе с его стихами в неясно определяемую сферу фантастических или просто диковинных фантазий пошел Леопольд Стафф, который, издавая после войны небольшое избранное автора «Луга», утверждал в предисловии, что поэзия его ровесника — «бегство от действительности». Очень трудно поверить, что серьезный и опытный поэт (Стаффу было тогда под семьдесят) мог писать такие глупости, поэтому привожу его предложение дословно: «Его поэзия — бегство от действительности». В этих обстоятельствах утверждать, что Лесьмян был «архимастером», ибо свой чудной мир («мир чудачества») представлял в образах, «полных ослепительного очарования» (Стафф, как и Яструн, глубоко чтит Лесьмяна), было уже только абсурдным выводом из предшествующего абсурда. Но таковы результаты, когда видимость принимают за действительность и в серьезном гиганте видят прыгучего Утлика.

Михал Гловинский

ПОЭТ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»

В сегодняшней польской поэзии произошла вещь беспрецедентная — выше всего ценятся и охотней всего читаются поэтические книги авторов, которые известны уже полвека, а то и дольше. Чрезвычайно активный Чеслав Милош родился в 1911 г., остальные замечательные поэты этой плеяды: Вислава Шимборская, Юлия Хартвиг, Тадеуш Ружевич, — пришли в мир в первой половине 1920-х. Не удивилось, если в общественном сознании сочинение стихов теперь скорее ассоциируется с олимпийской старостью, нежели с молодостью, скорее с личностями, относящимися к тому возрасту, который порой называют «третьим», чем с бунтующими юношами.

Ситуация необычная, она в корне отличается от той, что сложилась после 1918 г., когда дебютанты безраздельно властвовали над лирической сценой, а из старших поэтов остался один только Стафф, впрочем, тогда еще далекий от «третьего возраста»; даже Лесьмян, поэт, в котором потомком суждено было признать гения, годами пребывал на ничего не значащем втором плане.

Конечно, замечательные лирики, которые так давно публикуются, не затмили до конца поэтов среднего поколения. Дебютанты 1960-х, тогдашняя «новая волна», остаются на виду, и к этой группе, по природе своей не слишком определенной в возрастном отношении, присоединяются более молодые (упомянем великолепного Януша Шубера). Еще есть молодые поэты, их много, сотни, на слуху то одно имя, то другое, несколько критиков заботливо описывают их творчество. Однако пока это литература потенциальная или, выражаясь не столь изящно, некая туманность, в которой еще не выявились бесспорные корифеи, ибо не было дебютов под стать «Балладам и романсам» Мицкевича или первым книгам «скамандритов».

ПУТЬ К СОБСТВЕННОМУ ГОЛОСУ

Поэзия «третьего возраста» не сводится к именам упомянутых четырех выдающихся авторов, в известном смысле она развивается и расширяется. Доказательством пусть послужит новая книга стихов Анджея

Мандальяна «Лоскут плащаницы». Мандальян, родившийся в 1926 г., дебютировал в 1951-м и прошел в литературе долгий путь. Он начинал как один из «прыщавых», писал бойкие пропагандистские стихи. Мне не хотелось бы попрекать ими поэта, хотя об одном стихотворении, которое стало знаменитым, я предложил бы забыть. Как бы то ни было, первые произведения Мандальяна восторга не вызывают. Однако он сумел себя превзойти. Когда поэт заговорил собственным голосом, не навязанным

политическим выбором, оказалось, что он — совсем другой. Не только в смысле идейном, хотя и тут его эволюция зашла далеко (в 80-е годы почти все, что он тогда писал, публиковалось в неподцензурной печати), но прежде всего — по самой поэтической материи. «Лоскут плащаницы» — без сомнения, лучшая его книга.

Книга лирики глубоко личной, рефлексивной, негромкой. Поэт говорит об экзистенциальной ситуации, о жизни и — прежде всего — о смерти самого близкого человека. Он записывает скорбные элегии,

но собранные в книге стихотворения невозможно свести только к этой прекрасной поэтической форме, имеющей давние традиции не только в польской поэзии. Автор предьявляет счет своей жизни и своему положению в мире — мотив возвращается в разных стихах, а на первый план выходит в поэме «Запись», открывающей сборник. Этот текст и волнует, и озадачивает.

Слово «запись» имеет разные значения, здесь оно связано со всем, что ассоциируется с завещанием. А завещание — не только юридический, официальный текст, это поэтическая форма, которая — благодаря чудесному стихотворению Словацкого — имеет в польской литературе богатую традицию. В «Записи» Мандальян обращается к этой традиции, по сути все произведение — обращение к Словацкому, не только как автору «Завещания» и «Короля-Духа» (приводится памятная формула «Я — Гэр, я — армянин...»), но и как к создателю «Бенёвского». Этот свободно развернутый текст имеет некоторые черты поэмы с отступлениями. Они сосуществуют со стилизацией формы завещания. Поэма начинается так:

*Пока умом и телом я здоров —
Ума и тела своего губитель —
Пока потомки не сказали: амен,
Спешу я волю записать свою... От слов
Мысль отречется, суд оспорит завецанье,
Но явится гражданских прав блюститель,
Стукач — последней воли исполнитель.*

Традиция Словацкого здесь просто слышна, благодаря не только прямым и скрытым намекам, но и самому крою поэтической фразы и мелодии стиха. Судя по этой поэме и другим произведениям, из великих польских поэтов Мандальяну ближе всех именно Словацкий. Впрочем, он вспоминает и других классиков. К примеру, формула из цитируемого текста — «от слов мысль отречется» — через отрицание становится тонкой аллюзией к известным словам «Большой импровизации» Мицкевича. Поэзия Мандальяна тесно связана с традицией, что не означает, будто она состоит из ученых ссылок, — обращения к традиции всегда носят функциональный характер и составляют один из устойчивых элементов поэтического языка автора. В цикле «Погребальные звоны» аллюзии к Словацкому также играют большую роль, хотя они более завуалированы, чем в «Записи».

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Стихи из «Погребальных звонов» могут быть прочитаны как самостоятельные произведения, но в то же время они составляют композиционно ясный ряд. На разные лады поэт обращается к тени, вспоминает эпизоды совместно прожитой жизни и в весьма лапидарной форме описывает то, что принадлежало их общему миру — и реальному, и внутреннему. Пронзительно стихотворение «Старый человек ищет свою Умершую».

Этот текст по многим причинам репрезентативен для всей книги. Прежде всего тем, что он опосредованно, необычайно тонко и деликатно обращен к мифу Орфея и Эвридики (кстати, наряду с поэмой Милоша, за последние годы это второе — и совершенно независимое — обращение к нему). Мифологический сюжет, который для невнимательного читателя может остаться незамеченным, составляет конструктивную основу цикла и диктует ему определенные смыслы, включает в культурную реальность. Однако обращение к древней, глубоко укорененной в сознании истории не является повторением мифа. Мы имеем дело с преобразованием и расширением: через миф, можно сказать, происходит подключение к одной из традиций отношения к смерти, закрепленных в европейской культуре.

Данное стихотворение характерно еще и потому, что оно опирается на своего рода разговор. Разговор, ибо умершая — не адресат возвышенных песнопений и хвалы, она — собеседник в диалоге, а стало быть, в каком-то смысле — частица обиденной жизни. Обычный, скромный диалог — основной здесь тип поэтического высказывания. Разговор, а не патетическая ода, в которой поэт с помощью торжественных формул стремился бы поразить читателя красноречием. В старых риториках говорилось о трех стилях: высоком, среднем и низком. Это деление относилось к поэзии классицизма, хорошо систематизированной, функционировавшей среди стабильных общественных реалий. К современной поэзии оно неприменимо, однако я упоминаю о нем, чтобы особенно подчеркнуть: высокий стиль решительно чужд поэзии Анджея Мандальяна. А в медитациях и плачах можно было бы его ожидать.

В сведении счетов с самим собой и своей жизнью, в стихотворениях, посвященных умершей жене, в произведениях, тема которых — сущностная экзистенциальная ситуация, поэт оперирует разговорным языком, не чурается и просторечия. Эти обороты не диссонировуют — напротив, это один из факторов, определяющих литературный профиль его поэзии, одна из составляющих ее оригинальности. Чтобы писать о смерти и боли, не нужно быть поэтом возвышенным. И Мандальян, к счастью, не таков. Я говорю об этом потому, что недавно объявилась программа «высокой» поэзии, и то тут, то там она обретает сторонников. Я убежден, что это программа заранее запланированной искусственности, ведущей к скуке, которой трудно избежать. В последнее время я не встречал ни одной достойной внимания попытки реализовать такую эстетику.

ФРАГМЕНТ БОЛЬШЕГО ЦЕЛОГО

Я начал с размышлений о поэзии «третьего возраста», к ним же, завершая эти заметки, и возвращусь. Ибо это не только вопрос записанного в метриках возраста авторов — речь также (а в сущности — прежде всего) идет о характере их поэзии. Разумеется, не следует сводить творчество столь выдающихся и различных авторов к единому образцу, однако стоит подчеркнуть, что «третий возраст» проявляется в протяженности временной перспективы, в том, что в стихах выражена возможность проникновения в разные времена, что даже минута — как у романтиков — это фрагмент если не вечности, то времени пространного и труднодостижимого. Именно такое время ощущаю в новых стихах Анджея Мандальяна.

Анджей Мандальян

Перевод
Андрея Базилевского

ЗАПИСЬ

Пока умом и телом я здоров —
Ума и тела своего губитель —
Пока потомки не сказали: амен,
Спешу я волю записать свою... От слов
Мысль отречется, суд оспорит завещанье,

Но явится гражданских прав блюститель,
Стукач — последней воли исполнитель.

Агент в гражданском — этот знает точно,
От чьей кончины кто и что приобретет:
В могиле братской застолбил мне место прочно,
Кость каждую мою поставил на учет
(Все схвачено — гони мол штраф, дурак)...
От плоти плоть... Отхлынет кровь от щек —

Смерть это вам не в кубики игра

Готические, не гольбейновская дама,
Не всадница с косой, не беспощадный рок,
Не швабский «шляг» и не московский «швах»!
А вековечный тайный польский страх —
Петля, ловушка, выгребная яма,
Крест, в землю втоптаный среди дорог,

Как очевидный знак, что есть на небе Бог.

— А почему страх — польский? — Очень просто:
Никто из нас до смерти не дорос, но
Скажи, а кто еще повержен был, как лях,
Кто, столько шансов загубив, зачах,
Кто так дерьма при жизни наглотался,

Кто столько сил угробил просто так,
Как среднестатистический поляк?

Но ведь регалии, и герб, и слуцкий пояс
Он спас от всех врагов и передряг...
Недоедал — а речь родную сберегал!
Хлестал горилку, помня предков, то есть —
Остался жив... Сто лет он возглашал
От бора к бору дерзкое «Сто лят!»...

Что я здесь делаю? По выбору — поляк —

Средь тучных нив и на межах посконных,
Где курвы-нищеты сиротская слеза,
Среди ржаной стерни, картофельного ада,
Полей свекольных и трущоб бетонных
Я в генах чую сладость винограда,

Я — Гэр, я — армянин¹, чей герб — лоза,
Чье слово — золото, как Божия роса!

И здесь, над Свидером², — печать инога края,
Гриф с переменной геометрией крыла
Клюв геральдический от самых гор Кавказа
Сюда простер (вегетарианство презирая) —
Что я здесь делаю?
Я корчусь от цирроза
Всей жизни — я хранил в душе орла,
Но адской решкой был придавлен сразу.

Шальные родины — чулок на морде (маска) —
Заранее, почем фунт лиха, знают.
Отживший миф, слежавшаяся сказка,
Портянок прелых легкий запахок...
Скулят, подмоги просят — дескать шок.
Сны о могуществе, дешевка воздыханий...

Мой пес держался лучше, подыхая.

Труха, кипящая в смоле и сере!
Интриги призраков, порочная игра...
Ввязались сходу — на погибель антиподам —
Во всенародный спор о совести и вере
В стране придурков с искаженным кодом,
И ни души живой, ни дома, ни двора —

Шифровка краха с ночи до утра!...

Господь свидетель! Если есть Он... (Помню — был,
И верю — будет, хоть напрасно здесь,
Под гнойным небом, Провиденья Око
Мы ищем...) Внукам, узникам судьбы,
Не завещаю я ни родины, ни Бога!
Ни чести — вся пошла вразнос как есть:

Ей все блюют...
Я жив. Я возвращаю честь.

Я возвращаю взнос. И корни отсекаю.
С горбатой прямизны к кривому счастью
Вернулся. В прах. К себе, в пространство-между,
Где правит только притяжение. Каюсь,
Но зло, добро, страх, истину, надежду,
Грех первородный и Христовы страсти

Я уношу с собой, как прочие напасти.

¹ «Я Гэр, я - армянин» - слова из первой песни поэмы Юлиуша Словацкого «Король Дух», восходящие, в свою очередь, к драматическому эпизоду, описанному в «Республике» Платона. (Прим. пер.)

² Свидер - речка и дачная местность близ Варшавы (Прим. пер)

Пускай мне это завтра выйдет боком —
Не надо колокольной круговерти.
А мир? На нас права он вечно предъявляет,
Всё пошлость, как заметил мэтр Набоков;
Пускай нам жизнь собою быть мешает —
Удар хватил — и вот мы дома. Верьте:

Нет лучше ксивы, чем свидетельство о смерти!

Тебе, родня, седьмой воде на киселе,
Вам, детки, на кого внезапной манной
Посыпались меха, баулы, моль,
Не дам я ничего, и хватит лить елей,
Весь длинный ряд моих достоинств — только мой,

Во мне одном их смысл, и соль, и суть.
Со мной они уйдут в последний путь.

А сыновьям — всем тем, кто строит дом
В песках зыбучих, ничего не дам,
Лишь ближнего жену. И то невольно:
Я, черт возьми, пока хватаю воздух ртом,
Я жив еще — не мне, а миру больно —
Ему каюк с его ослами и волами,

А я — я только примеряюсь к яме...

.....

Единственной Тебе, из пепла взятой в синь,
С челом из бронзы и очей лазурной высью,
Тебе, которой все ничто — и ныне, и всегда,
Вручу сокровище — звезду Полюнь,
Что освещала наши звездные года
В лесной глуши, средь родников и тисов...

Всё... Камень в воду.
Мой завет написан.

ГОВОРIT ИОАННА

— Так вот: сначала — страх,
тот самый, первобытный, что всегда сидит
под кожей, а по ней идут мурашки,
обычный животный рефлекс,
вульгарный страх, вне всякой метафизики:

паника, ужас, кошмар, никакой утонченности...

А потом еще будет страх боли,
безумный визг, когда ни капли морфия
и вдруг начнет ломать, а ты один на один с этой пыткой,
вынесенной взрывом из-за адских врат,
но все-таки — спасительной.

Держись за этот страх,
ибо вместе с болью
возвращается особый дар различать
ночь, ждущую впереди,
и день, который прошел,

способность видеть мир иерархически стройным,
осознавать страдание,
сшивая лоскутья страха...

О дерзость сакраментального: «сколько еще мне дают?..»
(Голос сходит на нет — подразумевается: «времени!»)

И только когда услышишь: «смерть — не лотерея»,
сам понимаешь — тебе уже не дают ничего!

Остается одно — попытаться умереть достойно.

А это значит, что...

Черт возьми, я знаю, что это значит,
хотя делаю это впервые!

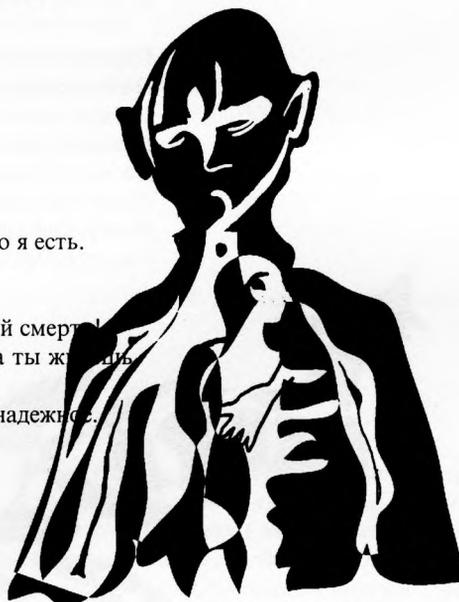
Пытаюсь ускользнуть от тоски,
пока не навалилась великая усталость.

А ведь я еще должен убедить
все эти тени, меня хранящие,
— они возникают откуда-то из беспамятства —
что они, эти тени, мне дороги и дороги будут всегда,
пока во мне не угаснет мысль...

И это самое трудное.

СОН-НАВАЖДЕНИЕ

- Ты где-то есть?.. А если так, то где?..
- В памяти.
- То есть нигде! Словно тебя и не было никогда!
- Какое это имеет значение... Ты же не отрицаешь, что я есть.
- Я сам придумал, что ты есть.
- А ты уверен, что сам?
- А кто же еще? Нам отказано в благодати совместной смерти!
- Кое-какой благодати и мы удостоены: я живу, пока ты живешь.
- По-твоему, этого мало?
- Для меня — так себе утешение, для тебя — убежище ненадежное.
- Ты не хочешь поделиться со мной жизнью?
- А ты поделилась со мной смертью?..
- Я ведь не знала, как... Ты должен понять.
- Ничего я не должен. Хочу, чтоб ты была настоящей...
Не придуманной... Я не знаю, где ты!
- Какое это имеет значение... Я — в тебе. Вот и все!

ПЛАЧ О СВЯТОМ ГЕОРГИИ

Святого Георгия нет в живых Он не умер
Копьем не пронзен и с копьем не подьмет руку
Не со щитом и не на щите
Из седла не выбит но и не в седле
Не в плену у язычников
В рабство не продан Не обречен на муку
Ни в нечистотах ни в кипящем свинце ни в смоле
Святой Георгий сроду на свете не жил —
Святой Георгий святым Георгием не был

Достойных доверия свидетельств
Маловато чтобы установить личность
Говорят о перекрашенных иконах
О противоречиях в легенде Доспехи мол не доспехи
Конь не конь подвиг не подвиг
Дева бывшая там бесследно исчезла
Всевидящее око мигает вместо ответа
Да но что делать с досками расписными
Золотящимися холстами и грубо тесанным камнем?

Святого Георгия нет в живых
Кодекс рыцарской чести составлен
При подозрительных обстоятельствах
По одной из версий — его сочинили цыгане
Бредущие вслед за луной и бродячим сюжетом
По другой — плутоватые слуги какого-то пилигрима
Нищая братия в придорожной корчме
С пустой сумой зато перед полной кружкой

Церковь приняла новинку с понятной сдержанностью
Но что делать раз она овладела массами
Дракон поселился в пещере рыцарь занес копьё
В защиту целомудренных дев и невинных младенцев
Но все это был обман прельстительная химера
Скоро нам придется узнать: дракон не разил огнем
И не рубил хвостом Это делал палач
Мир стремится к концу

Он больше не состоит из четырех стихий
Он приспособился к подслеповатым зенкам
Которые замечают лишь множество вместо единства
Никто уже не служит Амвросиеву литургию
Никто не ловит каждое слово папы Геласия

Святой Георгий упразднен
Ну что ж
Никто не выедет на поле в белых латах
С крестом червонным
Никто не явится воинству под Иерусалимом
Ничего не останется ни от подвига ни от свидетельства
А что будет с девицей
Доколе ей пребывать непорочной
Как быть с младенцами
Сколько можно молчать
Истинно говорю вам —
Кто убьет дракона?

Мы тихие нищие духом
С верой творящие мир смиренно милосердные
Вечно чистые сердцем Мы принимаем муки
Плачем алчем и жаждем
Мы чье спасенье заключено в этом слове
Чья реальность обманчива и неподлинна жизнь
Мы кричим раздирая в клочья траурные одежды
Святого Георгия нет
Веди нас святой Георгий!

Рис. Д.Шевенков-Кисмелов

Анджей Мандальян родился в 1926 г. в Шанхае. До 1947 г. жил в СССР, изучал медицину и литературу. Писал по-русски. Как польский поэт дебютировал в 1950-м. В 1976 г. подписал «письмо 101-го» с протестом против изменений в конституции ПНР, после чего на его имя в печати был наложен запрет. С тех пор печатался в неподцензурных изданиях. Автор нескольких сборников стихов, романа, радиопьес и киносценариев. Переводил стихи русских поэтов, в частности Осипа Мандельштама, прозу Василия Аксенова, Евгении Гинзбург и Булата Окуджавы. Автор автобиографического романа «Красный оркестр». Один из составителей изданных в 1971 г. «Антологии современной русской поэзии. 1880-1967» и антологии «Русские символисты и акмеисты».

Эдвард Стахура

Перевод
Андрея Базилевского

Я ПОЛЮБЛЮ ЕЕ УСИЛИЕМ ВОЛИ

Кивнув на кресло, она сказала:

— Прошу тебя, сядь.

Я сел.

К правой ручке кресла она придвинула стул, положила на него спички, поставила пепельницу. Потом напротив кресла, метрах в четырех от него, поставила второй стул и тоже села. Какое-то время она молча смотрела на меня. Ее взгляд был чем-то похож на тот, каким на причале в порту люди смотрят на корабль, который медленно приближается к гавани, но еще слишком далек, чтобы без бинокля можно было различить лица стоящих на палубе пассажиров. Что-то в этом роде.

— Закуривай, — сказала она.

Я послушно сунул руку в карман куртки, достал из пачки сигарету и закурил. Девушка сидела прямо, опираясь о спинку стула; ступни и колени ее были крепко сжаты, на коленях — там, где край платья, — лежали сплетенные пальцами ладони.

— Я хочу тебе кое-что сказать. Выслушай меня, пожалуйста.

Она умолкла и взглянула в окно, а потом опять на меня. Я курил и смотрел на нее сквозь причудливо вьющиеся клубы сигаретного дыма.

— Ты мужчина, я, как видишь, женщина.

Она улыбнулась. Мягко, но не по-кошачьи. По-женски, но не кокетливо. Хотя, может быть, и кокетливо, но как-то без коварства. Едва уловимо. Очень тонко. Мне — а я старался видеть все, каждую мельчайшую деталь, которая могла бы мне помочь в контратаке на всеобщую, с каждым днем, на каждом шагу все более вызывающую вульгарность мира, — мне эта улыбка очень понравилась, и я попытался ответить девушке той же улыбкой.

— Я женщина, — продолжала она, — и... как бы тебе сказать... я нормальная женщина.

Хорошо, если это правда, — подумал я. Просто очень хорошо. Потому что тогда нас уже по крайней мере двое нормальных людей в этом ненормальном, больном мире.

— Все, что ты от меня услышишь, — правда, — произнесла она, словно каким-то неизвестным мне чувством угадав, что именно об этом я думал всего секунду назад. — Что ты обо всем этом подумаешь, дело твое, но ты должен мне верить. Это для меня очень важно. Ты должен мне верить.

Я кивнул.

— Я нормальная женщина, продолжала она, — но с некоторых пор, уже довольно давно, в моей жизни нет мужчин. Я могла бы их иметь, прости мне это выражение, но не хотела. И не только потому не хотела, что мне противна вся эта игра, то, как они заискивают, прикидываются, подкрадываются...

Все эти обволакивающие словечки, все эти облизывающие взгляды, вся эта липкая слюна, — добавил я мысленно.

— ...Когда я вижу, — говорила она, — как этим занимаются другие мужчины или женщины, когда я оказываюсь случайным свидетелем или иногда объектом этого, то не знаю... мне хочется спрятаться под стол или вдруг исчезнуть, испариться, только бы больше не смотреть на это. А иногда... приходится бежать в ванную, потому что становится плохо, начинает тошнить.

Поразительно, — думал я. Пожалуй, я впервые слышу, чтобы кто-то другой говорил об этих вещах так же, как я сам говорил бы о них. Не может этого быть.

— Ты не подкрадываешься... Сначала я подумала, что, может быть, ты в кого-то влюблен, но потом поняла, что нет, ведь если бы это было так, если бы ты был влюблен, это было бы написано на твоем лице, светилось бы в твоих глазах, запечатлелось бы во всех твоих жестах, во всем поведении, и я бы наверняка заметила это и не решилась говорить с тобой о том, что говорю, и сказать тебе то, что скажу. То, что, быть может, мне удастся сказать.

Как удивительно говорит эта девушка, — подумал я. Если бы, говорит она, ты был влюблен, то, говорит, это было бы видно. Я думал об этом когда-то, давно, тысячу лет назад, когда был единственным раз в жизни влюблен, — я думал, отчего они, другой пол, этого не видят, не могут прочесть на моем лице, в моих глазах, во всем моем поведении, что ведь я влюблен, а раз так, то о чем же может быть речь, все ясно. Да только другой пол словно не замечал этого, и тогда иной раз начиналась вся эта игра, шли в ход все эти пресловутые до предела избитые штучки,

эти попытки строить глазки, сверкать вырезом платья, это покачивание бедрами и так далее. Стоп... но, может быть, они, другой пол, как раз очень хорошо все видели, ясно читая на моем лице и в моих словах все, что делалось в моем сердце, и именно это их еще больше распаяло. Возбуждало, как говорится. А может, и раздражало. Злило. Оскорбляло. Может, и так. Очень может быть. Очень даже может быть наверняка. Потому что тогда речь шла уже не только о том, чтобы завоевать мужчину, партнера, самца на один час днем или ночью или на пару часов ночью или днем. Тут речь шла уже о чем-то большем: о том, чтобы унижить неизвестную конкурирующую особь своего вида, ту, другую женщину, которую этот мужчина смеет любить и смеет свою любовь ни от кого не скрывать. Смеет обнаруживать в присутствии другой женщины — той, что стоит перед ним и безусловно считает себя первой среди женщин, первой и некоторым образом единственной.

— Можно говорить? — спросила девушка.

Я поднял голову и посмотрел на нее немного удивленно — с видом, выражающим вопрос: «Что-нибудь случилось?»

— Нет. Ничего не случилось, — сказала она. — Но я увидела, что ты задумался, и не хотела тебе мешать.

Эта девушка все больше не похожа на других, — подумал я. — Откуда в ней такая тонкость? Ей, должно быть, очень нелегко. В этой жизни, в этом мире.

— Так вот, еще раз прости мне это выражение, я могла бы иметь мужчин. Женщина, если только она не слишком обижена судьбой, а уж тем более если она хоть мало-мальски красива, может без особого труда иметь любого мужчину...

Почти любого, — поправил я ее мысленно.

— ...почти любого, — поправились она вслух. — Я, слава богу, судьбой не обижена... есть у меня и какая-никакая своя красота... которая... не знаю, по душе ли тебе...

Я глубоко затянулся догорающей сигаретой и, выпустив широко открытым ртом облако дыма, медленно и утвердительно погрузил в него голову, сначала отведя ее назад, а потом нагнув вниз и слегка вперед. И тут же поднял. Девушка улыбнулась как-то очень трогательно, и теперь она, в свою очередь, медленно склонила голову и долго держала ее опущенной. (Волосы у нее были золотисто-рыжие, какого-то такого оттенка, который может только присниться.) Я подумал, что мой немой, но утвердительный ответ на мимоходом заданный вопрос был ей нужен, даже необходим для того, чтобы она могла говорить дальше. Но я не понимал, почему именно мне она все это рассказывает. А еще я подумал, что если бы ей не ответил, если бы она не услышала моего немого ответа, то другим было бы и продолжение ее рассказа. Прозвучали бы другие слова. Не те, которые — я не знаю, какие, — прозвучат через минуту.

— Да, я могла бы, — продолжала она.

И снова на миг умолкла, и снова через мгновение заговорила.

— Но не хочу. Потому что, знаешь, еще больше, чем эта игра, мне противно множество. Множественность. Мне она отвратительна. Физически, и не только физически. Я ведь — не несколько женщин. Я — одна женщина, и хочу быть одной женщиной. Мне не нужно мужчин. Я хочу одного. Хотела бы. Когда мы болтаем с подружками, так, вообще, немного и об этом, они говорят: «Надо нормально относиться к этим вещам». Относиться нормально — это, по их мнению, спать с каждым мужчиной, который нравится, который красив, мил, обаятелен или женщине чем-то импонирует — быстрой ездой на мотоцикле, тем, как эффектно швыряет деньги, или тем, как играет на гитаре, или чем-нибудь в этом роде. Если это нормальное отношение, то мое — ненормальное. Но я не думаю, что мое ненормальное. Я не могу и, даже если бы могла, не хочу спать со многими мужчинами, со вторым, с третьим, с пятым. А с одним я бы хотела. И даже танцевать со многими не хочу. Не хочу прикасаться к разным мужским телам. Не знаю, что ты об этом подумаешь, но я тебе скажу, что не вижу особой разницы между тем, чтобы танцевать с мужчиной, и тем, чтобы лечь с ним в постель. Наверняка к этому можно отнести иначе, не так резко, как сказала бы моя подружка. Но я отношусь именно так и говорю тебе об этом, потому что хочу сказать. Чтобы ты знал, что я об этом думаю. Хотя я-то о тебе, по правде сказать, ничего не знаю. Я вижу тебя второй раз в жизни, и все, что знаю о тебе, — моя выдумка.

Интересно, когда мы встретились первый раз, — подумал я. И где это было. Я не мог вспомнить.

— Впервые я увидела тебя мельком. Ты, наверно, даже не знаешь, когда и где. Это странная история, странная и красивая, я тебе ее, может быть, когда-нибудь расскажу.

Она замолчала и посмотрела в окно, а потом опять на меня.

— Да, все, что я знаю о тебе, — моя выдумка. Впрочем, мне немного помогли придумать тебя разные люди. Помогли в том смысле, что говорили о тебе не слишком одобрительно или просто плохо. Или прямо-таки враждебно. И мне это понравилось. Если бы они говорили о тебе хорошо, это огорчило бы меня. Правда. Потому что я их немного знаю, во всяком случае настолько, что знаю: эти люди не могут говорить о тебе хорошо. Если ты

такой, каким я тебя придумала, то они могут говорить о тебе только плохо. Именно так они и говорили, этого я ожидала. Обо мне тоже рассказывают всякие неслишком приятные вещи только потому, что я думаю о некоторых делах иначе, чем они. Да что там. Всё это глупости, ты знаешь это лучше меня.

Она снова умолкла и посмотрела в окно. Я достал из пачки сигарету, закурил и подумал: откуда она знает все эти вещи, такие разные, маленькие и большие? Кто она? Когда и где, мельком, когда она говорит, мы виделись в первый раз? В каком-нибудь сне?

— Мне нравится смотреть, как ты куришь, — сказала она. — Дым окутывает тебя легким облаком, но мне ты кажешься тогда более реальным или, вернее, не таким нереальным.

Я совершенно не знал, как себя вести после этих слов, и попробовал улыбнуться.

— Знаешь, этому единственному мужчине я хотела бы подарить — просто, совсем просто, как подарок на именины или на день рождения, — всю мою жизнь. Без остатка. Я хотела бы быть вместе с ним, и путешествовать с ним, и ждать его, когда он не сможет взять меня с собой. Я хотела бы для него содержать дом в чистоте, готовить припасы на зиму, варить компоты, варенья, мариновать грибы, солить огурцы, квасить капусту, закатывать в банки щавель, помидоры и другие замечательные вещи. Я хотела бы связать ему, на спицах или крючком, длинный-предлинный теплый шарф, и теплый свитер, и теплые варежки, и теплую шапку, и очень теплые носки, и вообще. Потому что, конечно, можно и для себя кое-что сделать, но для другого человека можно сделать что-то необыкновенно прекрасное, всё. Всё. И как знать... вдруг завтра погаснет солнце, ведь может так быть, или от нас навсегда закроет его какой-нибудь страшный, чудовищный гриб... Ведь может так быть.

Как удивительно говорит эта девушка, — думал я. Как она сохранилась и как сберегла свои мысли, такие немодные в этом мире, среди этих людей, которые сами не умеют так сильно и просто любить и делают всё, чтобы такую любовь унизить сломать осквернить распотать убить уничтожить (потому что всё особенное оскорбительно для тех, кто одинаков). Чтобы убить, уничтожить такую любовь, они создали специальные обычаи, специальную философию, специальное искусство, специальных художников-специалистов, целый специальный мир. А ведь правда, правда, завтра может погаснуть солнце, или от нас навсегда закроет его какой-нибудь страшный, чудовищный гриб. Навсегда, на завтра и на послезавтра, навсегда, ведь может и так случиться.

— И знаешь еще что, — продолжала она, — для тебя это, может быть, само собой разумеется, но и об этом я хочу тебе сказать, сказать прямо, — я за верность, за абсолютную верность.

Вольная птица — самое верное существо на свете, сказал я себе мысленно. Но я не очень понимал, зачем прозвучала во мне эта фраза, и не знал, что она означает — во всей своей растяжимости, во всей своей крылатости.

— ...и этому единственному мужчине я была бы верна абсолютно. И только так, пожалуй, только так я была бы верна самой себе. Была бы такой, какой хочу быть, такой, какая я на самом деле. Я это знаю. Чувствую. Этот мужчина помог бы мне в этом, помог бы мне быть такой, а не другой, и я бы тоже старалась во всем ему помогать. Потому что, мне кажется, я бы наверняка ни в чем ему не помешала. Но говорить о таких вещах ужасно трудно и неловко. И, пожалуй, не надо ни в чем верить, потому что именно тогда это выглядит подозрительно.

Умолкнув, она глубоко вдохнула воздух и снова посмотрела в окно, как бы давая мне время прийти в себя после каждой волны своей откровенности, а сама словно черпая оттуда, из окна или из-за окна, какие-то необходимые ей силы. Она смотрела в окно, а я смотрел на нее, на ее профиль, и думал: сердцем я не мог бы, потому что было у меня когда-то сердце, одно-единственное, да разбилось вдребезги, и я не мог склеить черепки этого сосуда ни слезами — этим белым клеем, ни кровью — этим красным клеем, так что сердца у меня нет, нет, и сердцем я бы не мог, но я мог бы полюбить такое существо УСИЛИЕМ ВОЛИ. УСИЛИЕМ ВОЛИ я мог бы ее полюбить. Первой, целомудренной, великой и вольной любовью моей вольной воли. Откуда она взялась, эта девушка, здесь, предо мною, почти на расстоянии вытянутой руки, — она, такая, рожденная словно какой-то неизъяснимой, душераздирающей тоской, уже не тоской сердца, а какой-то иной, какой, и не знаю... Тоской духа. Моей тоской.

Девушка отвела взгляд от окна и посмотрела на меня. Но все еще молча. Она смотрела. И в этом взгляде опять было то же, что вначале, когда она заговорила со мной, этот взгляд был чем-то похож на тот, каким на причале в порту люди смотрят на корабль, который медленно приближается к гавани, но еще слишком далек, чтобы стосковавшимися глазами, без бинокля, можно было различить лица стоящих на палубе пассажиров. Я молчал, так же, как и она. И вдруг понял, что за-все-это-время не произнес ни единого слова.

— Сейчас я задам тебе один вопрос, — вдруг сказала она. — И больше уже ничего не скажу.

И тогда я почувствовал, что у меня дрожь пробежала по коже, ток прошел по затылку, и тут же — словно хлынул ливень после удара молнии — я почувствовал, как капелька пота, одна капля, покатила от затылка вниз по спине. Потому что я знал, какой это будет вопрос. Я понял всё и удивился, страшно удивился, что не понял этого сразу, почти с самого начала. Я совершенно не понимал, как это могло случиться.

Она склонила голову — низко, почти касаясь лбом коленей, и какое-то время держала ее так; выпрямившись, она посмотрела на меня, снова глубоко вдохнула воздух, потом расплела ладони, свесила руки по сторонам стула и, тряхнув головой, опять отвернулась к окну, словно моля, чтобы оттуда в нее влилось еще немного сил.

Я хотел ей помочь, хотел сказать высказать выговорить выдавить из себя, выстонать эту фразу, ту самую, одну-единственную, но не мог издать ни звука, голос застрял у меня в горле, так несказанно я был взволнован тем, что только что произошло, всем, чего мне наконец дано было дожидаться через шесть лет, шесть бесконечно долгих лет ожидания чуда, в которое — в то, что оно придет, что оно случится, — я никогда до конца не переставал верить, хотя дни бежали — две тысячи дней, и ночи бежали — две тысячи ночей, и реки бежали — много-много рек, то вверх, то вниз, как тень, как тень.

Я хотел простонать ей эти слова, этот вопрос: «Мог бы я быть этим мужчиной?» — но не мог добраться до своего голоса, прорваться к этим словам, извлечь их, вытащить из недр на поверхность нового, сотворенного ею мира; и вот, немой онемевший очарованный, я только смотрел на нее; она наконец отвернулась от окна, и я затаил дыхание, а она сказала медленно тихо ясно:

— Ты хотел бы быть этим мужчиной?

Теперь она уже не отвела глаза к окну, а продолжала смотреть на меня, как бы помогая взглядом словам своим, чтобы они вдруг не повернули назад, как бы подталкивая их, чтобы они проникли в этот уголок во мне, в тот космический тайник, где я прятал последний лучик, последний мой проблеск веры в то, что произойдет чудо, в то, что оно непременно произойдет, и они, эти слова ее, пробилась туда, и было так, как если бы мне на голову вдруг посыпался какой-то розовый снег, и я почувствовал, как от горла вниз, к животу, меня заливают тепло, как рушатся внутри меня огромные твердые гранитные скалы, целые громадные горы — тихо рассыпаются, распадаются мягко беззвучно и нежно...

Я встал и медленно пошел к ней, глядя в ее глаза, а она смотрела в мои (пока я приближался, она поднимала голову, и взгляд ее словно раздвигал воздух передо мной, чтобы мне было легче идти, легче); я дошел, и остановился за шаг до нее, и, медленно согнув ноги, опустился перед ней на колени (пока я опускался, голова ее склонялась, безмолвно смотрели мы в глаза друг другу), не отрывая глаз от ее глаз, я медленно поднял руки, чтобы обнять ноги ее, и увидел краешком глаза, что она тоже поднимает руки, опущенные по краям стула, поднимает, чтобы обнять мою голову, да, наверняка, чтобы обнять мою голову, и... тогда-то, тогда, а может на мгновение позже или еще на мгновение позже этого мгновения, но чуть раньше той доли секунды, когда мы уже вот-вот должны были прикоснуться друг к другу... раздался громкий треск.

Ся открыло глаза и почти в тот же миг рванулось на постели из положения лежа в положение сидя, и почти в тот же миг выхватило из-под подушки недремлющий нож.

— Не будете же вы утверждать, что всегда спите в одиночку?! — полуутвердительно полуспросил меня кто-то когда-то.

— Нет. Я всегда сплю с ножом наготове, — ответило ся вполне чистосердечно.

Сквозь открытое окно с диким протяжным жалобным воем в комнату врывается ветер. Порывистый предвесенний вихрь бушевал в ночной тьме двора. Как всегда после пробуждения, ся стало размышлять о топографии: где ся? Что за дом? Что за деревня? Что за город? Какая страна? Какой континент? (однажды, после какого-то странного сна, ся подумало: какая планета?). Резкий порыв ветра хлопнул оконной рамой об стенку, и этот громкий треск напомнил мне тот треск, а тот треск напомнил мне обо всем.

Ся слезло с постели, подошло к окну, крепко схватило обе рамы, чтобы они не бились на ветру, и с высоты второго этажа посмотрело в ночь. Сжав губы. Стиснув зубы. До боли. И в какой-то момент:

— Я хочу, — тихо сказало ся в ночь, упираваясь губами в губы ветра.

И тут же повторило немного громче:

— Хочу.

Постояв еще немного, ся закрыло окно. Ся знало: больше не уснуть, — и подошло к выключателю, чтобы зажечь свет. Но нет. Присев на край кровати, ся протянуло руку к сигаретам, лежащим рядом на табуретке, но тоже нет. Ся явственно ощущало во рту горький вкус тех двух сигарет, выкуренных только что, когда ся слушало все, о чем говорила она. Ся подумало и кивнуло головой. И еще раз кивнуло. И еще раз. И еще. Потому что ся подумало об одной странной вещи. Подумало, что... если бы тогда, во сне, мы успели прикоснуться друг к другу, меня не разбудил бы внезапный треск оконной рамы, распахнутой среди ночи резким порывом ветра. Ни этот треск и никакой другой звук этого мира. Или... ся проснулось бы, но только... вместе с ней, вместе с ней, вместе с ней. Обняв руками ее колени, в тот миг, когда ладони ее обнимут бедную мою голову.

СЯ

Ся смотрит в огонь как всегда как ни в чем не бывало, не тоскует, не дышит в космос непроницаемо, не дрожит вменяемо и невменяемо, не страдает в порошок стираемо, в руины обрацаемо, в безумие впадаемо.

Ся понимает. До сядошло. Не там ся искало хрустальный шар, где таятся ответы на два-три вопроса. На один вопрос. На все вопросы. Не там, где он был, ся искало его. И не там, где он есть, искало. Ся искало его в беспредельном пространстве. Далеко. Далеко. Чересчур далеко. Дальше некуда. Дальше на целую дальнюю даль. На целый космос. Ся заблуждалось. Блуждало в эфире, как странствующий рыцарь. А ответ был где-то еще. Не там. Гораздо ближе. Намного ближе. Ближе некуда. Совсем рядом. И не надо было его искать. Он здесь. В лобной голове ответ. В чьей-то бедной крошечной голове. Уже не бедной. Уже не крошечной. Уже ничьей. Уже не голове. Вскрылась голова. Распахнула полушария настезь и выбросила, вытолкнула из себя все, чем ее набивали, чем ее напивали и убивали сорок лет, четыреста лет, четыре тысячи лет, четыре миллиона лет, четыре миллиарда лет, и стало страшно, очень страшно, жутко страшно, ужасно страшно, страшнее быть не может, чудовищно кошмарно убийственно страшно, и замерло сердце, потому что стало пусто, абсолютно пусто, открылась великая пустота, великая черная дыра, — и тогда пришло иное, всё пришло, всё-всё — ведь для него появилось место, и оно пришло, и уместилось, целиком, уместилось, всё-всё, иное, неведомое, немислимое, несказанное.

Это есть. Это песнь. Это не эхо. Это — эх! Неустанно становится новое есть. Снова становится новое есть. Это весть. Вновь становится новая весть. Это не стих. Это не сеть. Это не вещь. Это поэзия. Это не слово. Не та это речь. Та речь — немая. Литературная. Эта — нет. Это не фабула. Это *Fabula gasa*. Не записать ее. Не нацарапать. Это не что-нибудь. Это не кто-нибудь. Несгибаемая судьба. Вечно новая несказанная несгибаемая судьба. Это все. Этого хватит. В самый раз. Это же радость. Это единственное. Единое. Полное. Целое. Весь яркий свет. Все чудесное бездорожье. Реальный призрак. Это действительность. И неизбежность. Это теперь. Вечно теперь. Это не время. А где же время? Кто о нем спросит? Никто не спросит. И ся не спросит. Шуметь не станет. Это песнь. Звук тишины. Это любовь. Это не торг. Это не клетка. Это птица. Это факт. Это не бред. И не мираж. Это арфа. Это качели. Это гармония. Совершенство. Это порядок. Это не я. Я — змея. Я — рак. Эдмунд Шеруцкий — рак. Янек Прадера — рак. Я, Михал Контный, — рак. Эдвард Стахура, который нас всех придумал (он, тоже придуманный), — рак втройне. Рак умер. Рак умер от рака. Умерло я. Положило себе предел. Конец биографии. Конец библиографии. Конец биобиблиографии. Конец биобиблиооблеблемафии. Нет я. Есть ся. Ся — состояние. Ся — не хозяин. Ни другим, ни себе. Нет хозяина. Конец хозяину. Хозяину аминь. Ся — состояние. Ся — дух. Только теперь. Никогда прежде. Прежде оно пролетало мимо, едва касаясь. Почти возникало. Когда не было я. Не было: мой, моя, мое. Очень редко. Время от времени. В промежутках, отделяющих время от времени. В этих пробелах от я до я. Я — время. Я — змея. Я — рак. Рак умер от рака. Змея умерла от собственного укуса. Время умерло от времени. Я умерло от я. Нет я. Есть ся. Ся — есть. Ся — дух. Ся — никто.

ПИСЬМО ТЕМ, КТО ОСТАЛСЯ

Я умираю
за свою вину и невинность
за то, чего нет, но я чувствую это каждой частицей
души и тела
за то, чего нет, что разрывает меня на клочки, как
газету, полную громких ничего не значащих слов
за возможность соединения с Безымянным,
Неназванным, Неизвестным,
за новый день
за чудесное бездорожье
за пейзаж пейзажей
за реальный призрак
за точку над игреком
за тайну смерти
в страхе, в ужасе, в поте лица умираю
за утраченную очевидность

за потерянный ключ понимания
за искорку веры, что если зерно погибнет, родится
плод

за одиночество в смерти
потому что всякое тело — труп
потому что тяжело, страшно, невыносимо
за возможность преображения
за горе свое и чужое, тяготеющее надо мной и живущее
во мне

потому что все это похоже на сон
потому что все это похоже на ложь
потому что все это похоже на абсурд
потому что здесь все погибает, гниет и нет ничего
постоянного кроме тоски по постоянству
потому что я уже не от мира сего, а может, и не был
от мира сего

потому что я уже не могу любить земной любовью
потому что не трогай меня
я устал, я иссяк, я отмучался
я уже распят, хотя это было в бреду
распят во плоти, и боль моя сильна и реальна

потому что я хотел спасти от зла весь мир, всех
людей, а если не вышло, то в этом я не могу
найти своей вины

потому что здесь от меня нет уже следа
но я не считаю, что меня обманули, это дало бы мне
силы жить, искать — кто виноват, а вдруг я сам,
но я не считаю, что меня обманули

Кто может жить в этом мире — пусть живет, я желаю
ему здоровья, а когда придет время, пусть
смерть его будет легкой

но я иду к тебе, Отец
чтоб обрести наконец покой, который я заслужил,
заслужил, как мне кажется

тем, что безумие не миновало меня
тем, что мне страшно и больно
тем, что я задыхаюсь в клетке
тем, что душа моя одинока
тем, что вовремя кончается последний лист бумаги
и остается один только шаг, и да
Здравствует Жизнь
я был вначале, Отец призывает меня, и я буду в
конце, и не увижу смерти.

Ярослав Маркевич

Перевод
Андрея Базилевского

ВВЕДЕНИЕ В ЭКСТАТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ И СТРАДАНИЯ ЭДВАРДА СТАХУРЫ

*а также попытка теории так называемого безумия
и так называемой смерти*

Действие происходит на одном из многих вроцлавских мостов, году в 1960-м, на первой странице первой книги Стахуры «Один день»:

«У меня два таких взгляда... я наклонялся над перилами, устремив взгляд на воду, и сначала видел ее, а потом уже нет, потому что один из этих моих взглядов — ничегоневидение, забвение себя глазами, падение в воронку, которая, должно быть, есть по ту сторону глаз».

Эта воронка по ту сторону глаз, этот взгляд в глубину противопоставлены другому взгляду, который «блуждает туда-сюда, потому что я никогда не знаю, что делать с глазами. Так же, как с пальцами, поэтому я или курю сигарету, в упор глядя на что-то, то есть ничего не видя, падая в воронку, которая, должно быть, есть по ту сторону глаз, или сунув руки в карманы и втянув голову в гнездо плеч, иду, покачиваясь направо и налево, с блуждающим взглядом».

(Процесс зрения у начинающего зрителя — у маленького ребенка или у того, кто открывает видение по ту сторону глаз, — происходит так, что ребенок сперва видит цветные пятна, колористические различия, а потом культурная среда (Мать-Культура) помогает ему упорядочить эти пятна, обнаружить в них предметы. Однако иное дело — зрение по ту сторону глаз, когда выдающие глаза должны еще раз открыться, чтобы увидеть. Есть по крайней мере три степени этого открытия. Как будто на потенциале зрения — три выключателя. Уши открываются для слуха, мысли открываются для мышления.

Возможно, имеет значение и то, что Стахура смотрит на поблескивающую на свету воду. Всего в нескольких десятках километров от вроцлавских мостов и за несколько веков до этого «приятный, приветливый блеск» оловянного сосуда пробуждает в одном сапожнике знание о том, что «было скрыто от детей человеческих», а затем его охватывает пламя «жизни после смерти». Якоб Бёме в 1600 г. находится в гораздо лучшем положении, чем Стахура в 1960-м. Сапожник, человек неученый, познаёт, прославляет, выявляет природу Бога, пространство внутреннего человека: Мать-Культура (в том числе оскорбительные

проповеди, в которых тогдашний пастор Згожельца поносил сапожника, отсылая его к молотку и дратве) тогда еще давала относительно прозрачную сетку (структуру) для выявления такого опыта.

Незаметно для самого себя и для своих читателей (не говоря уж о так называемой литературной критике) Стахура вышел за пределы литературы и оказался в пространстве невообразимого и невыразимого.

Он сумел удивительно долго пребывать в невыразимом вполне сознательно, с карандашом в руке — как репортер на новых территориях мира. Это звучит несколько патетично, но так оно и было.

Стахура в своем творчестве изначально был обостренно чувствителен к тайне мгновения. Время было для него тайной, пространство было тайной, таинственными были ничтожные события, которых другие просто не замечали. Каждая ветка, треснувшая под ногой на дороге, приводила его в состояние обостренной зоркости, восторга перед звуком, восторга перед пространством, в котором раздавался этот звук. Восторга перед подземельями, где гудело эхо треска сломанной ветки. Восторга перед небесами, которые воспринимали это эхо подземелий. Всякое мельчайшее событие приводит в движение вселенную, длится в бытии. Литературные критики того времени попрекали Стахуру длиннотами, кое-кто чуть ли не обвинял его в графомании. Они не замечали напряжения его постигающего бытия, не замечали того, что героем произведений Стахуры вплоть до «Примириться с миром» было сознание.

Я сказал, что Стахура пребывал в невыразимом вполне сознательно. И в определенном смысле это правда. Точнее, это было правдой до момента, когда он констатировал, что сознание, даже самое полное, может быть еще более полным.

Это открытие зафиксировано в поэме «Пусть саранча ворвется в сад», где есть такая запись (адресованная Витеку):

«Ты даже разум свой раздал, разбросал неумно, как мелочь, как медяки, все до гроша, и теперь мне придется заботиться о тебе в святейшей твоей болезни».

Все состояния сознания имеют один исток, и исток этот — не какая-то внешняя реальность, не Бог, пребывающий снаружи, но само сознание субъекта. Что во все не значит, будто энергия, в том числе энергия сознания, которую субъект воспринимает извне, — неистинны, поскольку человеческое сознание не есть нечто исключительное в мире. Все наполнено Богом, говоря языком пантеиста, и все сознаёт себя. Гете подозревал, что и кристаллы наделены сознанием.

И тут начинается удивительнейший процесс, который мы можем наблюдать во всей полноте, поскольку Стахура оставил его точную запись, — нарастающий от предложения к предложению процесс самонаблюдения разума, завершившийся таинственным взрывом, когда неосознанное напомнило о своих правах и пожелало вернуть себе утраченные территории.

В повести «Весь яркий свет» мы читаем такие слова:

«Мы ели медленно и вдохновенно. И вдохновенно пили после обеда чай улунг... Вдохновенно и глубоко дышали и, усталые, вскоре уснули... Мы с Витеком пришли к тому, что каждое наше движение было вдохновенным... Каждое наше движение и каждая тяжёлая мысль, тысячекратно весомая, и каждая головокружительная мысль, и каждая легкая мысль, летучая, как прикосновение вуали, и каждая обычная... Мы так ощущали и так несли в себе потрясающую тяжесть любого мельчайшего мгновенья, что просто невероятно — как можно так жить, в постоянном, неустанном напряжении. Но мы так жили. И я не думал об этом прежде, но, видя, что нас ожидает, то есть что у нас перестанет биться сердце, мы только так и могли спастись, проживая каждый миг без остатка».

Это состояние, тон вдохновения, который казался Стахуре настолько очевидным, что он и не пытался его определить — так уж очевиден не был, а кроме того вдохновение относилось не к искусству, а к жизни. И было нацелено — если можно так выразиться — против смерти.

Слово «вдохновение» принадлежало к числу слов стертых, младопольских. Стахура его обновил, наделил новым смыслом. Одним из новых возможных значений «жизни во вдохновении» была «жизнь в надсознании». Можно было бы с успехом записать все вышеприведенные фразы, заменив слово «вдохновение» словом «сверхсознание». И в этом не было бы фальши, быть может, только появился бы ненужный пафос, какой-то оккультный тон, которого Стахура избегал. Итак, состояние вдохновения, то есть состояние сверхсознания (в экзистенциальном, а не оккультном смысле) было для Стахуры состоянием желанным — желанным, так как оно давало ощущение богатства жизни, данной минуты — и освобождало от смерти.

Это освобождение от смерти через сверхсознание в повести «Весь яркий свет» еще слабо проявлено и малодостоверно. Оно будет выкристаллизовываться, а потом завершится взрывом в книгах «Fabula gasa», где все пронизано светом, и «Вот». Но прежде Стахура погрузится во тьму «Ся». Инстинкт, глубокое знание, мудрость — как еще это назвать? — подсказали Стахуре: для того чтобы прийти к сверхсознанию, надо устремиться к нему через подсознание и неосознанное.

Когда вышла книга «Ся», меня поразило, что ни один критик не взглянул на это произведение как на своего рода экзистенциальный философский опус, в котором есть открытая издевка над хайдеггеровским «ся» и свободная игра с ним. Хайдеггер говорил: когда нечто делается так, как делается, когда говорится так, как говорится, в этом проявляется неподлинность нашего существования. У Стахуры — наоборот: ся столь же подлинно, как высшие взлеты человека, — не важно, что оно пребывает в сфере низкого, самозащиты, покорности.

Чтобы увидеть свет, надо взглянуть во тьму — подобными словами будет говорить человек-никто из «Fabula gasa». Я убежден, что без «Ся» человек-никто никогда бы не появился.

Итак, «Ся» — отчет о подсознании и о неосознанном. Стахура ясно говорит, что ся — состояние, ся — дух:

«Ся смотрит в огонь как всегда как ни в чем не бывало, не тоскует, не дышит в космос непроницаемо, не дрожит вменяемо и невменяемо, не страдает в порошок стираемо, в руины обрацаемо, в безумие впадаемо».

Стало быть, ся — неосознанно, или подсознательно, или полусознательно, или четверть-сознательно. Ся — не добро и не зло. Ся есть. И в этом его первая позитивная ценность. А вторая позитивная ценность — то, что в ся растворяется я.

Выражаясь жаргоном психоаналитиков — ся помогает в мягкой деперсонализации. Прыжок с высоты вдохновения (надсознания) в колодец ся (неосознанного) происходит не просто так — это паломничество к реальной силе надсознания. А надсознание не умирает. Подобно тому, как не умирает неосознанное. Так что, кстати, это и странствие к пределам бессмертия. Приведу финал «Ся»:

«Нетя. Есть ся. Ся — есть. Ся — дух. Ся — никто».

И тут уже может открыться свет «Fabula gasa», ибо умер человек-я и родился человек-никто.

Творчество Стахуры было посланием — в том же смысле, что и осуществляемая на наших глазах, в нашем сознании духовная практика. Почему эта практика довела Стахуру до самоубийства? И было ли это самоубийство?

«Fabula rasa» — поднебесная гора, гора Меру, которую воздвиг Стахура — един-в-трех-лицах — сам с двумя другими, а этими другими были: Ся и Человек-Никто. Ся работало Сизифом, катило камень в гору, камень с горы скатывался, но Ся не сдавалось — и Ся взошло на гору, которой не было, снизу — а тем временем Человек-Никто насыпал эту гору сверху — чтобы Ся было куда катить камень...

«Автор этой книги — не кто-то, не кто-то один и не кто-то другой, а нечто третье. Можно назвать это творящим состоянием. Конечно, это название — всего лишь название. Во всяком случае, невозможно поставить вопрос: кто автор этой книги? Можно поставить вопрос: кто, быть может, подпишется под этой книгой как ее автор, не будучи ее автором?»

— Кто, быть может, подпишется под этой книгой как ее автор, не будучи ее автором?

— Ты. Ты, Эдвард Стахура, быть может, подпишешься под этой книгой как ее автор, не будучи ее автором. Как-никак, ты носишь фамилию».

...Это была безумная работа — в 70-е годы столетия, когда властвовал функционализм и авангард все пытался возглавить шествие, идущее в никуда... и некоторым образом авангард знал о том, что идет в никуда, но ему было приятно размахивать авангардистским знаменем и косить все, что не есть авангард.

«Неблагодарность людская и авангард преследуют нас», — говорил Стэд. Нас, то есть Михала Контного и Анджея Бабинского, Эдмунда Шеруцкого и Витэка Ружанского, Яцека Прадери и Бруно Мильчевского, ибо Стахура окружил себя «Божьими людьми», поэтами, которые менее удачно, чем он сам, Стэд, охотились на невыразимое на путях мира сего и на бездорожье мира сего, а часто и вне мира сего, что вовсе не оговорка и не спиритический приступ, так как Божьи люди Стахуры несомненно также пребывали вне сознания мира сего.

Читатели Стахуры, а его читает уже третье «культурное поколение» (хиппи, панки и постмодернистский молодежак вместе взятые), узнали этот мир и полюбили его — как я думаю — именно потому, что это мир до боли радостный и до мелочей реальный, что он экстаичен и позитивен.

Герои Стахуры полноценно участвуют в жизни ПНР — но опираясь на свои принципы. Прежде всего они заняты реализацией «внутренней необходимости», ее открытием и расширением до состояния, когда эта необходимость охватит внешний мир и преобразует его. Говоря более образно: герои Стахуры стучатся в собственную дверь, в дверь, которая открывается только внутрь, внутрь души.

Мир, увиденный из глубины собственной души, и есть мир реальный и имеющий смысл — ибо только наша душа придает миру смысл и реальность.

«Посмотреть на факт значит — пережить факт, значит — быть фактом, значит быть несравненно нагим, значит быть наготой, значит не быть одеянием. Есть либо нагота, либо одеяние. Есть либо факт, либо Я, или ты, потому что ты — тоже Я. Если есть факт, тебя нет. Если есть ты, нет факта».

Быть фактом — значит вернуться со своим частичным сознанием Я во всеосознание, которое для Я проявляется как неосознанное. Это значит — отправиться к противоположной границе разума и оттуда стартовать в вечность.

Наука в своей гордыне относительно недавно осознала то, что она лишь проекция, что она высвечивает на (все еще, кажется, преувеличенном) экране сознания гипотетические образы вселенной, которые, пережив свои пять минут славы в качестве «новой единственной теории», сменяются очередной проекцией.

В известном смысле гораздо хуже дело обстоит с проекциями Неосознанного. Прежде всего потому, что Неосознанное для Сознания — парадокс, а кроме того оно ниспровергает Сознание с «принадлежащего» ему высокого уровня в иерархии сущностей, указывая ему место действительно надлежащее — на самой вершине ледяной горы, дрейфующей в водах, едва отделившихся от неба в процессе творения, который все еще происходит и никогда не кончался.

«В начале 77-го года я безболезненно утратил Всё. Вскоре после этого я обрел новое Всё. Я был на великой горе. Это длилось два с половиной года. Тогда написала «Fabula rasa» (вещь об эгоизме) и другой текст, под названием «Вот». Говорю: написала, а не: я написал, потому что было так, будто и не я писал, а кто-то другой. Этот кто-то другой называл себя человеком-никто. Я был им, и вместе с тем я им не был. Не могу выразить этого иначе».

В «Примириться с миром» мы находим разрозненные фрагменты, относящиеся к тем событиям, к тем героическим минутам. Стахура — словно невольно следуя за фантазиями фельетониста Гамильтона — стал жить в этом городе и в этой стране, как святой Франциск в джинсах, раздал деньги тем, кому они были нужны, начал раздавать вещи, отдал кому-то даже свою любимую подругу — гитару, потом оставил квартиру на Рембковской с открытой дверью и двинулся вперед.

На железнодорожном переезде в Беднарах вибрирующий разум Стахуры увидел, как на него надвигается чудище-дракон. Разум не испытывал ни малейшего сомнения, что надо это чудище одолеть и что он в силах это сделать, — единственная ошибка разума состояла в том, что он автоматически приказал это сделать телу, — и тут имело место одно из самых удивительных событий, не описанное в книгах.

Тело напало на поезд, поезд прореагировал по-рыцарски — как только мог, преодолевая силу слабости своими тормозами, — но сила слабости была превосходящей, Тело попало под поезд, но тогда начала действовать самая мощная из всех сил, загадочно называемая Неосознанным, — и Стэд потерял в столкновении только четыре пальца правой руки, что безусловно следовало бы записать — принимая во внимание страшные обстоятельства — в разряд чудес.

Машинист электровагона забрал галлюцинирующего Стахуру в кабину и отвез в больницу города Ловича.

Очевидно, задолго до столкновения с поездом Стахура вошел в Измененное Состояние Сознания, утратив всякую власть над механизмом, именуемым Сознанием, и со скоростью, приближавшейся к скорости света, погрузился в Неосознанное, иными словами — избавился от разума и отдался во власть неведомых энергий.

Эти энергии во многих культурах (собственно говоря, и в нашей тоже) принимают вид богов, но поскольку мы живем в условиях диктатуры воинствующего монотеизма, до нашего сознания они доходят в образах демонов, космических энергий, энергетических полей и т.д.

В тексте «Примириться с миром», в записи от 5 июня 1979 г., через два месяца после тех событий, мы можем прочесть, что Стахура был распят, потом не раз умирал и воскресал, говорил голосами разных людей, потерял дар речи, был распят на левую и правую половину. Следует подчеркнуть, и Стахура многократно это повторяет, что все это было реально и мучительно — невероятно реально и невероятно мучительно.

Это еще не конец странных событий на грани сознания и неосознанного — но остановимся на этом.

«В начале 77-го года я безболезненно утратил Всё. Вскоре после этого я обрел иное Всё».

Стахура безошибочно описал начало Изменения Сознания. Он назвал это состояние — творящим состоянием. Творящее состояние сформировалось в «*Fabula gasa*» и «*Вот*».

С самого начала своего творчества Стахура чувствовал себя отчасти посланцем, он передавал людям, не живущим во вдохновении, сведения, полученные в состоянии вдохновения. Изменение сознания начинается с внезапного расширения сознания, а расширение состоит попросту в том, что нечто до сих пор неосознанное внезапно осознаётся и переживающий это состояние впадает в эйфорию или в панику, тревогу. Стахуре на том этапе повезло — он впал в эйфорию, контролируемую творчеством. «Свежеобретенные» территории неосознанного ежеминутно, день за днем вливались в застывшие формы языка, изменяя выработанный ранее литературный язык Стахуры: очистили его от «стакхуровщины», парадоксально приблизив к норме, уп-

ростив и сделав более точным. Под пером Стахуры в этом необычайном состоянии сознания революционно и потрясающе расширились возможности польского языка в области психологии, философии, метафизики. Чеслав Милош сомневался, может ли польский язык совладать с визионерским трактатом Сведенборга, написанным в XVIII веке; насчет Сведенборга он как раз ошибался — но в общем был прав: метафизические рефлексии применительно к Богу, трактуемому как внутриспостигаемое, не часто возникали на польском языке. Так что метафорически можно сказать, что Стахура сделал для польского языка то, что на рубеже XIII-XIV веков сделал для немецкого языка Мейстер Экхарт. Я не сомневаюсь, что уже за одно это когда-нибудь очередное поколение поляков будет ставить Стахуре памятники.

Но пока у нашего героя нешуточные проблемы. Юнг пишет:

«Каждый существенный психический смысл, утративший ценность и погибший для сознания, находит компенсацию в неосознанном. Этот процесс протекает в соответствии с основным законом сохранения энергии, ибо наши психические процессы — это также процессы энергетические».

Наблюдение Юнга и содержание «*Вот*» помогают нам понять, почему Стахура был распят, почему он умирал и воскресал — то есть переживал то же, что и Христос, — но не ощутил себя Христом. Процесс распятия, умирания и воскресения повторялся. То, что не усвоено, не переработано, едва понято сознанием, возвращается в неосознанное, а мучения, с этим связанные, примерно таковы, как если бы кто-то пытался вернуть наверх воды Ниагары.

Но послушаем Юнга — вот как он описывает подобную ситуацию с Ницше:

«...раз для Ницше Бог умер, он сам стал богом — это случилось потому, что он не был атеистом. Он был слишком положительной натурой, чтобы поддаться атеизму, этому неврозу больших городов».

Точно так же можно сказать и о Стахуре. Стахура был человеком глубоко религиозным. Иисус был его Великим Братом («*Вот*») — но не был ни богом, ни Богом Единосущной Троицы.

Поразительно: когда мы читаем два основных фрагмента о Боге из «*Fabula gasa*» (начиная со слов «Почему одни люди верят в Бога, а другие нет?») и со слов «Бог, истинный Бог — существует ли он?») — не возникает чувства, что Стахура впадает в ересь, с точки зрения католицизма, который к ереси весьма чувствителен. Конечно, Бог «*Fabula gasa*» — это бог внутриспостигаемый, но в первом фрагменте он более могуществен, чем вера в Бога, а в другом — чем какое-либо название Бога.

Однако дело в том, что Стахура желает ощущать Божественное присутствие вне какой-либо Церкви, непосредственно, без преград. И это стремление осуществляется самым ужасным образом. Невоцерковленность приводит к тому, что он переживает страсти Христовы, ибо этими архетипами переполнено его неосознанное, — но не может отождествиться с Христом ни как обычный, хрестоматийный безумец, ни как глубочайший из всех возможных приверженцев. Ведь он не может спрятаться в догматах, принять Святые Дары, молиться, произнося освященные традицией молитвы, — во всем этом «я» Стахуры, его человек-никто, видит одеяние, нечто, что отделяет от Бога.

Однако оставим крестные муки Стахуры и займемся другими его страданиями. Он был разъят на левую и правую половину и превращен в полумужчину-полуженщину. Иначе говоря, воплотил в себе на европейской почве алхимический идеал двухнастности, но не понял этого. Если бы он был индийцем, он бы знал, что индийские святые после изменения сознания, состоящего в непосредственном созерцании Бога в себе, тоже становятся андрогинами.

Затем Стахура встречает в глубине своего неосознанного некую могущественную, бесконечно могущественную и разумную сущность и умоляет ее о немоте, потому что уже не может с нею говорить, а затем умоляет убить его, а та помогает ему умереть, «манипулируя» дыханием — с помощью рта, носовых, ушных и прочих отверстий.

Стахура по-прежнему не может понять этих видений.

Лешек Колянкевич в «Самбе с богами», пытаясь интерпретировать то, что случилось со Стахурой, пишет о «единоборстве человека с архетипом». Колянкевич ссылается на опыт Майи Дерен, Ницше, Арто и Нижинского. Все они «проиграли» схватку с архетипом. Но было и несколько таких, кто не проиграл: Эммануил Сведенборг, Якоб Бёме, Иоанн Креститель. Стахура в своей «одержимости архетипом» вступил в контакт с могущественной сущностью, которую умолял о смерти, — а эта сущность пыталась его научить некоему иному, необычному способу дыхания. За двести лет до этого Сведенборгу («Дневник сновидений») приснился сон, в котором подобная сущность обучала его тому же. Сведенборг тщательно следовал этой науке. Стахура — нет. (Почему? Или Мать-Культура уже подставила ему другую грудь?)

Двумя-тремя месяцами позже Стахура сидит на кухне у своей матери под Александровом-Куявским и пишет левой рукой, а по транзисторному приемничку, который стоит на столе, с удовольствием слушает греческие мифы — и, слушая эти мифы, осознаёт, что они говорят — не прямо и не буквально, но в той же тоналности, что и его болезнь. Но его болезнь, или, ина-

че говоря, энергии его неосознанного, вытолкнула на поверхность какого-то мастера пранаямы или крийя-йоги, а не, к примеру, мифического Пифагора. В тибетской «Книге Мертвых» можно прочесть, что в переходном состоянии веют кармические ветры, овладеть которыми могут только те, кто провел много жизней в познании своего разума. Состояние внезапного выплеска неосознанного, называемое иногда безумием, как раз и есть такое переходное состояние.

В переходном состоянии являются сначала божества кроткие, покровительствующие тому, кто это состояние переживает, но если он не может воспринять их учение, являются божества ужасные — и он вынужден бежать, а бежит он туда, куда может, то есть туда, куда его гонит карма, судьба.

«С какой-то естественной легкостью он словно бы проходил сквозь стены. Не часто случается, чтобы поэт с берегов Вислы без всяких комплексов и в то же время без чувства превосходства участвовал в культурной жизни разных языковых ареалов. Стахура был поэтом культурного пограничья независимо от того, где находился — в Цехотинке, Грудзёндзе, Детройте, Париже, Ксалапе или Осло, косил ли он рожь под Лежаховом или собирал камушки по дороге из Бейрута в Дамаск. Свои путевые заметки он вел по-польски, по-испански, по-французски, а позднее и по-английски», — изумляется Кшиштоф Рутковский, издатель наследия Стахуры.

Выше я отмечал, что Стахура больше занимался духовной практикой, чем литературой, но следовало бы это поправить, а скорее — уточнить: похоже, что он занимался литературой как духовной практикой, а духовной практикой — как литературой.

Если бы он не держался в жестких рамках малопригодного для этого языка (не в том дело, что польского, — тут любой язык малопригоден) и употребил эти два года необычного состояния на то, что мы легкомысленно называем «витанием в облаках», возможно, произошло бы полное преобразование его сознания, и жил бы он сегодня как святой (говоря языком нашей культуры), который никому не навязывается, или как человек, глубоко просвещенный, говоря языком культур Востока.

Занимаясь речевой духовной практикой, Стахура отдался на произвол неизбежной ограниченности языка, иначе говоря — он тащил за собой гирию всеобщего понимания.

Он просветил нас — тех, кто остался, — а сам погрузился во тьму неосознанного, переходного состояния, безумия.

Так это выглядит снаружи для нас, тех, кто остался.

Однако у меня есть внутреннее убеждение и даже доказательство того, что было иначе. Если бы не это доказательство — читатели сами оценят, достаточно ли

оно убедительно — мое убеждение оставалось бы лишь гипотезой. Последняя заметка в дневнике, написанная левой рукой, относится к 19 или 20 июля. Еще три-четыре дня до смерти. У меня сложилось внутреннее убеждение, что несмотря на «ограждающие» лекарства Стахура в это время вновь вошел в Измененное Состояние Сознания. На это не нужно ни дней, ни часов — это происходит, если происходит, в одно мгновение.

На другом краю разума он вновь повстречался с некими так или иначе воплощенными энергиями и, вероятнее всего, опять умолял их о смерти, или — как казалось ему по ту сторону сознания — об освобождении.

И как за несколько месяцев до этого нечто толкнуло его навстречу мчащемуся поезду — так и теперь, быть может, нечто затянуло петлю на его шее?

Исследуя явления, связанные с так называемой клинической смертью, я встречал одного мужчину, который несколько раз совершал самоубийство, а затем, покинув свое тело, попадал в характерный туннель и встречался со светом, который он определял точно так же, как Стахура — как сущность, невероятно могущественную и разумную, но называл ее по-христиански — Богом, и этот Бог вообще словно бы не замечал, какой способ действий делинквент использовал, дабы состоялась встреча, приближение к Богу. Так что, быть может, это все-таки не был Бог всех христиан, который, говорят, за самоубийство карает вечным проклятием.

А может быть и так, что изменился сам Бог или наше представление о Боге. Зофья Глоговская (1919 г.р.), монахиня из монастыря кармелиток, с 1944 г. пребывающая в затворничестве, будучи девочкой-подростком, познакомилась с Виткацием и влюбилась в

него, и эта «влюбленность» привела ее в монастырь — она хотела «спасти», «искупить грехи» Виткация. Иоанна Седлецкая (которая расспрашивала Зофью Глоговскую в связи с самоубийством Виткация и записала ее ответ на 291-й странице своей книги «Махатма Виткац») сообщает, что, по мнению этой сестры-кармелитки, самоубийство — тяжкий грех лишь тогда, когда его совершают «холодно». Если же человек пребывает в отчаянии, это смягчающее обстоятельство. Разве можно, к примеру, осуждать тех, кто в Освенциме бросался на проволоку?

Кшиштоф Карасек, которого Стахура упоминает в «Примириться с миром», через несколько часов после смерти Стахуры был на Рембовской и еще застал там врачебную бригаду — как и медики, он был поражен удивительным фактом. Декорации указывали на то, что произошло самоубийство, — однако мертвое тело Стахуры этому противоречило, на лице его разливалась блаженная улыбка, не было и следа какого-либо удушья и мучительной смерти. Не помогла ли Стахуре некая неведомая, могущественная и разумная сущность преодолеть врата смерти? И не была ли это — несмотря ни на что — Триумфальная Арка?

Стахура пишет в книге «Вот»: «...*познать себя, то есть вырваться за свой смертный предел, то есть вырваться за все смертные пределы, то есть поистине родиться в истинной жизни, то есть выйти из тела до смерти тела, то есть увидеть, что можно жить в теле и в то же время вне его, — вот в чем, если уж применить это слово, состоит искусство*».

Удалось ли Стахуре в конечном счете овладеть этим искусством?

Петр Вежбицкий

ФОРТЕПЬЯНО И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО

Об Артуре Рубинштейне

1945 год, Сан-Франциско, зал местного оперного театра. По случаю подписания Хартии ООН должен начаться сольный концерт прославленного польского пианиста Артура Рубинштейна. На сцене стоит длинный ряд разноцветных флагов государств, принимающих участие в конференции. Нет только одного — польского. Рубинштейн вышел на сцену, и его сразу охватил гнев: «Я не вижу здесь флага страны, за которую вели эту жестокую войну», — воскликнул он, обращаясь к публике, после чего сел за рояль и сыграл... польский национальный гимн!

Таков был Артур Рубинштейн — музыкант с живым умом, человек с феноменальными рефлексам, виртуоз в установлении контакта с публикой.

Его музыкальная карьера проходила в высшей степени нетипично: в ряды величайших живущих пианистов он попал почти под старость. Возраст его уже приближался к 50-ти, а ему по-прежнему продолжали говорить о «больших возможностях». У него были поклонники в Польше, он блистал в Южной

Америке, по нему сходила с ума Испания, но это все еще была карьера второй категории — в Париже, Лондоне, Нью-Йорке чтили других кумиров. И это отнюдь не был какой-то гнусный заговор. Молодой Рубинштейн, тридцатилетний Рубинштейн, сорокалетний Рубинштейн играл плохо! Интересно, эффектно, со страстью, но беспорядочно, бездумно. Он был ленив. Самым беспардонным образом ему просто не хотелось упражняться. Его поглощали радости гурманства и любовные победы. К отчаянию друзей, он растрчивал свой великий талант. А эти годы — 20-30-е XX века — были эпохой фортепьянных титанов. Иосиф Гофман, Сергей Рахманинов, Игнатий Фридман, Вальтер Гизекинг, Иосиф Левин — это были недостижимые, по сей день не превзойденные вершины музыкального гения в его законченном совершенстве. Со своей «юношеской», но недоработанной игрой, со своими всем известными чересчур быстрыми темпами и грохотом аккордов под непритязательную публику Рубинштейн в этой конкуренции не имел никаких шансов.

И вот случилось нечто необычайное. Пятидесятилетний Рубинштейн получил озарение. Начал упражняться! Усердно, систематически, как пристало ученику. И произошло чудо. Рубинштейн поставил с головы на ноги свою музыкальную эстетику и с самых основ перестроил свою игру. Дисциплинировал ее, сделал точной, обуздал. Замедлил темпы. Юношеский разгул уступил место аполлионической мощи. Мало того: отныне он — уже шестидесяти-, семидесяти-, восьмидесятилетним — шел вперед, играл все лучше и лучше. Так он стал великим Артуром Рубинштейном.

Чтобы этот жизненный сценарий мог осуществиться, необходимо было одно основное условие: надо было получить от судьбы долгую жизнь. Судьба была милостива к Рубинштейну — дала ему не только долгую жизнь, но и феноменальное состояние здоровья. Уже очень старым, за 80 лет, Рубинштейн не входил, а вбегал на концертную эстраду. У него была привычка в ходе одного симфонического вечера играть один за другим два, а то и три фортепьянных концерта. За инструментом — выпрямленный, с каменным лицом, никаких жестов, никаких гримас типа «я переживаю», «я взволнован» и т.п., лишь иногда на кульминационных финальных аккордах он на мгновение приподнимался с табурета, почти вставал.

Когда я побывал у Рубинштейна в его парижской квартире, шел 1977 год. Пианисту было тогда 91. Всего двумя годами раньше, в 1975-м, я был на его последнем польском концерте в родной Лодзи. Но теперь Рубинштейн уже не выступал. Как оказалось, нарушение зрения, которое заставило его сойти со

сцены, не превратило Рубинштейна в прогорклого старикашку. Он был в отличной форме и прекрасном настроении. Жестикулируя и подсакивая на стуле, он изложил мне, хоть я его об этом и не спрашивал, всю свою жизненную философию, которую можно резюмировать словами «я счастлив, я научился любить жизнь». Он рассказывал мне, что теперь, когда он уже не выступает, для него огромная радость — слушать и *познавать* музыку. Впервые в жизни у него появилось время на это. Он установил себе совершенную аппаратуру и целыми часами слушает неизвестные ему шедевры камерной музыки. Иногда признался он, обращается и к собственным записям. И всегда «душа уходит в пятки» — цитирую дословно. «И, — продолжал он, — что до Концерта ми-бемоль мажор Листа, то, должен вам сказать, сам был приятно удивлен, совсем неплохо, но Концерт Шумана — это нет, так нельзя» (я тогда уже знал эту запись и не спорил: Рубинштейн был прав).

Я спросил его о пианистах. Оказалось, он делит их на две категории: пианистов в узком смысле слова и музыкантов. Себя включает в число музыкантов, так же, как Рихтера, Липатти, Поллини. А Гилельс, по мнению Рубинштейна, — «пианист». Из давних мастеров он отдавал первенство Ферруччо Бузони. Среди живых выше всех ставил Рихтера: «Адажио в сонатах Бетховена у него, ясное дело, слишком медленны — но уж если что играет хорошо, то это захватывающе, великолепно». О Горовице говорил с большой горечью: «Он теперь (Рубинштейн имел в виду последние выступления своего соперника с его неизменным талисманом — «Грезой» Шумана) позорит нас, музыкантов». Среди дирижером на первое место он ставил незабвенного главного дирижера Кливлендского оркестра Джорджа Шелла.

Какова была жизнь Рубинштейна, такова была и его игра — динамичная, открытая, преисполненная мужской силы. В темных краях ему было не по себе. Си-минорная соната Шопена, непревзойденную запись которой оставил Сергей Рахманинов, была не тем, что нужно Рубинштейну. Но никто так, как он, не сумел соединить безудержную стихию с классическим холодом в «Аппассионате» Бетховена, никто с такой непогрешимой простотой не играл концертов Брамса, никто не был способен придать «Карнавалу» Шумана такую цельную и прозрачную форму, как он, когда в свой первый послевоенный приезд в Польшу играл его в Зале конгрессов в Варшаве.

Особую и, может, важнейшую главу в творчестве Рубинштейна составляет Шопен. Он трижды записал его целиком (за исключением полного собрания этюдов). Он знал, как играть Шопена, и чувствовал это безошибочно. Не всем великим пианистам дана эта привилегия. Артуро Бенедетти Микеланджело перед Шопеном беспомощен. Рихтер на своем первом варшавском концерте (1954) прекрасно играл Скерцо ми-мажор и Полонез-Фантазию, но этюды он играет не по-шопеновски, а по-листовски, чего делать не следует. Немцы обычно обходят Шопена стороной. А Оборин, Тамаркина, Зак, Софроницкий, Липатти, Горовиц чувствуют Шопена, хоть родились и не в Варшаве.

После гениального Иосифа Гофмана, который оставил всего горсть записей и стал недостижимым образом в понимании Шопена, Рубинштейн — величайший исполнитель Шопена, особенно его полонезов и мазурок. В этих записях поражает одна особая черта, которую не подделаешь, — их *польский* характер. По-иному этого не определить. Понять это можно, как раз когда слушаешь, как Рубинштейн играет Шопена — не сентиментально, не нервно, без претензий, с простотой, с устремленностью вперед, не перерождающейся в безмозглый галоп.

Рубинштейн провел свою жизнь в большом мире, но никогда не порвал связи с Польшей. Здесь у него остались близкие друзья. После 1956 г. он несколько раз побывал в Польше. Идиллия кончилась в 1967 году. После Шестидневной войны в газетах появилась фотография Рубинштейна, с театральным жестом признательности и благодарности склонившегося перед министром обороны Израиля Моше Даяном. Одержимые антисемитизмом власти ПНР решили наказать Рубинштейна. На протяжении нескольких лет нельзя было не только передавать по радио его записи, но и публично называть его имя. (Любопытно, что в то же самое время в Москве и Ленинграде самым спокойным образом пускали по радио его записи и продавали пластинки.)

Тереса Богуцкая

О ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА СПУСТЯ

После чтения исторических публикаций возникает ощущение, что поиски личной, индивидуальной ответственности за введение военного положения, поиски виновных вытесняют из нашей памяти правду о сути той системы. Тот, кто рассматривает генерала Ярузельского как главу военной хунты, которая внезапно напала на «Солидарность», замазывает весь контекст того времени: коммунизм, деспотическое правление тоталитарной партии, глубоко вросшее в повседневную жизнь общества, и «Солидарность», сосредоточившая в себе все, что в советский социализм уже не вмещалось; весь потенциал неизменного, упорного сопротивления и клочки свободы она превратила в огромное пространство, охватившее почти всю Польшу.

«Солидарность» была смертельной угрозой для системы вовсе не потому, что хотела с ней расправиться. Наоборот, этот профсоюз в сущности вписался в идеологию и довел ее до предельных логических выводов, то есть до абсурда. Он признал неизменными систему государственных союзов, экономический строй и верховенство СССР. Однако «Солидарность» представляла собой плоть от плоти рабочего класса, и ей принадлежали все прерогативы исторической правоты. Это было массовое движение, а массы, выросшие в ПНР, рассматривали коммунистическую идеологию как объяснение механизмов истории. Движущей силой истории была воля трудящихся масс, потому-то эта воля должна была определять историческую правоту и справедливость их требований. А «Солидарность», которая, несомненно, была выразителем этой воли, сочла, что имеет право предъявлять партии свои требования и кон-

тролировать их исполнение. Словом, исполнителем воли трудящихся масс должна была оставаться ПОРП, а воля эта касалась улучшения жизненных условий и возвращения гражданских свобод, как-никак провозглашенных коммунистической доктриной. Иначе говоря, массы требовали построения «социализма без извращений».

Власть была не в состоянии выполнить боль-

шинство экономических требований даже в принципе, так как экономическая система уже дошла до предела своих возможностей, — однако все не это было причиной ее нетерпимости к «Солидарности». Независимый профсоюз воспринимался как угроза безраздельной власти ПОРП, то есть как угроза Польше (как правило, в

таком порядке), потому что ликвидировал сам фундамент власти партии. В то время он опирался не столько на силу, применявшуюся выборочно, сколько на уверенность общества, что эта власть — единственно возможная, в каком-то смысле даже естественная, как по геополитическим, так и идеологическим соображениям.

Все было поставлено с ног на голову. Сточки зрения ПОРП, общество в принципе было незрелым: не понимало исторической необходимости, не знало, что ему полезно, а что вредно. Окажись оно предоставленным самому себе, оно немедленно свернуло бы с пути к социализму, поддалось бы чуждым подсказкам и соблазнам. И вот внезапно это общество вышло из состояния младенчества. Не то чтобы оно сразу обрело зрелость и ответственность — «Солидарность» вела себя как подросток: она вовсе не желала участвовать в управлении обществом, но хотела, чтобы ее голос принимали в расчет, чтобы «взрослые» с ним считались.

Но взрослела она быстро.

Для власти единственным выходом было бы поглощение «Солидарности» существующей системой, но профсоюз прекрасно сознавал эту опасность. А уж наверняка сознавали ее советники «Солидарности», выходцы из интеллигенции. Поэтому власть вела против них особенно остервенелую травлю, утверждая, что они экстремисты, тогда как они-то и были главной силой, которая сдерживала «горячие головы» и гасила пожары, в то время как рабочее крыло в движении, с которым партия заигрывала, становилось все более и более радикальным.

По правде говоря, «Солидарность» тоже отдавала себе отчет, что из этой ситуации выхода нет. Представляя собой трудящиеся массы, рабочих, она держала партию в идеологическом клинче, но после периода роста и расширения «зоны свободы» она могла лишь оставаться в ее пределах. Умеренные направления теряли значение, ибо выработанные и подписанные ими соглашения все равно не выполнялись, и, как это обычно бывает, усиливались радикальные настроения. Поддержку получали те, кто кричал громче других, в стране ширились забастовки.

Положение становилось безвыходным. Уже нельзя было рассчитывать, что власть начнет относиться к «Солидарности» как к партнеру. Для нее у власти оставалось только одно предложение: отказаться от независимости и «врасти в систему». Профсоюз же не мог на это согласиться, так как это шло бы вразрез со всем, в чем он убедил миллионы людей: что без свободы и в страхе жить уже больше нельзя. Он мог только стоять на своем — и проиграть. А поскольку проигрывать мы умеем, то по всей Польше люди начали играть роль беззащитных жертв, негнимо узников, бесстрашных и неуловимых подпольщиков.

Власть же выступила в роли победителя тоже по известным из истории образцам: побежденных врагов она представляла как изменников, предателей, продажных инородцев и соглашалась считать политическим противником только того, кто сломался, покаялся и подписал бумажку о «покаянности». Разумеется, в этом можно видеть доказательство и иллюстрацию той роли, которая предназна-

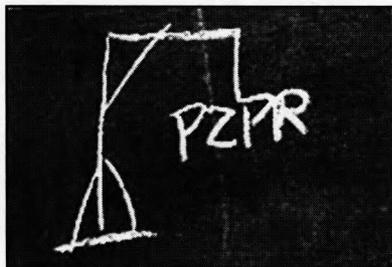
чалась «Солидарности», если бы та пошла на уступки. Но важнее здесь другое. Власть поступила так, как всегда поступали недемократические правительства, подавлявшие вспышки протеста: она обратилась к той части общества, которая желала покоя и порядка. Изнеможенным людям, для которых свобода отнюдь не была предметом первой необходимости, она предлагала простой выбор: с одной стороны — заботливая партия, а с другой — какие-то враги Польши, безответственно ставящие под угрозу ее исторические судьбы, подстрекатели с темными заграничными связями и одурманенные рабочие, которые быстро начинают понимать, что их просто-напросто использовали.

Вероятно, военное положение было неизбежно, но у него было и свое моральное измерение. И речь здесь идет не об оценке самого его введения, а о его последствиях для общества. Военное положение питалось худшими человеческими качествами. Оно достигало своих целей благодаря всему мелкому, подленькому, гадкому, что было

в людях. Оно награждало предательство, доносительство, покорность, лживость и всяческую подлость и карало за каждый порыв, выдающий в человеке порядочность.

«Солидарность» вывела людей из болота ПНР в сферу духовной независимости: в какой-то момент за ней пошло около 80% населения. После 13 декабря 1981 г., когда должен был вернуться прежний порядок, значительная часть общества, причем самая активная и динамичная, обратно в ПНР уже не вернулась. Она осталась в очерченном ею самой пространстве свободы и там говорила, спорила, писала, печатала, распространяла напечатанное, чувствовала себя свободной и на своем примере демонстрировала, что в Польше можно жить, не считаясь с требованиями партии. Тогда прежнюю ПНР покинул каждый четвертый или пятый ее житель.

Однако в Польше жили и те (большинство), для кого свобода самостоятельно решать свою судьбу оказалась слишком трудной и непосильной. Он сумели принять ее, когда в 1989 г. вновь пробудилась надежда, но эта надежда была для них

всего лишь дорогой к лучшей жизни. Для многих она этой дорогой так и не стала.

Общественная оценка введения военного положения на самом деле касается вовсе не истории. Согласимся, что это и не моральная оценка. Действительно, если оставить в стороне партийную номенклатуру, то кто может сказать, что введение военного положения было правильным? Тот, кто психологически по-прежнему остается жителем ПНР и воспринимает эту операцию как последнюю попытку спасти тогдашние времена. Это не просто тоска по скромному очарованию казарменного порядка, по государству, которое справедливо делило между своими гражданами продовольственные карточки.

Это скорее тоска по жизни, которая не вынуждала к соперничеству и не ставила человека каждый раз перед трудным выбором. Тоска по тем временам, когда ты не был кем-то похуже или прямо ненужным. Эти люди будут тосковать по ПНР, потому что им там было лучше, — вот и все. Не только луч-

ше материально или психологически, но и, если можно так выразиться, достойнее. Ибо иногда случается так, что их жизнь, в то время ничем особенным не выделявшаяся, сегодня приобретает некий зловещий смысл.

Пока будут жить люди, которым довелось родиться и жить в «Народной Польше», они будут защищать ее всякий раз, как услышат слова «коллаборационизм» и «предательство». Действительно, разве они были предателями, служа в армии, работая в милиции, веря газетам, голосуя за Фронт народного единства? В свободной Польше их не удалось убедить, что они были жертвами коммунизма. С гораздо большим рвением их убеждают, что они стали жертвами эпохи свободы, либерализма и бессмысленных экономических экспериментов.

А чем же закончится спор о военном положении? Разумеется, со временем все будет сглажено и приукрашено, хотя любопытно было бы узнать, как это все будет происходить. Когда-то историческое сознание формировали верхи

общества, преподнося свое толкование истории всем остальным. Теперь решать будут уже не они. Все это перемелется где-то в массовой культуре и приобретет окончательную форму в СМИ. Но можно уже сейчас догадаться, какой будет эта картина: в коллективном сознании, как в телевизионном сериале, правота всегда на стороне жертв. Уже сегодня они стали недостижимыми для критики: даже тогдашние адепты «силовых методов» уже не называют людей из «Солидарности» и подполья «экстремистами» или «поджигателями нашего общего дома». Более того, они признают, что «в долгосрочной перспективе» те были правы. Но наверняка люди

будут считать, что и генерал Ярузельский тоже был прав: ведь общество должно как-то справиться с «онтологическим диссонансом», которым стало участие польской армии в подавлении «Солидарности». И понятно, что диссонанс этот будет разрешен в пользу мундира.

Разумеется, можно посмотреть на все это без сарказма, какой вызывает созерцание того, как массовый потребитель поп-культуры играет роль определяющего фактора в становлении общественного мнения. Причины, по которым сегодняшний спорный вопрос постепенно сглаживается и теряет свою остроту, более глубоки. Сюда входит и нежелание заклеить ПНР как вассальное государство иностранной державы, и ощущение, что заострение разделяющих общество вопросов служит в основном политике, а не всеобщему благу.

И если действительно военное положение окажется запечатленным в массовом сознании как драма, в которой по-своему правы были обе стороны, то впервые в обиходной черно-белой картине нашей истории появится знак ее трагизма.

gazeta

Тереса Богуцкая — социолог и публицистка «Газеты выборчей»; автор, в частности, книги «Поляки после коммунизма» (1997).

Ян Стренковский

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

Каждый, кто обращается к последним годам существования ПНР, задумывается о феномене «Солидарности», о живительных импульсах, которые принес с собой выбор поляка на папский престол. Однако немногие столь же серьезно относятся к другому феномену 70-80-х гг. в Польше. Речь идет о независимом издательском движении, — неподцензурном и, следовательно, «нелегальном», — масштабы которого все еще нелегко оценить даже историкам и библиографам, занимающимся этой темой.

Предшественники

«Нелегальная литература именно по причине своей повседневности перестает быть чем-то священным, больше не пугает людей и не наводит их на мысль о преследованиях со стороны правительства, но подрывает в умах людей авторитет правительства и веру в его всемогущество», — писал Юзеф Пилсудский в брошюре под названием «Нелегальщина» (1903). Слова «отца польской независимости» были повторены в 70-е годы: одним из первых изданий, опубликованных независимыми издательствами, стала его брошюра, рассказывающая о борьбе с царизмом, ведущейся при помощи нелегальной литературы. Заглавие редактировавшегося Пилсудским печатного органа ППС [Польской социалистической партии] — «Роботник» («Рабочий») — использовали создатели одной из газет, которая во многом подготовила августовскую вспышку рабочего гнева на Балтийском побережье в 1980 году. Все это неслучайно. Неслучайно и основное издание Комитета защиты рабочих (КОР) — «Информационный бюллетень» — называлось так же, как и выходивший во время II Мировой войны орган подпольной Армии Крайовой.

Во время II Мировой войны в Польше издавалось более двух тысяч нелегальных газет и было опубликовано более полутора тысяч наименований книг и брошюр. В 1944-1953 гг., под властью коммунистов, вышло более 450 малоформатных газет, более 200 брошюр и книг и свыше тысячи листовок. Ликвидация вооруженного сопротивления в начале 50-х привела и к ликвидации независимой прессы и издательства. Не пробудили инициативы в этом отношении и события лета-осени 56-го и последовавшей за ними «оттепели», хотя следует отметить, что копии секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС уже через несколько дней после их «зачтения» высшим руководящим органам ПОРП можно было купить на варшавской «толкучке» — базаре Ружицкого.

Первые попытки

Попытки издания независимых публикаций, предпринимавшиеся в последующие годы, были sporadическими и быстро пресекались органами госбезопасности. Первым издателем, которого мы знаем, был Антоний Замбровский, сын одного из секретарей ЦК и будущий деятель оппозиции. Он организовал перепечатку методом самиздата (на пишущей машинке) специальных бюллетеней ПАП [Польского агентства печати], содержавших материалы, с которыми имели право знакомиться только члены высших органов партии и государства. Следующим независимым издателем был Ян Петр Ярош, который в 1967 г., в возрасте 14 лет, создал вместе со своими друзьями нелегальную организацию «Союз свободных поляков» и на небольших печатных машинах из набора «Юный печатник» печатал листовки против выборов в Сейм, а год спустя — против вторжения в Чехословакию.

Впрочем, 1968 год был выдающимся во многих отношениях. Мартовский студенческий бунт, прежде всего в стенах Варшавского университета, привел к появлению десятков листовок, нередко переписывавшихся вручную, или, как тогда говорили, «с помощью китайского ксерокса». Возникали стихийно листовки и как реакция на вторжение в Чехословакию.

Попытка, которая могла удалиться, была предпринята на рубеже 60-70-х гг. подпольной организацией «Рух» («Движение»), успевшей издать на украденных копировальных машинах шесть номеров газеты «Бюллетень» и несколько номеров «Информатора». Эта деятельность была прервана арестами. Следующий случай издания неподцензурных публикаций был отмечен в 1973 г., когда молодой писатель Януш Андерман издал на ксерокопировальном аппарате сборник отвергнутых цензурой стихов поэта Юлиана Корнхаузера, принадлежащего к поколению «новой волны»; вскоре в связи с цензурными ограничениями это поколение уже почти в полном составе стало публиковаться в независимых издательствах.

Лавина

В 1976-1989 гг., то есть в течение 14 лет существования подпольной прессы и независимых издательств, этот процесс шел непрерывно. На этот раз, в отличие от предыдущих лет, когда после ликвидации издания нужно было много лет ждать, пока появятся следующие наименования, перерыва не было.

Однако, когда в сентябре 1976 г. появилось еще одно неподцензурное издание с многозначительным названием «На пороге», перелом еще не наступил. Чтобы обрушилась лавина, требовалось еще что-то. Эту лавину начали два периодических издания Комитета защиты рабочих (КОР), тоже появившиеся под конец сентября 1976 года: «Коммюнике» и «Информационный бюллетень», — а также возникший в январе 1977 г. литературный журнал «Запись» («Запись»). В первом номере «Записи» были напечатаны тексты, отвергнутые цензурой, а редакторы и авторы осмелились явно обнародовать свои имена. Во всех этих публикациях, вначале перепечатывавшихся на машинке, а затем печатавшихся на стеклограффах, было то, чего не было у журнала «На пороге». Они не были анонимными, что не обрекало их на распространение в замкнутом кругу посвященных. За ними стоял возникший после рабочих протестов 1976 г. Комитет защиты рабочих — организация, занимавшаяся помощью репрессированным рабочим, члены которой с самого начала существования КОР печатали на страницах «Коммюнике» свои фамилии, адреса и номера телефонов. Подобная гласность позволяла расширять круг сотрудников, читателей и вообще людей, оказывающих помощь и поддержку независимой прессе. Неудивительно, что вскоре большинство подпольных публикаций начали сообщать фамилии и адреса своих редакторов, а многие авторы перестали скрываться под псевдонимами. Подобным образом обстояло дело и во время неполных полутора лет существования легальной «Солидарности», между сентябрем 1980 и 13 декабря 1981 г., когда независимые издания и публикации (главным образом профсоюзные) начали расти как грибы после дождя.

Подпольная типография
независимого издательства НОВА

Военное положение, одной из главных целей которого была ликвидация независимого издательского движения, диаметрально изменило ситуацию. Репрессии, с которыми сталкивались участники подпольного издательского движения, вынудили их уйти в самое настоящее подполье, а это, в свою очередь, потребовало анонимности. На этот в подполье раз ушли не только печатники, но и редакторы, и вся организационная сеть периодической печати и издательств. Авторы статей, публикуемых в подпольных малоформатных газетах, тоже редко подписывались своими подлинными именами. Однако авторы литературных текстов нередко продолжали публиковаться под своей фамилией.

Мир изменился

14 лет существования независимого издательского движения можно поделить на несколько этапов. Первый — это период 1976-1980 гг., когда формировались как организационные структуры оппозиции, так и структуры независимого издательского движения. Переломным здесь был 1977 год. Возникшее тогда «Движение защиты прав человека и гражданина» начало издавать свой журнал «Опиния» («Мнение»). Затем появился «Глос» («Голос»), общественно-политический ежемесячник одной из фракций КОР. Затем — продолжавший национальные традиции журнал молодежи «Братняк»; выходившая раз в две недели газета «Роботник», заботливо следившая за формированием в Польше ростков свободных профсоюзов; наконец, второй после «Записа» литературный журнал «Пульс», издававшийся молодыми писателями и, в отличие от «Записа», с самого начала публиковавший тексты, написанные специально для неподцензурного издания. В 1977 г. в Люблине был создан журнал молодых католиков «Спотканя» («Встречи»), возникли журналы для студенческой и крестьянской аудиторий. В 1977 г. было также создано первое неподцензурное издательство — Независимое книжное издательство (НОВА). В течение следующих лет появлялись новые журналы и издания, выходившие главным образом в Варшаве, но также и в других городах, таких, как Краков и Познань, и даже в деревнях, таких, как Зброшаджа, где местный Комитет крестьянской самообороны издавал целых два независимых журнала.

Переломным был и август 80-го. На Гданьской судовой верфи во время забастовки издавался периодический «Забастовочный информационный бюллетень Солидарность», который не только стал предтечей названия новых свободных профсоюзов, но и образцовым периодическим изданием для всего издательского движения периода существования легальной «Солидарности». После подписания августовских соглашений появилась масса изданий подобного характера. Один из создателей бюллетеня, Конрад Белинский, говорил:

«...чуть ли не первым шагом после создания на каждом предприятии свободного профсоюза было издание свободного бюллетеня (...) Мир изменился».

Иллюстрацией могут послужить цифры. По оценкам, в 1976-1980 гг. в независимой печати выходило около ста журналов, а 35 издательств опубликовали около трехсот книг и брошюр. К концу неполных полутора лет легальной деятельности свободных профсоюзов, получивших название «карнавала Солидарности», действовало уже около 160 издательств, которые без разрешения цензуры опубликовали более 2500 наименований. На тот же период приходится до 3200 наименований периодических изданий. Значительная их часть печаталась на типографском оборудовании предприятий, в условиях полуполигальности, но вне сферы действия цензуры. После запрещения «Солидарности» 13 декабря 1981 г. большинство из них прекратили свое существование: было уничтожено или конфисковано полиграфическое оборудование, арестованы печатники, редакторы и издатели. Однако ликвидировать независимое издательское дело не удалось. Уже в декабре, наряду с листовками, появились первые подпольные газеты: варшавские «Вядомости» («Ведомости»), продолжавшие традиции «Вядомости дня», публиковавшихся до 13 декабря, «Информация «Солидарности»», игравшая роль агентства печати, вроцлавская газета «Изо дня в день». В январе появились следующие, в том числе важнейшие газеты того периода, такие, как «Тыгодник военный», «КОС» (по сокращению Комитета общественной самозащиты, как с конца 70-х стал называться КОР, и одновременно «Кос» — «дрозд»: изображение дрозда было логотипом газеты. — Ред.), «Воля», а в феврале — крупнейшая газета подпольной «Солидарности» «Тыгодник Мазовше». Это были информационно-политические издания, и таких было больше всего, но вскоре появились и другие, как, например, литературный журнал «Везване» («Призыв») или посвященный изобразительным искусствам журнал «Шкице» («Эскизы»). Возникли также новые подпольные издательства, такие, как «CDN» («Продолжение следует» — от польского сокращения c.d.n.), «Пшедсвит» («Рассвет»), специализировавшийся в публикации художественной

литературы. Наконец, были организованы и подпольные музыкальные издательства, публиковавшие аудиокассеты, были начаты съемки и распространение подпольных фильмов, стало действовать независимое радио «S» («С<олидарность>»), а затем и подпольное телевидение. Издателями становились все. Подпольные газеты и издательства действовали даже в лагерях для интернированных деятелей «Солидарности». В одном из таких лагерей было свое подпольное радио.

Всякая всячина

Издавали все что угодно — как говорится, всякую всячину. Значительное место, особенно в первые годы существования подпольных издательств, занимала литература. В то время были опубликованы произведения польских эмигрантских писателей, ранее запрещенных и не издававшихся официальными издательствами, таких, как Витольд Гомбрович и Чеслав Милош, а также зарубежных — Джорджа Оруэлла, Артура Кестлера и др. Появились книги писателей, запрещенных в других странах советского блока: Милана Кундеры, Варлама Шаламова и прежде всего Александра Солженицына.

С Солженицыным, между прочим, связана любопытная история. Перед самым введением военного положения из советской воинской части под Легницей бежал солдат, которого много лет, в трудных условиях военного положения прятали члены подпольной «Солидарности» (см. интервью с ним в «Новой Польше», 2000, №4/8). В середине 80-х его удалось нелегально вывезти во Францию, где он дал несколько интервью и, в частности, рассказал о первой книге на польском языке, которую он прочел, когда скрывался в подполье. Это был... «Архипелаг ГУЛАГ».

Вторым крупным тематическим разделом была история или, скорее, заполнение «белых пятен» новейшей истории. Были опубликованы книги о таких событиях, как, к примеру, польско-советская война 1920 г., катынское преступление, пакт Риббентропа—Молотова, о которых официально либо нельзя было писать вообще, либо писали неправду.

Важное место занимала также экономическая, политическая и социальная публицистика, широко печаталась современная литература. В независимых издательствах увидели свет известные романы «Нереальность» Казимежа Брандыса и «Малый апокалипсис» Тадеуша Конвицкого. Именно здесь печатались новые стихотворения Збигнева Херберта. В подполье были даже свои бестселлеры, к которым относились исторические книги Нормана Дэвиса или такие книги, написанные специально для неподцензурных издательств, как «Konspira» — репортаж о руководителях подпольной «Солидарности» (перевод на русский язык под названием «Нелегалы» был издан в 1987 г. в лондонском издательстве ORI. — Пер.), «Они» Тересы Торанской — подборка интервью с ведущими польскими сталинистами, книга для детей «Миколка в школе ПНР» Марины Миклашевской или комикс ««Солидарность»: 500 первых дней».

Разнородность периодических изданий была еще больше. Здесь встречалось всё: от информационной прессы, политической, исторической, социальной публицистики до литературной периодики и журналов по искусству, науке, философии, экономике. Были сатирические журналы, были журналы для маленьких детей и школьников, для учителей и врачей, было множество журналов, посвященных странам социалистического лагеря, журналов церковных и антиклерикальных. Но больше всего — антикоммунистических.

Техника

Тем, что отличало польские подпольные издания от подобного типа изданий в других странах советского блока, даже в СССР, где они появились раньше всего, было использование техники — пусть самой примитивной, но все-таки техники. Поляки печатали «на всем», или, говоря словами одного из подпольных печатников, «на чем угодно и нередко кое-как». Но все же они печатали, что отличает польский феномен от советского самиздата. Нам тоже иногда случалось перепечатывать тексты на машинке, но это происходило либо в самом начале существования журнала или издательства, когда они еще не располагали оборудованием или умением его использовать, либо же в качестве вспомогательного занятия: энтузиасты перепечатывали на машинках опубликованные тексты, тем самым увеличивая тиражи подпольных публикаций.

Использование техники главным образом и привело к тому, что независимые издательства и журналы превращались иногда в мощные тайные предприятия, насчитывающие до нескольких сот работников, с технической и организационной базой, необходимой для их существования. В них работали бухгалтеры, снабженцы, печатники, организаторы распространения продукции и сами распространители, редакторы, авторы, переводчики (некоторые переводили только для подпольных издателей), художники, разрабатывавшие макеты обложек; требовались помещения под склады оборудования или подпольные типографии, тайники для хранения тиражей; в распоряжении подпольных издательств были водители и автомобили, иногда специально закупленные для независимых фирм, как и часть помещений, которые снимались — иногда фиктивно, а иногда владельцы действительно понятия не имели, что происходит в их квартире; требовались мастерские и специалисты по ремонту оборудования, по его изготовлению или по изготовлению некоторых материалов, необходимых для печати, например химика, изготовлявшие светочувствительную эмульсию для растровой печати. Во время военного положения, когда многим деятелям оппозиции грозило интернирование или тюрьма, были также нужны помещения, где они могли бы скрываться, а значит, организаторы и целая сеть людей, ищущих такие помещения. Требовались люди для переброски оборудования и эмигрантских изданий из-за границы, а также для переброски материалов и нелегальных изданий за границу, требовались представители-координаторы, занимающиеся зарубежной помощью и действующие за рубежом, требовались и те, кто в Польше координировал деятельность подобных центров от имени издательств или редакций.

Стоит на минутку остановиться на терминологических различиях. Якуб Карпинский, недавно скончавшийся автор многих исторических и социологических работ на тему ПНР и оппозиции, объяснял тот факт, что в Польше не прижился обычный в иных местах термин «диссиденты», всеобщностью польского сопротивления. По его мнению, в СССР люди считали, что диссиденты — это меньшинство, «проповедующее убеждения, для большинства населения неочевидные и даже несколько странные». Зато у нас «скорее коммунисты заслуживали того, чтобы их называли диссидентами». Если даже Карпинский слегка и преувеличил, то к самиздату его замечание можно отнести вполне. Речь идет о поистине массовой распространенности в Польше нелегальной литературы, причем эта массовость стала возможной благодаря использованию иногда даже весьма передовой техники, а также благодаря широкой распространенности оппозиционной деятельности, которая и создавала обширный рынок читателей «нелегалщины», как называли независимые издания в соответствии с заглавием написан-

«Главное управление по контролю прессы, публикаций и зрелищ», то есть государственная цензура, было создано в Польше уже в 1946 году. Цензуре подвергалось практически все, от приглашений на свадьбу, официальных формуляров и вплоть до литературных произведений, телевизионных и радиопередач, фильмов, эстрадных выступлений и т.д. Именно цензура решала, кто будет публиковаться. Многие писатели не только не имели возможности печатать свои сочинения — нельзя было даже упоминать их фамилий в печати. Кроме того, государство ограничивало доступ к эмигрантским изданиям, каждый раз требуя получения специального разрешения («дебита») на их распространение в Польше. Поэтому публикации, издаваемые без прохождения цензуры, называли также изданиями «без дебита», то есть не имеющими разрешения на распространение. Эти издания называли также независимыми, неподцензурными, подпольными, «нелегальной литературой», но чаще всего «параллельными» («основными» были те, что подчинялись цензуре).

Технически печать осуществлялась самыми различными методами. Самой интересной (в смысле примененного устройства) была листовка, изготовленная в 1968 г. после вторжения в Чехословакию Богуславой Блайфер, впоследствии сотрудницей КОРа. В качестве множительного аппарата она впервые использовала... резиновые вальцы для отжима белья распространенной стиральной машины с дисковым активатором «Франя». Это было эпохальное изобретение, и почтенная стиральная машина еще не раз послужила печати нелегальных изданий. Самыми популярными способами печати были растровый и шелковый трафареты, а также печать на стеклографах и офсетных машинах. Типографские краски, достать которые было трудно, изготовлялись из самых различных ингредиентов по рецептам многочисленных подпольных изобретателей. Большой популярностью в качестве составного элемента краски для растровой трафаретной печати пользовалась стиральная паста «Комфорт», так что подпольного печатника можно было легко распознать по изысканному аромату. Гораздо более трудной была судьба печатников, пользующихся спиртовым множительным аппаратом: они распространяли вокруг себя такой запах денатурата, что его не постыдилась бы сама Венчикка Ерофеева

ной в 1903 г. брошюры Юзефа Пилсудского*. Перепечатка на машинке, как это было в самиздате, не позволяла достичь этой массовости. А изобретательность и предприимчивость организаторов нелегальной печати не ограничивалась совершенствованием оборудования и техники. Одним из все более широко применявшихся методов было нелегальное печатание подпольных материалов в государственных типографиях — «по благу». В результате подобные публикации по качеству и внешнему виду не отличались от издававшихся официально. Насколько мне известно, единственным изданием, напечатанным нелегально в государственной типографии за пределами Польши, был «Архипелаг ГУЛАГ»**, а сделал это будущий президент Грузии Звиад Гамсахурдиа.

Борьба с «нелегальщиной»

Социолог Станислав Секерский написал, что появление в Польше неподцензурного издательского движения было связано, в частности, с ослаблением интенсивности репрессий. Это происходило во времена правления Герека и его команды, но они оказались вынуждены более или менее терпимо относиться к оппозиции (а тем самым и к независимым издательствам) благодаря экономической политике Запада и его настоятельным требованиям соблюдать права человека. Таким образом, 70-е годы стали своеобразной игрой кота с мышью: репрессии по отношению к подпольным активистам в основном ограничивались систематическими обысками, задержанием на 48 часов, а также конфискацией оборудования и печатных материалов. Еще более мягко относились к подпольным издателям в эпоху легальной «Солидарности». Лишь после введения военного положения каждый, кто начинал издание нелегальной периодики или книг, должен был считаться с риском настоящих репрессий. Обычным делом стали интернирование, многолетние сроки заключения, административный суд и высокие штрафы.

Однако использовались и более тонкие методы, направленные на дискредитацию деятелей оппозиции или организаций, с которыми были связаны подпольные газеты и журналы. Основным таким способом, применявшимся почти сразу после возникновения подпольной прессы, были фальшивки. Первая из них появилась всего лишь через месяц после возникновения неподцензурной прессы. Гэбэшный вариант 3-го выпуска «Коммюнике» КОР, датированный 25 октября 1976 г., был искажен так, чтобы в кривом зеркале представить деятельность этой организации, вставшей на защиту рабочих. Издание и распространение фальшивок достигло своего апогея в 80-е. Особенно часто подделывались выпуски органа общепольского руководства нелегальной «Солидарности» — «Тыгодника Мазовше». Любопытным фактом было создание госбезопасностью собственного журнала — так сказать, «с нуля». Это был ежемесячник «Без диктата», во главе которого стоял Элигиуш Нашковский, член руководящих органов «Солидарности» и в то же время (как он впоследствии сам признался) офицер ГБ,

внедренный в структуры профсоюза. Однако общий тон статей быстро возбудил в читателях подозрение, что за этим изданием стоит кто-то не тот.

* Собственно говоря, по-польски это слово выразительнее: «bibuła» — это тонкая, «папиросная» бумага. Но по-русски иного термина нет (кроме некоторых узко бытовавших, например ленинградского «вата»). — *Пер.*

** Польский перевод Ежи Помяновского был впервые опубликован в Париже издательством «Институт литературный» Ежи Гедройца.

Еще одна особенность фальшивок приводила к тому, что они не приносили ожидаемых результатов. Благодаря бездарности органов их издания были напечатаны... слишком качественно. Для тех, кто был знаком с трудностями, которые испытывало подполье с оборудованием, бумагой, качеством печати, это было сигналом, что к такому изданию следует присмотреться повнимательней.

Разумеется, органы использовали и более хитроумные методы — от нанесения на бумагу невидимых знаков вплоть до установки подслушивающих устройств в оборудование, доставляемое издателям. Особенно болезненной оказалась конфискация автомобилей, перевозивших нелегальную литературу и считавшихся «орудием преступления». Случались и избиения, и даже убийства, организованные так, чтобы было ясно, кто за этим стоит, хотя сами убийцы исчезали без следа.

Конспираторы

Ян Вальц, редактор подпольного «Информационного бюллетеня» и типограф в издательстве НОВА, незадолго до августа 80-го опубликовал репортаж о работе в подпольной типографии:

«Звонит мне Зенек и говорит, что хотел бы со мной увидеться в понедельник в 11 часов. Тот, кто подумал, что у меня до встречи еще три дня, глубоко заблуждается. И только этого-то нам и надо. О встрече в понедельник в 11 часов узнал сержант из службы подслушивания. Узнал ли он также, с кем именно я должен встретиться, — неизвестно. Я узнал Зенека по голосу. В отличие от сержанта я знаю, что из любой цифры или даты нужно всегда вычитать двойку, так что мы на самом деле договорились встретиться в субботу в 9 часов в кафе «Ива» — место всегда одно и то же. Я должен собрать сумку с необходимым для независимого печатника оборудованием (...) и на ближайшую неделю выключиться из обычной жизни. Очень важно не отменять по телефону никаких других встреч, еще лучше напомнить сержанту, что я с кем-то договорился встретиться в понедельник в 11 часов. Сообщить это сержанту проще простого: достаточно позвонить кому-нибудь из друзей — Куроню, Михнику или Ромашевским — и сказать, что (...) я, мол, попробую заглянуть в понедельник...»

В первые годы в деятельности независимых издателей было мало подлинно конспиративной работы. Только военное положение путем усиления репрессий и введения постоянного контроля почти за всеми сферами общественной жизни вынудило нас обратиться к методам, уже испробованным нашими предшественниками. Появились подпольные клички, цветочные горшки на подоконниках, означавшие «явка провалена», самые разнообразные пароли и опознавательные знаки. Но, как и в каждой области, здесь тоже процветала безалаберность, случались и ошибки, вполне достойные водевиля. Однажды в одном вполне солидном научном учреждении я был свидетелем телефонного разговора, который одна дама-профессор вела с другой дамой-профессором в присутствии нескольких изумленных свидетелей. «Но у пёсика обязательно, понимаете, обязательно должен быть отрезан хвостик!» — настойчиво добивалась специалистка по литературоведению. Речь шла об обеспечении безопасности во время конспиративной встречи с

Среди неподцензурных публикаций значительное место занимали произведения русских и советских писателей и поэтов. Переводчиками этой литературы были, в частности, Анджей Дравич, Виктор Ворошильский, Ирена Левандовская, Лариса Мицнер. Одним из первых бестселлеров неподцензурной печати была впервые изданная в 1979 г. поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Весьма популярным писателем был Александр Солженицын, чей «Архипелаг ГУЛАГ» выдержал исключительное количество изданий. Другие книги этого автора приобрели не меньшую популярность; были изданы, в частности, «Один день Ивана Денисовича» и «В круге первом». Бестселлером подпольных издателей была повесть «Верный Руслан» Георгия Владимова, а также поэзия Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского.

Большим успехом пользовались исторические и политические книги о России: в списке самых популярных названий мы находим «Утопию у власти» Михаила Геллера и Александра Некрича и «Загадку смерти Сталина» Абдурахмана Авторханова. Тематикой русской литературы и истории было посвящено множество эссе и очерков польских авторов, в частности «Спор о России» Анджея Дравича. В качестве курьеза можно упомянуть изданную в 1978 г. издательством НОВА сатирическую оперу Януша Шпотакего «Царница и зеркало», главным героем которой был Л.И.Брежнев.

Крупнейшим подпольным издательством в Польше было Независимое книжное издательство НОВА, опубликовавшее до 1989 г. в общей сложности около 300 наименований книг. Другим, например «CDN», «Кронгу» («Круг»), «Пшедевиту», «Официне литерацкой» («Литературное издательство»), хотя их век был не так долгод, тоже есть чем гордиться: на каждое из них приходится более ста наименований опубликованных книг. Тиражи подпольных книг составляли обычно не более двух тысяч экземпляров, тиражи газет и журналов варьировались от нескольких сот до нескольких десятков тысяч экземпляров.

По самым скромным оценкам, за весь период 1976-1989 гг. было издано не менее 7 тыс. наименований книг и брошюр и около 6 тыс. наименований периодических изданий, хотя, по всей вероятности, их было значительно больше.

Кроме подпольных периодических изданий и книг, издавались также самые различные типографские изделия, которые обычно назывались «галантерией». К ним относились листовки, плакаты, марки подпольной почты, поздравительные открытки, календари, наклейки, надписи на майках, свидетельства взносов на благотворительные цели, банкноты и даже этикетки для спичечных коробков или бутылок со спиртными напитками.

Совершенно иначе все выглядело после августа 80-го. Затем ситуация повторилась после 13 декабря 81-го. Это было время, когда все шли в настоящее ополчение, а редакторский (а чаще всего и типографский) жезл носил в своем ранце каждый, если он умел писать, читать и действительно хотел этим заниматься.

Известно, что не боги горшки обжигают... Во времена ПНР мы привыкли потешаться над коммунистическим порядком, при котором, в соответствии с заветами Ленина, каждая кухарка могла управлять государством. Что ж, с управлением государством получилось не очень... Но в какой-то степени высказывание Ленина подтвердилось в польском неподцензурном издательском движении, где кухарка, уборщица, санитарка, рабочий, крестьянин, школьник, студент, юрист, врач, художник, сталевар, рыбак или моряк в одночасье становились редактором, печатником, распространителем, руководителем издательства или главным редактором подпольного журнала.

известным публицистом Стефаном Братковским. А требование, чтобы «у пёсика был отрезан хвостик», означало, что пан публицист должен прийти без обычно сопровождающего его «хвоста» «искусствоведов в штатском».

Еще один способ, который теоретически должен был охранять от репрессий авторов, нашедших в себе смелость печататься под собственным именем, напоминал народные «заговоры-обереги». Речь идет о традиции сопровождать многие тексты, публикуемые с указанием имени автора, примечанием «опубликовано без ведома и согласия автора». Я не слышал, чтобы эта оговорка действительно спасла кого-то от репрессий, но мы упорно придерживались этого принципа. Это приводило к забавным ситуациям. Известный английский историк Норман Дэвис рассказал мне, как к нему обратились с просьбой дать одному из подпольных издательств согласие на публикацию перевода одной из его книг — «без ведома и согласия автора». Аналитическому британскому уму потребовалось некоторое время, чтобы осознать всю парадоксальность этой формулы и в конце концов дать согласие опубликовать книгу без своего ведома и согласия.

Не боги горшки обжигают...

Щепан Рудка, автор монографии о неподцензурной прессе во Вроцлаве, написал, что редактором подпольного журнала человек становился случайно. Надо сказать, что он прав, хотя в подполье уже с 70-х годов действовали и профессионалы. Мотивы, которыми руководствовались те, кто начинал редактировать, печатать или распространять независимые издания, были весьма разнообразны. От патриотических или политических (приложить кому-нибудь) вплоть до... любви к книгам.

Подготовлено при участии Малгожаты Зарембы

Антоний Кучинский

КНЯЗЬ ПАВЕЛ САПЕГА И ЕГО ЗАПИСКИ О ПУТЕШЕСТВИИ ПО СИБИРИ

Род Сапег хорошо известен в польской историографии, разные его представители многократно отличались в истории Польши. Однако этот очерк не затрагивает не раз подробно описанной роли Сапег в истории Речи Посполитой.

Сапег не испытывали недостатка ни в высших государственных и общественных должностях и званиях, ни в богатстве и роскоши. Не сторонились они и путешествий по Европе и всему миру и подчас описывали свои странствования. Можно сказать, что конец XIX века в Европе был отмечен умножением различных экспедиций на разные континенты, как научных, так и чисто туристических. Путешествия, деловые поездки, туризм становятся важным фактором описания мира, поэтому и в польской литературе можно найти немало интересных рассказов о «краях далеких, где люди иначе говорят и одеваются». К таким рассказам принадлежит и книга о путешествии князя Павла Сапег в 1888-1889 гг., которое завело его далеко на восток. Его маршрут пролегал через Цейлон, Сингапур, Китай, Корею и Сибирь. Книга П. Сапег «Путешествие на Восток Азии. 1888-1889» была издана во Львове в 1899 году. В ней содержится много сведений об условиях путешествия, привлекают внимание географические и культурологические описания, поражает красочность сообщений и любовь автора к подробностям. Не вызывает сомнения, что это путешествие, порожденное любопытством автора к Востоку, дало ему возможность обогатить свои знания о странах, лежавших на его пути.

Фрагмент книги, посвященный Сибири, начинается с описания того, как 13 августа 1889 г. автор встретился в Урге с Николаем Ядринцевым, возвращавшимся из научной экспедиции в Каракорум. С симпатией пишет Сапега об этом человеке, обращая внимание на его всесторонние знания о Сибири и подчеркивая, что тот написал интересную книгу «Сибирь как колония» (СПб, 1882). Автор записок вспоминает и о том, что вместе с Ядринцевым он намечал совместный план нового похода «в старый Каракорум». План, который так и не был осуществлен.

В пределы сибирской части России польский путешественник въехал 14 августа 1889 года. Он остановился в Кяхте, городе, уже в ту пору «приходившем в сильный упадок». Там Сапега встретил поляка по фамилии Глембоцкий, содержателя постоялого двора, где он и «стал на квартиру». Затем он отправился далее через Удинск (имеется в виду Верхнеудинск) в Иркутск, куда прибыл 22 августа и находился там до 14 сентября. Затем проехал Красноярск, Томск, Тюмень и 3 ноября 1889 г. прибыл в Уфу, уже в европейской части России. Всего на территории Сибири Сапега пребывал около трех месяцев, причем дольше всего задержался в Иркутске.

Его сообщения о Сибири тематически разнообразны. Он пишет о встреченных там поляках, рассказывает об их занятиях, материальном и общественном положении. По дороге в Иркутск делится впечатлениями о Байкале, который, как и Ангара, привел его в не-

описуемый восторг своей величавостью. Описывая Иркутск, он упоминает, что еще в то время там были видны следы пожара, который истребил город в 1879 году. В Иркутске Сапега поселился в небольшой гостинице, которую содержал поляк Горыцкий, ссыльный повстанец 1863 года. Упоминает он и о других поляках, живших тогда в Иркутске, пишет о мессе в костеле и о визите, который он нанес местному настоятелю католического прихода, о посещении музея в Иркутске, коллекции которого восхитили его. Находясь в Иркутске, Сапега совершил также несколько коротких экскурсий по окрестностям. Он побывал в Култуке, Александровске, Тунке, где были польские священники. «От Куптука до Марийской (видимо, путешественник подразумевал станцию Мурино. — А.К.) едут Кругобайкальской дорогой, — писал П. Сапега, — чудесные красоты, глушь действительно страшная, тайга во всем значении этого слова. Кедровники, лиственницы, черные тополя при устье Утюлика на Байкале (имеется в виду речка Утулик, впадающая в Байкал со стороны его юго-западной оконечности. — А.К.), глыбы, горы, овраги, расщелины; а у подножия всего этого озеро Байкал, в данном месте прелестное».

В книге имеются также некоторые сведения о культуре и верованиях бурят, которых автор встретил в окрестностях Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), замечания о добыче золота. Сапега подчеркивает зажиточность

сибирской деревни и высокую нравственность сибирских крестьян. Интересны и его описания других сибирских городов, через которые он проезжал, — Красноярска, Томска, Тюмени. Проезжая через Сибирь, Сапега видел ее красоты и невзгоды, наблюдал ее отсталость и прогресс, подчеркивал необходимость ее развития. Можно сделать вывод, что содержание его книги дает дополнительный материал к воссозданию образа Сибири конца XIX в., в том числе и польских проблем, занимающих свое место в истории этого обширного края. Описания сибирских городов у Сапеги могут стать прекрасным источником для историков градостроения, занимающихся пространственной структурой сибирских городов в XIX веке. До настоящего времени сибирские фрагменты книги Павла Сапеги не нашли своего заслуженного места в сибирской историографии, а на них стоит обратить внимание.

Агнешка Майле

ПЕВУЧИЙ АКЦЕНТ

Найти в Варшаве студента из России нелегко. В Польшу приезжают учиться главным образом украинцы, белорусы, литовцы. Но есть и россияне.

На учебу

Олег Хватов родился в 1978 г. в Санкт-Петербурге, который тогда еще был Ленинградом. В Варшаву он приехал в 1991 году. Окончил русскую школу при посольстве. От русских школ в России она отличалась лишь тем, что в ней учились в основном иностранцы — из Сербии, Хорватии, Болгарии, Кореи и Монголии. Аттестат получил российский. Теперь ему 25 лет, он аспирант кафедры теории литературы на факультете полонистики Варшавского университета, ведет занятия по поэтике на отделении украинского языка и литературы и знает польскую литературу лучше, чем средний польский студент.

Ольга А. родилась в 1981 г., москвичка. В Польшу приехала с родителями. Отец, инженер, был направлен в зарубежную командировку в 1988 году. Через три года сумел создать свою фирму, дела пошли успешно, и они остались. Ольга с братом Димой окончили российскую школу, он поступил на отделение менеджмента Варшавского университета, она — на отделение международных отношений Высшего торгового училища.

Дина Костяновская родилась в 1975 г. в Челябинске на Южном Урале. Там училась в школе. С польским языком соприкоснулась в Западной Белоруссии: там были польские священники, и польский язык ей был нужен, чтобы с ними общаться, чтобы читать польские книги. Дина приняла крещение. Теперь она пишет и, наверное, даже думает по-польски. Правда, если надо написать письмо родным, то пишет по-русски. В Польше она уже 12 лет, хотя с перерывами. Католическая Церковь в России связана либо с Польшей, либо с Германией. К немецкому языку у нее душа не лежит.

Наташа Мизернюк (родилась в 1972 г.) — москвичка. В Москве окончила отделение искусствования. В Польшу попала через Тульчин. Отец — украинец, уроженец Тульчина. В этом городе есть особняк Потоцких. Наташа заинтересовалась особняком, а когда оказалось, что вся литература, которую можно было найти по этой теме, написана по-польски, она начала постепенно, со словарем, изучать польский. Потом Наташа написала магистерскую работу о тульчинском особняке, окончила курсы польского языка в Польском культурном центре в Москве, а затем — последипломные курсы в Варшаве.

Андрей Москвин родился в Несвиже, окончил славянское отделение по специальности «польский язык и литература» в Москве. Но, как он сам рассказывает, странной была эта учеба: лишь его группа, единственная, не могла проходить практику в стране, язык и культуру которой они изучали: «Все выезжали, болгарская группа, словацкая, чешская, а в Польше — «Солидарность», нам было нельзя. Мы изучали страну, которая для нас как бы не существовала». Десять лет назад Андрей Москвин приехал в Польшу в аспирантуру Варшавского университета и остался тут. Сейчас он адъюнкт (научный сотрудник) кафедры межкультурных связей стран Центральной и Восточной Европы при факультете восточнославянской филологии и прикладной лингвистики.

Стереотипы

В жилах Ольги течет русская, армянская, грузинская кровь, польской — ни капли. Когда Ольга приехала в Польшу, ей было шесть лет. До приезда она Польшу себе никак не представляла. Теперь у Ольги сохранилось лишь немного воспоминаний о том, как их семья проводила каникулы в Крыму. После приезда в Польшу они больше там не бывали.

Отец Олега получил работу преподавателя в Российском центре науки и культуры, стал директором Российского культурного центра им. А.С.Пушкина. В Польшу он взял с собой жену и двоих детей. Никаких корней у них тут не было, дети (12-летний Олег и 7-летняя Варвара) вообще о Польше мало знали.

Дина до приезда в Люблин Польшей не интересовалась. «Не удивлюсь, если окажется, что в «глубинке», откуда я родом, не смогут точно сказать, где эта Польша находится», — говорит она. Впервые Дина приехала в Польшу в 1991 г. на День молодежи в Ченстохову. Поездку на встречу с Папой помог организовать монах-францисканец отец Кшиштоф Кукулка. «С трудом удалось организовать группу в Челябинске, ведь тем, кто желал поехать в Польшу на встречу с Папой, было в среднем по 35 лет», — рассказывает Дина.

Дина окончила отделение стран Восточной Европы Варшавского университета и работает над диссертацией в Институте общественных наук и социологии Польской Академии наук.

Наташа прежде уже несколько раз бывала в Польше, так что учеба в новом вузе не создала ей трудностей. До приезда в Польшу она знала страну по литературе. Поляки представлялись ей людьми с высоким чувством собственного достоинства, мужчины — джентльменами, целующими руку женщинам. «Теперь всё немного иначе: руку женщинам целуют мужчины, которым за шестьдесят, — шутит Наташа. — Я увидела, что польское католичество более поверхностно, чем я себе представляла. По воскресеньям люди отправляются в костел, а потом идут пить пиво».

Андрей Москвин начал познавать Польшу с нуля: «Я приехал в страну, в которой все для меня было ново. Мне был знаком образ поляка, созданный литературой XIX и XX веков, но я не знал, что такое современная Польша; все, что писали об организации КОР, было для меня непонятно». Приехав в Польшу, Андрей стал искать друзей среди поляков. Отгородился от всего русского, ибо считал, что только так можно сохранить объективность в восприятии Польши и поляков. Подобные объективность и понимание учат также невосприимчивости к отрицательным чертам в польском характере, а иногда и позволяют оправдать какие-то аспекты поведения. «Надо самому учиться выносливости, ведь ни на чью помощь нельзя рассчитывать», — добавляет он.

В Россию

Ольга ездит в Россию довольно часто, раза три в год, последний раз приезжала на Новый год. В Москве можно прекрасно повеселиться — с точки зрения развлечений Варшава по сравнению с российской столицей кажется скучной и провинциальной. Но долго выдерживать московскую суматоху Ольга не в состоянии: «Здесь спокойнее, цивилизованнее. Приехав в Москву, я через две недели чувствую усталость».

Олег в Россию ездит редко. Раньше, когда он параллельно изучал историю в Санкт-Петербурге, ездил чаще и оставался дольше. Но тот, кто почти полжизни проводит в другой стране, не может сминить кожу. «Я — русский, не поляк, но Польша, поляки и Варшава мне не чужие», — он превосходно говорит по-польски с некоторой певучестью.

Андрей Москвин старается приезжать в Россию три-четыре раза в год. Но его поездки — по России ли, по Польше ли — редко носят туристический характер. Научные конференции, театральные мероприятия, фестивали... Андрей ведет фестиваль «Контакт» в Торунь и потом пишет об этом для российских изданий: «Я не умею путешествовать без цели».

Наташа в Польше познакомилась с молодым человеком. Они вместе отправляются в велосипедные поездки, живут в палатках, ходят под парусами. В самостоятельных поездках Наташа знакомится с памятниками архитектуры. Но у искусствоведов в обычае приходиться в восторг не только от чего-то одного — искусство для Наташи не имеет границ: «Самый красивый из известных мне городов — это Вильнюс. Львов украинцами испорчен, он никогда не должен был быть украинским, это историческая ошибка. Вильнюс — город прекрасный, космополитический, ни польский, ни литовский».

Дина ездит в Россию раз в год. Ей до дома дальше, чем Олегу, Ольге и Наташе. Сначала сутки до Москвы, потом еще тридцать с лишним часов до Челябинска. Живя в России, Дина думала об учебе на медицинском факультете. Окончила богословие в Люблинском католическом университете. Она в семье единственная католичка, остальные — православные. Брат окончил православное богословие. Дина, получив богословское образование, поехала преподавать Закон Божий детям в католическом приходе в Челябинске. Потом вернулась в Польшу. Это ее личные поиски.

Виза

Виза, или вид на жительство позволяет Олегу жить в Варшаве, но превратилась в кошмар для Ольги. Олег как аспирант университета получает вид на жительство без затруднений. У Ольги в сентябре истек срок действия студенческого билета и начались проблемы. Ольга не любит польских чиновников, потому что они создают трудности при выдаче вида на жительство. Законы меняются, а иностранцам ставят каждое лыко в строку. Теперь Ольга ожидает получения постоянного вида на жительство, но подозревает, что ей его не получить. «Время учебы в вузе не засчитывается как время пребывания в Польше, так что у меня 9 лет и 6 месяцев, ведь в 1988 г., когда мы приехали, гражданам СССР визы не требовались (в Польше надо прожить 10 лет. — Прим. автора). Чиновница спрашивает, есть ли у меня средства на существование. Я говорю, что живу с родителями. Она спрашивает, есть ли у меня деньги. Я принесла, показала. Она мне отказывает в связи с тем, что у меня нет средств на существование. Естественно, я обжаловала это решение и вот уже полтора года ожидаю ответа. Такой вот закон принят, что ждать можно очень долго». Она связывает свои визовые проблемы с проблемами своего отца. В 1998 г. был большой скандал. Польские власти хотели выслать из страны российских дипломатов и бизнесменов по обвинению в шпионаже. Часть из них уехала, отец Ольги уже пятый год судится. Направил дело в Страсбург. Ждут.

Польское гостеприимство

«Я живу в Польше одиннадцатый год, и еще ни разу не случилось, чтобы меня хоть кто-нибудь обидел и оскорбил за то, что я русский. Надо отметить: поляки очень толерантный народ», — говорит Олег.

«В Польше много людей, которые не любят русских. Я не знаю, сколько, но они есть. Несколько раз меня оскорбляли на улице. Распространен такой стереотип: если русская — значит, проститутка, если русский — значит, мафиози. Один раз меня ударили в автобусе только за то, что я говорила по-русски», — рассказывает Ольга. Но тут же добавляет, что мужчина, ударивший ее, был пьян, а двое других тут же встали на ее защиту.

«Иностранцы в Польше сталкиваются, пожалуй, больше всего с такими вот повседневными проблемами, ну хотя бы с соседями. Разумеется, все зависит от того, каков уровень людей и в какой плоскости проблемы. Меня как-то назвали «русской свиньей»», — говорит Москвин.

«За два года учебы в Польше я познакомилась со многими поляками, у меня здесь есть знакомые и друзья. Но мне кажется, что к немцам и чехам у поляков отношение несколько иное, чем к русским», — говорит Наташа. В 1996 г., когда Наташа впервые была в Польше, она поехала на поезде в Пулавы. Купила билет в кассе, села в вагон первого класса, удивляясь, почему люди так теснятся в другом вагоне. Кондуктор, когда она объяснила свою ошибку, велел доплатить. Он не разрешил ей пересест в другой вагон, хотя она объясняла, что всего третий день в Польше. «Когда-то вы нами командовали, теперь мы вами немножко покомандуем, сказал он, — рассказывает Наташа. — Но это было один раз, обычно, когда я разговариваю с людьми и они слышат мою речь с певучим акцентом, это вызывает весьма положительные эмоции».

Ольга считает, что россиянину в Польше вдвойне трудно. Чтобы получить работу, ему надо иметь вид на жительство, а чтобы иметь вид на жительство, надо иметь работу (тогда работодатель улаживает формальности). Круг замыкается.

Дина пару раз встречалась с примитивной реакцией в ответ на то, что она русская, но считает, что реакция прямо пропорционально зависит от уровня образования: «Иногда я слышу, что всех: украинцев, белорусов — зовут русскими. Но я встретила с большой доброжелательностью». А кроме того, она говорит по-польски лучше всех, и если захочет, никто не поймет, что она русская.

Россия, увиденная из Польши

Они смотрят польское телевидение (Ольга говорит, что смотрит даже reality-show), они не заикливаются, как некоторые иностранцы, на польском телевидении или прессе, но то, что создается негативный образ России, им не нравится. Хотя бы тот факт, что даже спектакль «Норд-Ост» рекламировали на афишах в Варшаве в контексте теракта на Дубровке. Ольге трудно давать оценку российским верхам, она живет здесь, а не там. Она может давать оценку пропаганде в пользу присоединения к ЕС на польском телевидении, а не поведению российской верхушки. О Путине отзывалась положительно.

Олег считает, что русскую интеллигенцию характеризует высокая степень исторически обусловленной привязанности к идеологии, так что не каждый представитель интеллектуальной элиты согласится, чтобы его относили к интеллигенции. «Например, знаменитый русский ученый Лев Гумилев, фигура для российских гуманитарных кругов чрезвычайно важная, говорил, что он просто образованный человек, а не интеллигент, — говорит Олег. — Главное достижение по сравнению с советскими временами — это свобода слова. Кое-кто считает, что это единственное достижение российских демократических реформ». Поскольку Олег учился одновременно еще и в Санкт-Петербургском университете, то о том, сколько книг и какие книги издаются он знает больше, чем Ольга: «Книги дешевле, чем в Польше, но для обычного российского учителя или вузовского преподавателя они все равно слишком дороги».

«Пребывание в Польше подталкивает меня лучше узнать Россию. Когда я уезжала в Польшу учиться, то по-настоящему не знала русских традиций», — говорит Дина. Приезжая в Россию, она больше всего любит наблюдать за людьми: «Много говорится о грандиозных переменах в России. Перемены переменами, но образ мыслей остается».

В России доступна польская литература, переводятся книги и фильмы. Дина смотрела у себя на русском языке фильмы «Экстрадиция», «Ведьмак», «Пан Тадеуш» и «Огнем и мечом»: «Доступно — да; вопрос: каково восприятие».

«В польских СМИ Россия представлена в негативном свете: если появляется российская тема, то либо теракты, либо Чечня, либо преступления. Это странно, ведь большинство тех, у кого были личные контакты в России, восхищаются ею», — говорит Наташа. И вспоминает, что в 70-е годы и во времена «Солидарности», если не касаться официального уровня, были прекрасные отношения между поляками и русскими. Культура, песни, фильмы были весьма популярны.

Чтобы поляки познакомились с Россией, существует культурный обмен. Но это все организовано на государственном уровне, и программы навязываются. «Все это делается немножко по старинке, приглашаются фольклорные народные ансамбли. Конечно, старшему поколению это наверняка импонирует, но надо больше делать для молодежи, — говорит Андрей Москвин. — Какой-нибудь рок-концерт». Москвин жалуется также, что в польских СМИ не дается полной картины российской культуры: журналисты находят место для политических скандалов, а для представления нормальной жизни и для российской культуры места не находят. Он и сам мог бы писать — так, как это делают в изданиях «Ремарки», «Диалог» или «Театр».

Останутся ли они?

«Мы живем в таком ненадежном мире — кто знает, что будет через два-три года», — говорит Олег.

«Все зависит от того, останутся ли мои родители. Если мой отец закроет фирму и уедет в Россию, то я, наверное, поеду с ним. Я знаю, что одной мне в Польше не справиться», — говорит Ольга. С одной стороны, ей вроде бы не хочется жить в Польше, но на самом деле ей не хочется и уезжать в Россию: «Я тут привыкла, я тут все знаю. Мне не хочется начинать жизнь сначала. Мой друг — поляк, но он тоже не собирается жить в Польше. Может, мы уедем в Германию или в Испанию».

«Это очень личный вопрос», — говорит Дина.

«Здесь я живу в другой стране, с иным подходом к истории. Я пытаюсь отыскать подход не односторонний — польский или российский. Было много лживого в изложении истории, как с одной, так и с другой стороны. Я хочу найти золотую середину. Останусь ли? Не знаю», — говорит Наташа.

Ида Лотоцкая

МОЛОДАЯ РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ НА ГДАНЬСКОЙ СЦЕНЕ

Ноябрь счастливо оживил сцену театра «Выбжеже». Гостившие здесь 11-17 ноября молодые российские театры представили неизвестный в Польше облик русской драматургии.

Всемирное течение в театре, состоящее в экономии внешних выразительных средств и сосредоточенности на предельной выразительности действующих лиц — не обязательно, кстати, связанных друг с другом драматургической осью, — нашло здесь отличное

дополнение как раз в виде этой отсутствующей в современной драме логики сценических связей. Воспитание на великой классической русской драме, несмотря даже на очевидное противостояние ей молодого поколения, принесло свои плоды: конструктивную ясность и профессиональную точность. В спектаклях «Облом-офф» Центра драматургии и режиссуры из Москвы и «Клаустрофобия» Екатеринбургского малого драматического театра «Театрон» обращал внимание «драматургический нерв», вытекавший не только из экспрессии, но прежде всего из конструкции.

«Клаустрофобия» в постановке Николая Коляды построена на сложных, «ярусных» контрастах. Ярусами построена и конструкция сцены: нары, стоящие одни над другими. Конфронтация трех совсем

разных осужденных в тюремной камере выстраивает драматургическую ось. Впрочем, среда, в которой происходит действие, — не единственная причина разнообразия выразительных средств. Один из

заключенных, художник, — немой. В тюремных условиях он, самый слабый, лишенный возможности изъясняться, становится жертвой. Остальные двое используют его, проецируя на него свои фантазии. С самого начала ситуация на сцене предвещает самое худшее. С

угрожающей действительностью контрастируют символически показанные сны. Это сложная драма, в которой напряжение создает конструкция.

Как бывает в современном театре, не все предложенное нам можно было оценивать в этих категориях. Московский «Театр.док», экспериментируя на живой социальной ткани, вынужден создавать категории сам для себя. Такова судьба новаторов — вне всякого сомнения нелегкая.

Документальный театр использует технику «verbatim» — переносит на сцену материалы, записанные создателями спектакля на видео- и аудиокассетах. Выбор

средства определяет содержание. Объект интереса — маргинальные, раздираемые конфликтами круги. Для современного театра это как раз характерно. Социологизм и жестокость царят среди театральной молодежи по ряду причин — например, в силу развитого социального чувства или драматического напряжения, имманентно заключенного в конфликте, в крайней ситуации и диалоге, ведущемся без тормоза хороших манер. Драму не надо строить — ее достаточно процитировать, ибо жизнь — лучший автор. Но верно ли это?

Миметизм, эта первоматерия театра, не может стать его целью. Это начальная, исходная стадия, из которой далее и должно возникнуть произведение, суть,

смысл. Этого почти алхимического процесса мы ожидаем на сцене. Только таланту и огромному драматургическому труду артистов «Театр.док» мы обязаны тем, что репортерский метод не стал целью. В «Преступлениях страсти» Галины Синькиной — спектакле, построенном на подлинных рассказах женщин-заключенных, — словно эпитафия механизма преступления, вновь и вновь проявляется отсутствие чувства своей человеческой ценности и одержимое желание наделать жертв ради него. Глубоко драматическое звучание первой части, быть может, без особой необходимости смягчается забавным, сатирическим тоном второй, где «документальная дословность», похоже, основательно срежиссирована.

«Война молдаван за картонную коробку» в постановке Михаила Угарова, спектакль, показывающий трагическое положение иммигрантов из Молдавии, — это просто репортерский анализ одной выбранной жизненной ситуации. Вопросом, нужен ли для этого театр — а может, достаточно было бы постоять минуточку на вокзале? — не задаешься благодаря последним сценам драмы и

прекрасной игре Нины Стрелиговой в роли Гали. Актриса «держит» представление. Благодаря ее чувству сценических обстоятельств даже в малейшей паузе ни разу не прозвучал фальшивый тон. Это замечательный урок харизмы и того умения сосредоточиться на сцене, без которого нет настоящего театра, но без которого обходится настоящая жизнь.

В какой-то момент это действующее лицо обретает драматургический контрапункт — обиженного, пьяного товарища по несчастью, которого минута слабости избавляет от роли палача. Палачом станет другой... Во мраке ночи играют утаённые эмоции, начинает звучать песня, рождается драма.

Оказывается, даже с величайшей «дословностью» перенесенная на сцену «настоящая жизнь», преобразованная театральными средствами, звучит в неизвестной тональности. Условие этого, однако, безжалостно: театр должен быть хорошим, а не просто экспериментальным. Концентрация на малом отрезке действительности не всегда оправдывается, если не производится традиционный синтез. Последний показанный спектакль, «Облом-офф» в постановке Михаила Угарова, поднимает этот вопрос в экзистенциальном аспекте. Гончаровский Обломов здесь приспособлен к современным реалиям. Его позиция «неучастия» приобретает ранг открытого бунта. Этот человек не станет специализированным винтиком в социальном механизме. Он сам решает, как будет жить — даже тогда, когда другим эта жизнь представляется пустой. Корыстной демократии «успеха» он бросает контраргументы: где достоинство, где человечность? Он хочет полноты, цельности и не удовлетворится фрагментом. «Totus» — такой диагноз его «заболеванию» ставит терапевт, добавляя, что цельность делает жизнь невозможной. Вопрос, является ли она жизненной целью и предназначением, остается открытым. Решение философского вопроса о бытии выходит за границы драмы как таковой, но постановка его принадле-

жит к классике жанра. Театральные средств ограничены, но границы можно показать — это сознательное искусство.

Дойти до глубины человеческого путем вивисекции или путем синтеза — вот два полюса современной драмы. Гданьский показ засвидетельствовал, что молодая русская драма вносит важный вклад в эту дискуссию. Отличная художественно, она задает вопросы там, где им место, — вопросы о сути этого искусства.

Фото: 1,2,3 - Сцены из спектакля «Борьба молдован за картонную коробку». 4 - Сцена из спектакля «Клаустрофобия»

Ида Лотоцкая — известная художница, искусствовед. Проживает в Гданьске.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Последний, 27-й номер люблинского журнала «*Scriptores*» [scriptor, лат. — писец, переписчик, писатель], издаваемого центром «Градские ворота — Театр НН», посвящен, как гласит подзаголовок, «двукультурному Люблину в воспоминаниях и литературе». Признаюсь, этот подзаголовок возбудил во мне недоверие. Не то чтобы я сомневался в смысле подобных публикаций — неоспорим тот факт, что Люблин перед II Мировой войной был городом по крайней мере двух письменно зафиксированных культур: еврейской и польской (хотя, наверное, стоило бы подумать, не слишком ли далеко заходит такое сужение многокультурного прошлого, даже если обе национальные стихии, о которых идет речь, доминировали, — но это вопрос, о котором следует поразмыслить отдельно). Спорно же использование понятия двукультурности. Ибо что же оно значит? Оно как будто намекает на гармоничное сосуществование обеих культур, в то время как оные культуры, как это было и в других местах довоенной Польши, не столько сосуществовали, сколько существовали рядом друг с другом, оставаясь обычно (хотя бывали и исключения) каждая сама по себе. Довольно хорошее тому свидетельство — история поэтической группы «*Junge Wilne*», которая действовала в 30-е годы в Вильне и в принципе не имела никаких контактов с параллельно действовавшими «*Жагарами*»: об этом писал Чеслав Милош, который спустя многие годы обратился к авторам этой группы, а недавно об этом же писал — в журнале «*Контуры*», издаваемом в Тель-Авиве, — Даниэль Кац. Похоже — или наверняка, — так обстояли дела не только в Вильне. В последнее время это документально показано в публикациях Рышарда Лёва, подтверждающих не только горестное незнание литературы, писавшейся в Польше на идише или иврите, но и глубокое неведение поляков о том, что еврейские писатели много внимания уделяли польской литературе, будь то живое восприятие творчества Юлиуша Словацкого или полемика с эстетическими теориями Виткация, — мы узнаём об этом много лет спустя благодаря нескольким энтузиастам.

Но эти-то энтузиасты, с удивительным терпением откапывающие это общее польско-еврейское или еврейско-польское — ибо здесь наконец могла бы пойти речь о взаимности — наследие, показывают, какое огромное неисследованное поле все еще лежит перед нами. Конечно, того, что уже умерло, не воскресить, а усилия, предпринимаемые хотя бы в краковском районе Казимеж — включая ежегодный фестиваль еврейской культуры, — это, в общем-то, лишь проявление благородного бессилия перед лицом приговоров истории. И все-таки это стоит делать! Стоит не только ради памяти о целом мире, погибшем во время войны, но и ради памяти о своих грехах и небрежении; это особенно горько, когда речь идет о том, чтобы открыться навстречу живому, но все еще не замечаемому присутствию еврейской культуры среди поляков. И хотя нас скорее всего уже не ждет двукультурное будущее — по крайней мере в масштабе всего общества, — но все-таки следует возделывать двукультурное поле исследований, создавать отнюдь не виртуальный мир, в котором станет возможным связать порванные нити хотя бы в пространстве книги.

Собственно говоря, Книга, Писание и является здесь точкой отсчета. «Народ и Книга» — это, пожалуй, самый увлекательный блок текстов, представленных на страницах «*Scriptores*». Статьи Константы Геберта, Рышарда Лёва, Иоанны Зентар, Зигмунта Хофмана и Сильвии Бойчук воссоздают атмосферу изучения Писания — изучения, которое не только помогало проникнуть в его содержание, но прежде всего сохраняло национальное самосознание народа: благодаря Писанию он сумел выжить на огромных, зачастую далеко друг от друга отстоящих просторах диаспоры. Но наряду с Книгой или в тени ее создавались и просто книги, ныне составляющие неоценимый источник знаний о местах обитания евреев, — прежде всего «Книги памяти».

«После трагедии, какой стала для еврейского народа Катастрофа, — пишет С. Бойчук, — вышел ряд книг, посвященных памяти людей и того мира, что перестал существовать. (...) Издаваемые книги относятся к территориям, которые во время последней войны оказались под немецкой оккупацией. Это чаще всего книги, вышедшие очень малым тиражом, отпечатанные в небольших типографиях. Подсчитано, что всего составлено 526 книг памяти, относящихся к вышеназванным территориям, из них в 428 описываются места, до 1939 г. находившиеся в границах Польши».

Эти книги — не только дорожный знак, указывающий в прошлое, но и вектор, показывающий направление сегодняшних исследований, благодаря которым можно будет (будем надеяться) восстановить некогда упущенный диалог обеих культур.

О том, что такие возможности диалога существовали, свидетельствует опубликованная недавно в «Газете выборов» статья о связях создателя люблинского авангарда поэта Юзефа Чеховича с ныне уже почти совершенно забытой, убитой в гетто поэтессой Францишкой Арнштейн: в 1932 г. оба они были учредителями Союза люблинских писателей. Чуть-чуть жаль, что эта нить осталась незамеченной в «Scriptores», тем более что, как вытекает из подзаголовка выпуска, литературные вопросы должны быть здесь одной из основных тем. Но ничего еще не потеряно: этот номер журнала можно рассматривать как начало цикла, который — включая перепечатки — будет продолжаться в следующих номерах.

Его можно рассматривать так еще и потому, что в еврейских литературных свидетельствах о Люблине, хотя бы таких, как роман нобелевского лауреата Исаака Башевиса Зингера «Люблинский шукарь», недостатка нет. Эскиз умершего мира стоило бы дополнить другими деталями, часто потрясающими до глубины души, — такими, например, как запись Якуба Глатштейна «О Люблин, мой священный город»:

«О Люблин, мой священный город, город великой еврейской нищеты и радостных еврейских праздников. (...) Кто поднимет тебя из руин и отстроит, мой священный город, если ты разрушен до самых фундаментов и стал одним ужасающим надгробием. Прибиваем крыши, кладем кровли, чиним и прибираем старь, гнусный мир, но моего священного города, города моего мира никто уже никогда не отстроит».

Эта жалоба правдива лишь в некоторой степени, ибо есть люди, которые упорно, вопреки уходящему времени, но и вопреки человеческой подлости и ненависти, предпринимают такую реконструкцию, — в Люблине это прежде всего те, кто собрался вокруг центра «Градские ворота — Театр НН».

Их достойная позиция, уважение к духам, все еще живущим в этом пространстве, но в то же время и надежда на разговор с живыми, продолжающими приезжать в Люблин, чтобы пройти следами предков, большинство которых было истреблено, — их деятельность пробуждает надежду на то, что Люблин для приезжающих сюда евреев не будет лишь этим «ужасающим надгробием». В то же время вызывает отвращение тот факт, что в Польше — в том числе и в Люблине — продолжает существовать ярый, остервенелый антисемитизм: когда несколько лет назад люди, собравшиеся вокруг центра «Градские ворота — Театр НН», реконструировали пространство бывших еврейских кварталов Люблина, они встретились с отталкивающей реакцией небольшой части жителей города и с обвинениями в том, что они намереваются вернуть «оставшееся от евреев имущество» прежним владельцам. Мало помогло и вмешательство самого архиепископа Житинского, поддерживавшего это мероприятие. Предполагаю — и дай Бог мне не ошибиться, — что сегодня такая реакция, по крайней мере в таком масштабе, была бы уже немыслима. Проводимые центром мероприятия должны были чему-то людей научить.

Один из важных уроков этой деятельности — тот, который заставляет нас осознать, что пространство, где мы теперь живем, некогда принадлежало другим. Мы называем его «оставшимся от евреев» [в дословном переводе с польского — послееврейское, или по-новому можно было бы сказать: пост-еврейское], и язык здесь несомненно оказывается лучшим свидетелем, самым верным истине. Но стоит задуматься и над чем-то другим. Насколько польские евреи (а может, даже, как когда-то говорилось, «народ польских евреев») были нашими соседями, а насколько их рассматривали как тягостных и нежеланных — используя слово Ханны Краль — «жильцов»? Этот вопрос остается открытым для обеих сторон диалога: на него нет одного-единственного ответа. Однако важно, что мы эти ответы продолжаем искать, что поднимать эти вопросы считаем важным — сегодня, может быть, еще важнее, чем прежде. Когда мы наконец будем знать, что это вопрос и о нашем национальном самосознании, тогда перед нами — и перед ними, да, пожалуй, и перед всеми — откроется новое пространство совместной жизни. Я в это верю.

О том, что вопрос действительно важен, свидетельствует последний номер другого люблинского журнала, ежеквартального «Акцента» (2003, №3), озаглавленный «Уничтоженный мир». Выпуск почти целиком посвящен творчеству нобелевского лауреата, писавшего на уже умирающем языке идиш, который провел свое детство в Билгораяе, неподалеку от Люблина. Во вступительном слове говорится:

«Если название Билгорая стало известно за пределами Польши, то только благодаря творчеству Исаака Башевиса Зингера и его брата Израйля Иошуа Зингера. (...) Топография творчества Зингера охватывает окрестности Билгорая, растянувшиеся на восток до Тышовец и на запад до Янова. К юго-западу от Билгорая происходит у И.Б. Зингера действие его знаменитого рассказа «Падение Кшешова», а в Горае, вид и жители которого отражают Билгорай и людей, там узанных, — действие его первого романа «Сатана в Горае». Извлечь вышеприведенные мотивы и показать связи творчества братьев Зингеров с Билгораяем и его окрестностями, а также представить

широкий фон, т.е. историю и культуру евреев этих мест, — такова была главная цель «Дней Исаака Башевиса Зингера», масштабного мероприятия, прошедшего на билгорайской земле 23-25 мая 2003 года. «Дни» имели как научное (...), так и, что важнее всего, популяризаторское и просветительское значение, ибо адресованы были в значительной мере учителям, студентам и школьникам из Билгорая и окрестностей).

Интересно, насколько сопричастие двух общин в одном и том же пространстве было в прошлом ознаменовано неспособностью жить вместе. Сегодня, когда мы описываем этот погибший мир, нам лишь с трудом удается понять его поразительную структуру. Об этом пишет, одновременно указывая на нарастающую в 30-е годы прошлого века волну антисемитизма, Дорота Скакуй в статье «Вместе и отдельно»:

«Евреи и поляки, живя рядом, жили в обособленных мирах, иногда даже не могли понять друг друга. Отсутствие общего языка наряду с религиозными различиями должно было серьезно влиять на сожительство обеих наций. Мало кто из поляков знал идиш, зато евреи-мужчины в большинстве говорили по-польски (особенно если занимались хозяйственной деятельностью); в меньшей степени это касалось женщин и детей. (...) В 1918-1939 гг. городскими правами в повате по-прежнему обладал только Билгорай, и здесь евреи принимали участие в выборах в городской совет. Среди условий, которые требовалось выполнить, чтобы выставить свою кандидатуру в совет, было требование владеть польским языком устно и письменно. В Билгорае в 1924 г. это привело к выборам городского совета, целиком составленного из поляков, так как еврейских кандидатов обвинили в недостаточном знании польского языка. Евреи это опротестовали, так что пришлось отменить результаты выборов и провести новые, перед которыми шла широкая кампания. Однако состоялись они только в 1927 году. В результате выборов в совет вошли 15 поляков и 14 евреев. (...) Действия, направленные против евреев, нарастали в 30-е годы, раньше их почти не отмечали. Первенство в начинаниях, направленных против евреев, согласно документам билгорайского старосты, принадлежало членам «Стронництва народного» [националистической Национальной партии], главным образом распространявшим листовки или устраивавшим пикеты перед еврейскими лавками. Однако у подобных действий не было ни широкой поддержки, ни широкого масштаба (...). Люди попросту предпочитали делать покупки в еврейских лавках: господствовало всеобщее убеждение, что там всё можно купить дешевле».

Может показаться, что царил идилизм, хотя бы в Билгорае. Далее автор пишет:

«В течение всего рассматриваемого здесь периода польско-еврейские отношения в Билгорайском повате можно признать по крайней мере сносными. Можно говорить о разнообразных стычках и инцидентах, но, пожалуй, не о вражде. Чаще всего сожительство складывалось в согласии».

И это, вероятно, правда. Тем не менее многочисленные свидетельства указывают, что так было не везде, а нервные отклики на абсурдные слухи о «возвращении евреев» поражают.

Одно не подлежит сомнению: что-то бесспорно погибло. Хорошо, что хоть в предпринимаемых ныне исследовательских работах и в самой литературе есть стремление спасти этот погибший ландшафт, о котором так прекрасно писал в 1970 г., в период массового исхода евреев из Польши, выдающийся поэт Юлиан Пшибось:

«Со II Мировой войны у меня иногда складывается впечатление, будто я живу в другой, чужой стране. (...) С детства в моем пейзаже присутствовал еврей — бородатый, в черном халате, торговец и перекупщик: тот Йойне, что совершал дальние — в моем тогдашнем измерении пространства — странствия с плетеным из лыка лукошком, скупая яйца, и Срулик, гонящий телят в «город» Нибылец. В Нибыльце, еврейской совершеннейшей дыре, была баня «миква», вещь столь же необычайная и таинственная, как синагога. (...) Меня влекла чуждая странность, завораживала — пастушка со льняными волосами — чернота и рыжина бород и париков, искушала позднее в Жешуве — уже «студента», когда я ходил в «третий латинский» класс, — восточная красота доченьки рыжебородого торговца газировкой и леденцами. И вот — исчезла бесспорно эта часть Польши. Отсутствие евреев в Польше я ощущаю как ее неполноту, нехватку выразительности, увечь».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В третий раз присуждена премия им. Ежи Гедройца, учрежденная газетой «Жечпосполита» совместно с парижским «Институтом литерацим» (издательством Гедройца «Литературный институт», выпускавшим журнал «Культура»). Премию за деятельность на благо польских государственных интересов может получить тот, кто в своей общественной деятельности руководствуется следующими принципами: бескорыстно заботится о благе общества; понимает политику как служение стране, а не местническим интересам; укрепляет позицию Польши в европейском демократическом сообществе; содействует развитию добрососедских отношений с народами Центральной и Восточной Европы; работает над развитием независимой политической мысли. В этом году лауреатом премии стал секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества Анджей Пшевозник. Одним из кандидатов на получение премии был главный редактор «Новой Польши» проф. Ежи Помяновский.

• В Лондонском Центре польской культуры (ПОСК) прошел международный симпозиум «Польское культурное и научное наследие на пороге третьего тысячелетия». В его работе приняли участие рассеянные по всему миру польские ученые и гости из Польши. Симпозиум организовало действующее при ПОСКе Польское научное общество, возглавляемое проф. Эдвардом Щепаником — известным экономистом, последним премьер-министром польского эмигрантского правительства.

• Вацлав Гавел, бывший президент свободной Чехословакии, а после ее распада — первый президент Чехии, и главный редактор «Газеты выборов» Адам Михник получили присуждаемые «Тыгодником повсехным» медали св. Георгия. В свое время Гавела и Михника объединила борьба с коммунистическим режимом в их странах. Они познакомились 25 лет назад на одном из карпатских перевалов на польско-чехословацкой границе, когда встретились для обсуждения деталей совместной оппозиционной деятельности. Гавел и Михник принадлежат к числу людей, ставших зодчими новой ситуации в Центральной и Восточной Европе.

• Есть шанс, что в бюджете Польши на будущий год возрастут расходы на культуру. На увеличение государственных дотаций могут рассчитывать несколько культурных учреждений — в частности, варшавский и краковский королевские замки, дворец в Вилянуве и варшавская Национальная библиотека.

• В Каунасе прошла 10-я выставка «Польэкспорт-2003», в которой приняли участие 195 польских, польско-литовских и литовских фирм. «Без ярмарки динамичное развитие польско-литовского торгового обмена было бы невозможно», — сказал на открытии выставки премьер-министр Литвы Альгирдас Бразаускас. Добавим, что товарооборот между Польшей и Литвой составляет всего на 200 млн. долларов меньше, чем между Польшей и Россией.

• На польском рынке появилась новая газета — «Факт». Ее выход был запланирован уже очень давно. Первый номер вышел тиражом 800 тыс. экземпляров. «Факт» издает знаменитый немецкий концерн Акселя Шпрингера, обещавший Польше «газету для массового читателя, пишущую на серьезные темы доступным языком». Газета пытается завоевать рынок, базируясь прежде всего на фотоматериалах и сенсационных статьях. «Казалось бы, новая газета с крупным бюджетом на собственную рекламу и маркетинг должна быть обречена на успех, — пишет публицист «Политики», — Однако в Польше все не так-то просто, даже если речь идет о желтой прессе». Пока что главный козырь «Факта» — его цена: он стоит всего один злотый, т.е. в два раза дешевле, чем его главный конкурент, польская бульварная газета «Суперэкспресс». Тем временем крупнейшее польское газетное издательство «Агора» ответило на выход «Факта» сменой макета своей бесплатной городской газеты «Метро» и превращением ее в ежедневную газету.

• Продолжается дискуссия о праве собственности на архивные материалы Радиокомитета, ныне находящиеся в ведении государственного телевидения ТВП. Согласно новому (еще не принятому) закону о средствах массовой информации, архивы должны перейти в собственность ТВП,

значительно увеличивая его финансовый потенциал. Это вызвало протесты частных телеканалов. В настоящее время ведется работа над новым вариантом закона. Между тем на пресс-конференции, посвященной ситуации в польских СМИ, начальник Государственного архивного управления Дарья Наленч заявила, что «архивы Радиокomiteта не могут стать собственностью ТВР или любого другого субъекта Торгового кодекса. Согласно закону об архивах, они — собственность государственной казны».

• Судя по всему, на экраны телевизоров вернется герой массовой культуры — полицейский без страха и упрека. Вскоре по разным каналам будет показано несколько остросюжетных сериалов, главные действующие лица которых — полицейские. Их роли исполняют самые популярные польские актеры: Богуслав Линда («Мать королей», «Псы», «Пан Тадеуш»), Ежи Радзивиллович («Человек из мрамора», «Человек из железа»), а также завоевавший себе место на польском кинорынке Александр Домогаков («Огнем и мечом»). За боевики взялись такие известные режиссеры, как Рышард Бугайский, снимающий сериал «Да или нет», Владислав Пасиковский, постановщик сериала «Мент», и Окил Хамидов — автор показываемого на канале «Польсат» сериала «Волна преступности». «Нравственная двусмысленность и смешение ценностей мне не по душе, — объясняет эту тенденцию Рышард Бугайский, — Меня не интересует изображение и восхваление преступного мира».

• В польских театрах растет интерес к отечественной драматургии. В нынешнем сезоне зритель увидит немало спектаклей, получивших заслуженное признание, а также, что особенно радует, любопытных премьер. Откуда такой интерес? Вот что пишет об этом критик «Газеты выборчей» Роман Павловский: «За последние три года [на фестивалях] появилось полтора десятка новых имен талантливых авторов (...) Они пишут оригинальные, близкие к польской действительности пьесы (...) Еще одним импульсом стал крупный успех комедии Анджея Сарамоновича «Тестостерон». Эту искусно написанную, разыгрывающуюся в польских реалиях сатиру на современных мужчин театр «Монтовня» («Монтажная») сыграл в прошлом сезоне больше ста раз, что является абсолютным рекордом (...) Однако есть и более глубокая причина интереса к современной драматургии, связанная не с искусством, а... с экономикой. Уже несколько лет театры получают

все меньше дотаций. Средств, выделяемых большинству из них, хватает только на то, чтобы удержаться на плаву (...) В таком положении современные польские пьесы — идеальное решение. За деньги, сэкономленные на одном спектакле с участием звезд и богатой сценографией, можно сыграть пять польских премьер». Добавим, что появляется множество начинаний, направленных на поддержание современной польской драматургии. Пожалуй, самая масштабная из них — это «Лаборатория современной драмы» при варшавском Национальном театре, организованная драматургом и режиссером Тадеушем Слободзянком. А теперь несколько названий. В этом сезоне на сцене появятся: «Польша, 2 мая» Анджея Сарамоновича, «Мерлин» Тадеуша Слободзянека, «Некоторые виды орлов» Домана Новаковского, «Ломбард «Под Апокалипсисом»» Цезария Харасимовича, «Зал ожидания» Мацея Ковалевского, «Отбросы» Кшиштофа Бизё, «Савл» Роберта Урбанского и «Бал «Под орлом»» Збигнева Бжозы. Разумеется, это далеко не полный перечень.

• О последнем из вышеперечисленных спектаклей критик пишет: «ПНР стала излюбленной темой нынешней поп-культуры, которая берет из времен коммунизма только то, что можно выгодно продать, т.е. ностальгические воспоминания (...) Можно подумать, что жизнь в ПНР была одним сплошным праздником, который не могли испортить мелкие перебои в снабжении. Спектакль Збигнева Бжозы разрушает этот образ (...) «Бал «Под орлом»» — это бал порабощенных людей (...) бал, на котором никто не умеет как следует танцевать — да и как тут потанцуешь в войлочных башмаках». В свою очередь «Некоторые виды орлов» Домана Новаковского — это «искрометная комедия о роли телевидения в сегодняшнем мире, о преходящей популярности и сомнениях интеллигента XXI века». Наконец, спектакль Цезария Харасимовича «Ломбард «Под Апокалипсисом»», в котором «под остросюжетной фабулой кроются размышления о современном чистилище, оперирует материей, с одной стороны, невероятно реалистической, а с другой — магической». Автор пытается «рассказать в классической форме единства времени, места и действия о нашей действительности — польской и в то же время универсальной», — пишет критик газеты «Жечпосполита».

• На Быдгощском фестивале премьер огромным успехом пользовался поставленный во вроцлавском Современном театре спектакль англичанина Ховарда Баркера «Победа». Главную премию

получила режиссер этого спектакля (и переводчица пьесы) Хелена Каут-Хаусон, а актерские премии достались исполнителям главных ролей — Дануте Стенке и Мацею Томашевскому. ««Победа» в исполнении артистов вроцлавского Современного театра, — пишет Марек Микос, — это пример спектакля, который видит главную силу театра в нем самом. Действие драмы происходит в Англии XVII века, переживающей период реставрации после революции Кромвеля. Однако дело тут вовсе не в уроке истории (...) Демонстрация словесной акробатики перерождается в лирическую сцену, игра эффектами необузданного театра XVII века — в сухость античной трагедии». Вторую режиссерскую премию получил Мацей Войтышко за спектакль «Булгаков». Больше всего разочаровала инсценировка самого популярного романа этого года — «Польско-русской войны» Дороты Масловской, — осуществленная гданьским театром «Выбжеже».

• О прошедшем во Вроцлаве международном театральном фестивале «Диалог» Иоанна Таргонь пишет: «Во Вроцлаве было представлено шестнадцать спектаклей — восемь польских и восемь заграничных. В начале и в конце зрители увидели два политических спектакля: бразильский «Апокалипсис 1,11» Антонио Араужо и немецкий спектакль «Кандидат (1980). Они живы!» Рене Поллеша. Бразильцы со всей жестокостью показали, что мы живем в кошмарном Вавилоне, в котором не осталось ничего святого. Это путешествие по аду было сыграно в настоящей тюрьме — страстно и самоотверженно. «Кандидат», полуэстрадная остроумная лекция о потребительской цивилизации, временами смешил до слез, а временами ужасал». Польский театр представляли, в частности, «Кларины связи» Теи Лоер в постановке Кристиана Люпы, «Дибук» Шимона Ан-ского в постановке Кшиштофа Варликовского и «Море и зеркало» Одена в постановке Ежи Гжегожевского.

• Вручены варшавские «Феликсы» — престижные театральные премии, учрежденные частным лицом — постоянно проживающим в Великобритании Феликсом Ласким, театралом, оказывающим финансовую поддержку нескольким варшавским театрам. Премии за лучшие женские роли получили Мирослава Дубравская (Мэг в «Королеве красоты поселка Линайн») и Магдалена Телецкая (Ариэль в «Буре»); за лучшую мужскую роль — Ян Матыяшкевич («Солдат королевы Мадагаскара»); за лучшие роли второго плана — Паулина Хольц и Адам Вороно-

вич («Положение вещей»); за лучшую режиссуру — Кшиштоф Варликовский (инсценировка шекспировской «Бури»). Одним из почетных гостей на церемонии вручения был президент (мэр) Варшавы Лех Качинский, объявивший культуру одной из трех приоритетных областей, наряду с образованием и безопасностью.

• Премии ежемесячника «Театр» получили: Ежи Гжегожевский за постановку «Моря и зеркала» Одена (премия им. Конрада Свинарского), австрийская актриса Рената Йетт за роль Калибана в «Буре» Кшиштофа Варликовского и Ежи Радзивилевич за роль Калибана в «Море и зеркале» (премия им. Александра Зельверовича).

• В этом году премия Костельских присуждена Давиду Беньковскому за роман «Есть». Книга Беньковского — это основанная на опыте самого автора история взросления поколения нынешних сорокалетних, выпускников 1982 года. Премия Костельских присуждается с 1962 года. До сих пор ее получили 120 человек. По случаю вручения премии в Кракове прошла акция «Большое ночное чтение», во время которой прежние лауреаты (в том числе Стефан Хвин, Павел Хюлле, Ольга Токарчук, Рышард Крыницкий) прочли фрагменты своих последних сочинений.

• Очередь из нескольких сот человек нужно было отстоять на VII Краковской книжной ярмарке, чтобы получить автограф Славомира Мрожека или Станислава Лема. В рамках ярмарки журналисты газеты «Жечпосполита» организовали дискуссию об искусстве писать фельетоны. «Жизнь дает нам столько тем, что не писать фельетоны просто невозможно», — сказал Бронислав Вильдштейн. Как сообщает «Жечпосполита», «встреча прошла в полной юмора и иронии фельетонной атмосфере, а зал то и дело раздражался смехом, вспоминая, сколько тем для фельетонов давала социалистическая пропаганда». Впрочем, дискуссия показала, что самым выдающимся польским фельетонистом XX века был Лех Валенса: никто не комментирует события так забавно, как бывший президент. Однако главной темой этого года была русская книга. На ярмарке было представлено около 3,5 тыс. наименований книг — от классики до последних литературных новинок, — а также интересная сопутствующая программа: лекции, киносеансы, выставки.

• Ярослав Курский о сборнике «Космополитизм и сарматство. Антология послевоенного польского эссе»: «Назвать человека эссеистом — почти то же самое, что причислить его к узкой прослой-

ке интеллектуалов. Некогда элитарный жанр (...) сегодня стал общедоступным (...) Руководствуясь литературной эрудицией и своими представлениями о литературных вкусах молодого читателя, Дорота Хек взяла на себя труд собрать воедино нечто, о чем нельзя точно сказать, что оно такое. Как правило, от книги, изданной на правах вузовского учебника, можно ожидать правильной, скучной и тяжелой подборки. Между тем сборник смел, задирист и аппетитен». В антологии можно найти известные и популярные эссе, но в то же время и такие, которые требуют сосредоточения и определенных знаний. «В эту книгу, — пишет Курский, — может заглянуть каждый — не только двадцатилетний. Ведь антология стоит на полке, и к ней стоит обращаться, даже если пройдет еще одно поколение».

• Премию им. Корнелия Макушинского, присуждаемую детским писателям, получила Малгожата Стшалковская за сборник «Стихи — просто ужас!» Жюри оценило литературные достоинства игры сказочными сюжетами и очарование современных, прекрасно согласующихся с текстом иллюстраций.

• В варшавском Центре современного искусства «Уяздовский замок» прошел очередной литературный фестиваль «Писательская Варшава». «Надеюсь, что фестиваль покажет перемены, произошедшие в последнее время в польской литературе», — сказала куратор мероприятия Беата Хмель. Вот некоторые из тем, обсуждавшихся на фестивале: «Молодость идет», «Изгнанные из народа», «Польско-еврейские монологи» или «Без обиняков: что поэт хотел этим сказать?»

• Среди последних новинок стоит отметить книгу Юзефа Хена «Мой друг король» — необыкновенное исследование, посвященное последнему королю Польши Станиславу Августу Понятовскому, но написанное не историком, а писателем. Юзеф Хен уже давно известен в Польше и за ее пределами как писатель, сценарист и кинорежиссер. Недавно была издана его весьма интересная книга о Тадеуше Бое-Желенском, а еще раньше — книга «Я, Мишель де Монтень» о знаменитом французском мыслителе XVI века. Книга «Мой друг король» стала «Варшавской литературной премьерой октября». Вручение премии состоялось накануне 80-летия писателя.

• В списках бестселлеров все по-старому: лидирует Дорота Масловская, опережая Малгожату Мусерович и Катажину Грохоло. Женщины по-прежнему впереди!

• Наступил декабрь — месяц, когда вся Польша живет ожиданием Рождества. Между тем в декабре прошлого года в самом центре Варшавы, на площади де Голя, вместо традиционной елки поставили пальму. Прекрасную, стройную, зеленую пальму. Варшавяне сочли эту идею слишком эксцентричной и брюзжали что есть сил. Опечаленная пальма даже начала сбрасывать свои искусственные листья, так что ее пришлось поставить на ремонт. Прошел год, пальма окончательно вписалась в городской пейзаж, и тут муниципальное руководство пришло к выводу, что надо убрать ее с площади. В ответ упрямые варшавяне создали КЗП — Комитет защиты пальмы, изъявляя готовность сохранить эту необычную южную деталь под холодным варшавским небом. «Если уж убирать — так сначала Дворец культуры и науки, дар Сталина», — говорят самые строптивые. Будем надеяться, что и пальму, и дворец оставят в покое...

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

«Литературное поминовение», организованное в Лобезе Чеславом Шавелем и его друзьями, стало важным событием в культурной жизни города. В этом году вспоминали Ежи Гедройца и Витольда Гомбровича.

— В будущем году мы помянем других великих людей, связанных с парижской «Культурой», — говорит автор идеи и организатор поминовения Чеслав Шавель.

Вечером накануне Дня всех святых несколькими десяткам жителей Лобеза, оторвавшимся от будничной серости и забот, представился случай предаться воспоминаниям и раздумьям. Рядом с полными энергии учителями-пенсионерами появились студенты щецинских вузов. Организаторы не ограничились описанием жизненного пути двух великих поляков. В рамках поминовения собравшимся был показан I акт «Свадьбы» Гомбровича. Кроме того, каждый получил статью Лизаветы фон Цитцевиц о том, почему для некоторых польских писателей эмиграция была успехом...

Заключительным аккордом стал концерт гитаристов Яцека Осечки и Анджея Шатана. В Лобезе повеяло большим светом.

Кшиштоф Бурнетко

«ЗНАК»: ЭЛИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ЭЛИТЫ

Немалое искусство — свыше полувека, сначала в условиях коммунизма и цензуры, а теперь свободного рынка и макдональдизации, издавать элитарный журнал, посвященный философии, религии и культуре. И в конце концов создать на его базе университет. Это удалось краковскому ежемесячному журналу «Знак».

«Мы начинаем издавать «Знак» с готовностью активно участвовать в создании новой действительности, с ясно очерченной программной линией; из основы самого подлинного католичества мы хотим извлечь человека, способного справиться с сегодняшней действительностью, устоять перед ее напором и победоносно подчинить ее себе». Таким редакционным заявлением открывался первый номер «общественно-культурного» журнала, основанного в 1946 г. в Кракове группой католических мыслителей, сгруппированных вокруг выходившего к тому времени уже больше года «Тыгодника повсехного». С точки зрения тематики и общего профиля «Знак» неизбежно оказывался близким «Тыгоднику», однако по замыслу редакции он обращался прежде всего к католической интеллигенции, заинтересованной не столько текущими общественно-политическими делами, сколько разнообразными вопросами современных гуманитарных наук. Поэтому он носил гораздо более специализированный характер, а тексты в нем обычно были гораздо более объемными и написанными более сложным языком.

Формулировка, относящаяся к «новой действительности», и оговорка, что хотя в ней следует участвовать, но одновременно следует устоять перед ее напором, были не случайны. Действительность эта выглядела не лучшим образом: общество, а с ним и интеллигенция — уничтожены (и физически, и нравственно) войной, страна — под властью нового режима и его идеологии, будущее — неясно. С политической точки зрения «Знак» стоял на почве т.н. неопозитивистского реализма — доктрины, сформулированной членом редакции журнала Станиславом Стоммой. По ней предполагалось, что хоть и надо признать коммунизм в Польше как факт государственного и общественного устройства, но это не означает признания марксистской идеологии и сталинской системы. В знаменитой статье «Максимальные и минимальные тенденции католиков в Польше» Стомма отмечал, что «католичество — широкая система мышления, но прежде всего это религия. Католичество обладает своими социальными аспектами, но принципиальная забота Церкви — развивать и совершенствовать индивидуальную человеческую душу». В этом смысле, делал он вывод, хоть и нельзя оставаться совершенно равнодушным к социальным вопросам, однако для католиков они носят второстепенный характер. В долгосрочной перспективе важнейшая задача польской католической элиты — это, очевидно, не создание общественно-политических доктрин и движений, а распространение христианской культуры в обществе.

Ввиду все более разнузданной цензуры Стомма, разумеется, не мог написать о главной опасности: о том, что любое католическое движение с политическими устремлениями в коммунистическом государстве на этом этапе его развития неизбежно оказалось бы под контролем, то есть власти управляли бы им, а это угрожало потерей независимости и авторитета самой Церкви. По той же причине «Знак» принципиально не становился оппозиционным в политическом смысле журналом — редакция была намерена сосредоточиться на том, чтобы представлять широко понимаемую христианскую культуру. Более того, в уверенности, что «добро рождается и за пределами Церкви», редакция стремилась вступать в диалог и с другими течениями современной культуры, притом во всех областях: «богословия, философии, общественных и точных наук, а также искусства». Это было особенно легко благодаря тому, что журнал создавали люди, не просто обладавшие широким интеллектуальным кругозором, но вдобавок открытые к дискуссии, — тогдашние польские сливки сливок, в том числе писатели Ханна

Малевская (исполнявшая обязанности главного редактора) и Ежи Завейский, философы Стефан Свежавский и свящ. Константы Михальский, а среди публицистов кроме Стоммы был и Ежи Турович (главный редактор «Тыгодника повсехного»).

Естественно, что высота тематики предъявляла высокие требования и к самим сотрудникам и авторам журнала, а кроме того, следя за текущей интеллектуальной жизнью Запада, они публиковали переводы важнейших статей (особенно из серьезных французских и английских журналов), обзоры наиболее интересных книг, философских и общественных течений и культурных событий. В «Знаке» можно было найти тексты Эмманюэля Мунье, Этьена Жильсона и Жака Маритена, а позднее Ганса Урса фон Бальтазара.

Однако в 1953 г., когда власти за отказ напечатать посмертный панегирик Сталину закрыли «Тыгодник повсехный», перестал выходить и «Знак». Редакторы обоих журналов должны были искать себе другие занятия: в лучшем случае — переводы под псевдонимами, в худшем... — рукоесла. Однако этот круг не распался, встречаясь по частным квартирам. Эти встречи получили шуточное название «Католический дискуссионный клуб Какаду».

Только «оттепель» 1956-го позволила начать попытки возобновить издание журнала: в июне 1957 г. «Знак» вновь стал выходить. А так как группа вдобавок получила разрешение основать общественный издательский институт «Знак», журнал тоже выпускался под его маркой. Главным редактором стал директор издательства, историк искусства и публицист Яцек Возняковский.

В новых обстоятельствах некоторые сотрудники журнала вопреки прежним возражениям согласились активно включиться в политику, став депутатами Сейма ПНР. Там они создали депутатскую группу «Знак», носившую характер связанной с Церковью полуоппозиции. Если помнить о «парламентских» возможностях, то они сделали очень много: в истории остался депутатский запрос группы «Знак» по вопросу о мартовских событиях 1968 г., когда власть полицейской силой подавила демонстрации студентов, требовавших свободы слова, и развязала бурную антисемитскую кампанию. Таким же символом независимости стал жест Станислава Стоммы, в 1976 г. единственным из депутатов Сейма воздержавшегося при голосовании о внесении в конституцию ПНР статей о руководящей роли компартии и о союзе с СССР.

В этот период «Знак», будучи одним из немногих независимых от властей общественно-культурных журналов, приобрел многих замечательных сотрудников, причем не только из католических кругов. К примеру: в «Знаке» печатался священник, а потом епископ Кароль Войтыла (нынешний Папа Иоанн Павел II), но в то же время и ведущий деятель демократической оппозиции Яцек Куронь (разумеется, под псевдонимом). К самым популярным авторам журнала принадлежал один из виднейших польских религиозных публицистов священник и профессор Юзеф Тишнер.

С 1960-х «Знак» систематически представлял читателям и русскую культуру, например, анализируя творчество Достоевского (в проведенной в 1981 г. анкете о современном восприятии его творчества приняли участие виднейшие представители польской интеллигенции) и Николая Бердяева или публикуя переводы из Владимира Соловьева. Интерес к восточной тематике чуть не привел к закрытию журнала: в 1984 г. «Знак» подготовил объемный номер, посвященный польско-украинским отношениям и предубеждениям. Цензура изъяла девять текстов полностью, остальные сильно порезала, а вдобавок запретила помещать их вместе — редакции пришлось публиковать их по отдельности в разных номерах журнала, в целом посвященных другой тематике. Редакция также получила официальное письмо, угрожавшее закрытием журнала, если он и дальше будет продолжать ту программную линию, проявлением которой были признаны изъятые статьи на украинские темы (эти тексты смогли выйти в свет только в 1990-м).

Перелом 1989 г. принес прежде всего возможность поднимать темы и представлять взгляды без вмешательства государственной цензуры. Зато пришлось принять вызов иного рода: рыночную конкуренцию. Ввиду появления среди обычной периодики нескольких других серьезных культурно-общественных журналов, которые до тех пор выходили в подполье, «Знак» утратил полумонополистическую позицию одного из немногих официально доступных честных изданий, которой он обладал в течение всего существования ПНР. Однако ему удалось выиграть и эту битву: в то время как многие заслуженные периодические издания потерпели крах, «Знак» держится неплохо (средний тираж составляет 2400 экз.).

Идеей «Знака» в условиях рыночной действительности стали монографические (или частично монографические) номера, посвященные конкретным темам. В то же время палитра поднимаемых проблем в высшей степени разнообразна. В последние годы «Знак» занимался и эволюцией науки (кибернетика, генетика, структурализм, психология эмоций), и тенденциями в искусстве (современное кино, архитектура, пауперизация культуры), и социальными проблемами (сегодняшнее понимание понятия «нация», реформа высшего образования, безработица, плюсы и минусы глобализации), и историей (польско-украинские отношения, отношение к Катастрофе, нынешнее восприятие коммунизма), и философскими вопросами (смысл истории, актуальность понятия «апокалипсис»). Серия номеров была посвящена наследию минувших эпох и культурных течений (наследие античности, Византии, Средних веков, Возрождения, Просвещения, романтизма и позитивизма), а также другим религиям и вероисповеданиям (под названием «Что это такое» журнал рассказал о протестантстве, православии, буддизме и исламе). Разумеется, редакция систематически занимается Церковью (последние рассматривавшиеся вопросы касались границ повиновения в Церкви, перспектив религиозного диалога после энциклики «Господь Иисус», состояния польских священников и восприятия II Ватиканского Собора в Польше — в этой дискуссии впервые публично спорили друг с другом одни епископы). Редакция стремится устанавливать диалог с читателями (хотя бы путем анкет, например «Кого вы ищете в паломничестве?») и делать журнал как можно более актуальным — отсюда в последнее время возникли темы «Война цивилизаций?» и «Христианин идет на войну».

Подход к темам и подбор авторов приводят к тому, что в «Знаке» господствуют две формы журналистики: дискуссия и все более забываемое в Польше эссе. Важную роль выполняют также обзоры иностранных журналов и рубрики — как имеющие долгую традицию «Диагнозы» и «События, книги, люди», так и недавно введенные «Подсказки» (предложения читателям, что дальше читать самостоятельно в связи с темой месяца), «Общество неравнодушных» (о волонтерстве и неправительственных организациях) и «Рекомендации» (здесь сообщается о самых последних событиях на книжном рынке и в искусстве). Сыграло роль и то, что редакция несколько раз модернизировала дизайн журнала.

Нынешний главный редактор «Знака» Ярослав Говин (1962 г.р.) известен не только важными аналитическими работами о польском католичестве и роли Церкви в общественной жизни (знаменитая книга «Церковь во времена свободы. 1989-1999»), но и бескомпромиссной критикой некоторых явлений и тенденций в Церкви (например, в 2002 г. он был одним из инициаторов кампании, направленной на отзыв тогдашнего митрополита Познанского архиепископа Юлиуша Петца, обвиненного в сексуальных приставаниях к клирикам). Говин декларирует приверженность традициям — в частности, он выдвинул тезис, что религия в Польше — главный гарант прочности демократии, а демократия дает шансы на углубление религиозности поляков. В то же время он задается вопросом, не следует ли созвать III Ватиканский Собор, который рассмотрел бы такие вопросы, как целибат, священство женщин, применение противозачаточных средств, супружеская этика.

Говин предупреждает, что возглавляемый им журнал хоть и поднимает основополагающие для Церкви и Польши вопросы, но отстраняется от текущей политики. В то же время за последние годы среди авторов журнала появилось немало людей, направленность которых, похоже, далека от взглядов, до сих пор ассоциировавшихся с т.н. кругом «Знака». Сам Говин, впрочем, признавался в СМИ:

«Мы решили, что не можем предоставлять у себя слово лишь кругу т.н. открытого католичества, но должны стать местом встречи разномыслящих. Поэтому мы дали слово правым кругам. Некоторые недовольны, что я сдвинул «Знак» вправо. А я всего только считаю, что нельзя обходить молчанием эти круги, ибо они полноправные участники дискуссии».

Последним начинанием «Знака» был пользовавшийся огромным успехом цикл ежемесячных публичных лекций авторов журнала, названный «Летучим университетом». Однако нынешней осенью идею пришлось оставить за нехваткой средств. Тем не менее почти одновременно начались занятия, на этот раз уже платные, в высшей европейской школе им. о. Юзефа Тишнера. По словам Говина, ставшего ее ректором, школа должна стать «естественным продолжением образа мыслей круга «Знака», «Тыгодника повсехного» и отца Тишнера о культуре, христианстве и Польше».

Янина Куманецкая

ПОЛЯКИ И РУССКИЕ: ТРУДНОЕ СОСЕДСТВО

«Между неприятием и восхищением» — так называется открывшаяся в Национальной библиотеке выставка, на которой представлена история польско-русских культурных контактов, рассматриваемых в перспективе непростой истории двух народов. Поначалу ничто не предвещает дальнейшего драматизма событий. Красивые старые карты (в старых картах всегда есть очарование времен, которых уже не вернуть) наглядно показывают тогдашний образ мира, а оправленное в серебряный переплет Евангелие Анастасии (XII век) и записи в старых летописях свидетельствуют о непрестанном взаимопроникновении влияний, поляризации обычаев и смешанных браках на княжеских дворах.

XVII век начинается с описанной в дневниках Марини Мнишек истории Дмитрия Самозванца и польского превосходства на полях сражений. Однако со временем чаша весов склоняется в другую сторону. Новое время — это охваченная все большим хаосом, но гордящаяся своими свободами Речь Посполитая и крепнущая деспотизмом своих властителей Москва. Таковы были исторические тенденции. Демократия не была тогда в цене. Когда же в XIX веке она появилась в новом виде, ее уже ассоциировали с правовым государством, а не с хаотическими принципами золотой вольницы.

В XVIII веке военное и политическое превосходство было на стороне России, однако тип взаимоотношений двух стран еще не определился окончательно. Только в конце века в результате разделов Польши большая часть земель прежней Речи Посполитой отошла к Российской империи. Политическая ситуация была недвусмысленна. Именно тогда в Польше зародились те антирусские настроения, которые в дальнейшем не раз получали новую пищу, а многие сохранились и по сей день.

Однако наряду с неприятием было и восхищение. С этим связана одна из самых интересных частей варшавской выставки. Если взглянуть на взаимоотношения двух народов с перспективы культуры и личных связей, по-

ложение выглядит вовсе не так уж упрощенно. Литературные контакты, дружба Пушкина с Мицкевичем, польский Петербург, а главное, судьбы поляков в Сибири, где из преследуемых изгнанников они часто превращались в первооткрывателей и строителей, — вот самые интересные побочные результаты того периода.

Утрата независимости больше столетий налагала отпечаток на польский характер. Ее обретение стало болезненным ударом для

красного империализма. Многие российские политики до сих пор не могут смириться с полной суверенностью Варшавы. Уже в межвоенный период чаша весов неприятия и восхищения склонилась в другую сторону, однако интерес к России продолжает жить. В этом

нет ничего странного. Пользуясь аналогией, можно сказать, что англичане простили французам норманнское нашествие XI века, но начавшаяся спустя триста лет Столетняя война глубоко засела в исторической памяти обоих народов. Это не мешает им вести разумную совместную политику и, при всех их различиях, не иметь взаимных предубеждений. Хотелось бы надеяться, что в будущем взаимоотношения между Польшей и Россией сложатся подобным образом. Однако, чтобы достичь этого, стоит присмотреться к истории взаимной антипатии, вытекающей из истинных и мнимых исторических несправедливостей.

Варшавская выставка сосредоточена прежде всего на польских интересах, страхах и восторгах. Ее отправная точка — история Польши, переплетенная с историей России. Однако история эта представлена особым образом — без предубеждений и застилающей глаза ненависти.

Катажина К. Гардзина

ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ МУЖСКОЕ СОПРАНО

Бывает иногда так: то, что с точки зрения природы представляется ошибкой и аномалией, с точки зрения искусства становится невероятной ценностью. Такой дар получил от природы певец Дариуш Парадовский. Его голос, пережив период мутации, сохранил возможность извлекать, причем совершенно естественным образом, высокие звуки, свойственные женским голосам. Дариуш Парадовский — единственный в мире вокалист с мужским сопрано.

Чтобы объяснить, в чем заключается необычность голоса Парадовского, надо вспомнить о традиции исполнения оперных партий и кантат, написанных для мужских голосов очень высокого регистра. Сегодня, в соответствии с модой и новой волной интереса к старинной музыке, находят и исполняют все новые произведения, написанные для таких голосов. В XVI-XVIII вв. это были главным образом итальянские кастраты, люди, которым в детстве намеренно было нанесено увечье, чтобы сохранить их мальчишеский, высокий голос. Их организм не проходил процесс созревания естественным образом, поэтому, будучи уже взрослыми, они могли по-прежнему исполнять вокальные партии для сопрано и альты, а благодаря мужскому строению тела, достаточно большому объему легких и специальным тренировкам они достигали высокого мастерства — долго держали одну ноту и исполняли сложные фиоритуры. Их голоса звучали сильнее и насыщеннее, чем женские. Возникновению искусства кастратов способствовал существовавший в Риме запрет женщинам выступать на сцене и в храмах. Поэтому в Ватикане и начали петь кастраты. Потом эти превосходно обученные исполнители отправились завоевывать Европу. Это были любимые артисты великих правителей, настоящие супер-звезды своего времени. Самые известные из них, такие, как Сенезино, Каффариелли и Фаринелли, стали владельцами целых состояний, они покоряли сердца; для них писали оперы Порпора, Гендель и Моцарт. Дело дошло до того, что на оперных сценах не только мужские, но и женские роли исполняли мужчины-кастраты.

Между тем в Англии шлифовали подобное мастерство, применяя иную, не столь жестокую для исполнителя технику. Мужчина, обладающий определенной предрасположенностью, с помощью соответствующей тренировки и обучения может петь голосом гораздо более высоким, чем его естественный голос, — фальцетом. Любой человек, если он соответствующим образом активизирует свои голосовые связки, сможет какое-то время говорить фальцетом. Мастерство заключается в том, чтобы такой способ извлечения звуков довести до совершенства, пользоваться таким голосом свободно и естественно, чтобы с его помощью можно было браться за исполнение сложнейших партий, написанных композиторами эпохи барокко. Сегодня именно таким образом подготовленные исполнители-контртеноры поют оперные партии, созданные для кастратов. Изумительным тембром голосов контртеноров — альтов и мужского сопрано, — таких, как Майкл Чанс, Пол Эсвуд, Дэвид Даниэлс, Андреас Шелль, наслаждаются слушатели во всем мире.

Дариуш Парадовский утверждает, что его голос можно оценивать по разному — как медицинскую аномалию или как дар от Бога. В его организме в период созревания что-то пошло не так. Его голосовые связки вытянулись, но тем не менее сохранили способность извлекать высокие «женские» звуки. Если в обычном разговоре его голос звучит как баритон, то поет он чистым, звучным сопрано, а может также петь тенором, баритоном и басом. Его голос обладает диапазоном в 4,5 октавы. В детстве он пел в детских хорах, учился играть на фортепьяно, органе и контрабасе. В возрасте 17 лет, когда мутация была уже позади, он как-то раз пел в Риме. Его остававшееся звучным, высокое мальчишеское сопрано привлекло внимание слушателей. Ему предложили учиться в Италии. Он отказался, но в Польше стал серьезно заниматься вокальным искусством, окончил консерваторию во Вроцлаве у профессора Эугениуша Сонсядека, который занимался подготовкой вокалистов с такого рода голосами в Польше.

Дариуш Парадовский исполняет главным образом старинную музыку, охотно обращается к репертуару мало известному. Выступает с ансамблями, исполняющими старинную музыку — «Ars Nova», «Fiori Musicali» и «Capella Bydgosciensis». Он выступал в Краковском оперном театре, в лодзинском Большом театре, несколько сезонов пел в Варшавской камерной опере. Выступал он и во многих странах Европы, на фестивалях старинной музыки и в оперных театрах. Дариуш Парадовский принимал также участие в записи «Реквиема для моего друга» Збигнева Прайснера.

Сотрудничество с Варшавской камерной оперой (ВКО) — это особая глава в карьере Дариуша Парадовского. На этой сцене его талант формировался и развивался. Артист исполнял многочисленные моцартовские партии, в которых его певческим мастерством, необычным голосом и актерской выразительностью наслаждалась не только варшавская, но и европейская публика. Выезжая в турне вместе с ВКО, Дариуш Парадовский неизменно привозил прекрасные рецензии, его выступления произвели сенсацию в Испании. Испанская пресса наградила его эпитетами «необыкновенный», «невероятный», «чудесный». Мастерство Дариуша Парадовского в моцартовском репертуаре запечатлено на единственной сольной пластинке с оперными ариями и дуэтами Моцарта, на которой записаны фрагменты из «Аполлона и Гиацинта», «Луция Силлы», «Мнимой садовницы», «Короля-пастуха» и «Милосердия Тита». После Моцарта пришло время партий в сочинениях Клаудио Монтеверди и Стефано Ланди (роль Алексея в «Святом Алексее»).

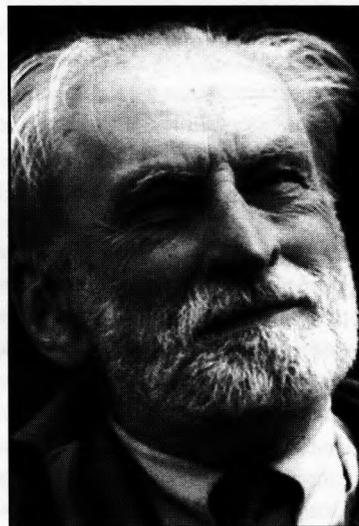
Тот, кто не слышал Дариуша Парадовского вживе, не сможет представить себе его пение. Даже превосходные записи опер Моцарта не передают необычного тембра его голоса, силы и чистоты его звучания. Кроме того, в записи мы слышим высокий женский голос. Надо видеть и слышать, как он звучит из уст высокого, элегантного мужчины, чтобы понять, что этот исполнитель — единственный в мире. А еще он обладает настоящим мастерством актера, умеющего чувствовать сцену. Выступая на сцене, Парадовский полностью вживался в роль, при этом его игра всегда отличалась прекрасным стилем. Он олицетворял собой исполнителя XVIII века в костюме эпохи барокко. К сожалению, в течение трех последних сезонов зрители ВКО уже не имеют возможности слушать своего любимца, ибо теперь Дариуш Парадовский все свое время посвящает педагогической работе, преподает на вокальном факультете Музыкальной академии в своем родном Гданьске. Время от времени он выступает в камерных концертах с ансамблями старинной музыки. Новым направлением в его карьере стала организация Летнего фестиваля камерной музыки в рыбацьем городе Хель, расположенном на одноименном полуострове в Балтийском море.

МЫ ВСЕГДА ВЕРИЛИ В ПЛЮРАЛИЗМ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Беседа с проф. Яцеком Возняковским

Яцек Возняковский родился в 1920 году. Историк искусства, редактор, профессор Люблинского католического университета (ЛКУ). С 1945 г. сотрудник «Тыгодника повшехого», в 1948-1953 гг. заместитель главного редактора. Много лет преподавал историю искусства в ЛКУ. Создатель издательства «Знак», учредитель Клубов католической интеллигенции в Кракове и Варшаве, член Международной ассоциации художественных критиков, член Общественного комитета охраны памятников архитектуры и истории Кракова, член Фонда Костельских (Женева) и Фонда Международного центра культуры (Краков). Автор ряда книг, в частности «Мирянин в Риме и Бомбее», «Нерушимые горы», «Что творится с искусством», «Необходима ли культура для спасения».

— *Ваша семья связана родством с известными династиями Чапских и Павликовских. Ваш дядя был мужем поэтессы Марии Павликовской-Ясножевской, урожденной Коссак*. Из семьи отца родом художник Генрик Родаковский, а отец ваш учился живописи у Яцека Мальчевского.*

Збигнев Херберт однажды сочинил шуточный стишок с вопросом «Сколько графинь в семье у Яцека В...». Какое влияние на вашу жизнь оказала такая родословная?

— Позвольте мне начать с нескольких педантичных и скучных, но неизбежных разъяснений. Генрик Родаковский был дедом моего отца, Павликовские — это семья моей матери, а Чапские — семья моей тещи. Так что тут всяческое родство и свойство. Разумеется, это не может не оказать влияния, разве что человек совершенно не

интересуется прошлым. Перед картинами Родаковского, которые у нас висели, мы с отцом и несколькими его друзьями-художниками вели крайне интересные разговоры. Совсем другие разговоры с моим дедом Яном Гвалбертом Павликовским и его двумя сыновьями касались Татр и охраны природы. Мой дед отнюдь не желал создавать неприступные заповедники, он был убежден, что природа давно вошла в круг человеческой культуры, и размышлял над тем, как можно и нужно сделать доступным общение с ней, одновременно сохраняя ее.

Мне кажется, почти каждый из нас может в своих семейных традициях найти интересных людей, деятельность которых была положительным примером, а иногда и отрицательным — что почти столь же поучительно. Большая потеря, что история нашей страны на каждом шагу разрывает непрерывность поколений, которая играет значительную роль в культуре нации. Эти разрывы должны служить еще одним стимулом интересоваться прошлым, ибо как верно сказал Папини: «Кто слеп к прошлому, тот и в будущее мчится вслепую».

* Отец поэтессы Войцех Коссак — знаменитый художник-баталист, автор, в частности, панорам «Рацлавице» и «Переход через Березину»; дед Юлиуш Коссак — известный акварелист. — *Пер.*

— Почему в 1938 г. вы хотели отбывать воинскую службу в кавалерии? Что это было: уланские фантазии или дворянские традиции?

— Я считал, что куда приятней проходить учения и маневры не только на своих ногах, но еще и за компанию с конем. Кроме того, в кавалерийских полках у меня было несколько родных и друзей. И, может быть, самое важное: служба в кавалерии была вступлением в орбиту определенной традиции, которая со времен, по крайней мере, Сенкевича от гусар и кавалергардских знамен перешла на кавалерию. Была еще, конечно, традиция 1920 года — многие офицеры, прославившиеся в ту кампанию, еще оставались на действительной службе.

— После войны вы учились в Ягеллонском университете у знаменитого профессора Пигоня, одновременно сотрудничая с «Глосом Англии»** — газеткой, которая в то время не имела никакого резона существовать. Меня заставило придумать ваше определение своего душевного состояния: был страх, но страх коллективный, еще со времен немецкой оккупации, который не мешал спать. Страх такого же рода, как мысль о том, что каждый может заболеть и умереть. Это состояние типично вообще для молодого человека или же для того, кто оказывает сопротивление оккупанту?

— Мне кажется, вы несколько несправедливо говорите о «Глосе Англии». Это была одна из форточек, открытых на Запад, к которым власти ПНР относились все хуже и хуже. Для людей, которые не боялись приходить в читальню «Глоса Англии» или покупать газету, для всяких там профессоров и прочих страстных поклонников европейской культуры, это был глоток свежего воздуха во все более подвальной атмосфере. Я работал там начальником бюро переводов. Ян Юзеф Щепанский и я тесно сдружились с секретарем редакции Пегги Тинсли (потом, в замужестве, Первс), и с этой семьей Яся и я по сей день переписываемся. Тем не менее, проработав полтора года, я поругался с нашими англича-

нами из-за какой-то английской статьи, на их взгляд слишком положительно оценивавшей Западные земли, и благодаря этому всю весну катался на лыжах, потом имел счастье жениться, а вскоре после свадьбы был принят в редакцию «Тыгодника повшехного». Это был 1948 год.

А если говорить о душевном состоянии, то мне нелегко его реконструировать. От войны и подполья мы так устали, каждый из нас мог в любой момент ждать ареста, и каждый видел, как трагически это кончилось для многих его друзей. Пожалуй, здесь следует говорить не о страхе, а разве что об особом состоянии напряжения, в котором ты вынужден жить все время. Какие-нибудь швейцарцы, вероятно, никогда ничего подобного не испытывали. Жизнь в постоянном напряжении и как бы освоенное ощущение опасности, а также абсолютной невозможности планировать что бы то ни было на долгий срок — это особое состояние подсознательного напряжения. Я не вел тогда никаких записей, понимая, что если они попадут в руки гестапо — или потом НКВД, — то могут повредить людям, которых я в них называю. Быть может, это был не страх, а такое состояние, будто человек переставлен в иной психический регистр или едет с другой психической скоростью. Приведу пример. Когда я приехал в Краков, то через несколько тяжелых месяцев пошел к чете Яхимецких, у которых было замечательное собрание книг по музыковедению. Книжки с позолоченными корешками стояли на полках в идеальном порядке. Помню, как меня это рассмешило: в этом порядке сохранилось что-то от иной эпохи. Я подумал, что на самом деле здесь должна быть дыра в стене с остатками обгорелых и изодранных страниц. Такое состояние было бы нормальным.

— Благодаря Анне Турович вы в самые тяжелые сталинские годы попали в «Тыгодник повшехный», сначала фельетонистом, со временем — секретарем редакции и заместителем главного редактора. Сознавали ли все вы, работавшие в редакции «Тыгодника», какое сильное влияние вы оказываете на польскую элиту?

— Я попал туда благодаря Анне, Ежи [Туровичу] и Киселю [Стефану Киселевскому]. Да, мы это сознавали. Мы получали огромное число писем, а еще важнее было, что люди приходили прямо в редакцию — а приходили действительно во множестве, — потому что в письмах многого не

** «Глос (голос) Англии» — газета, издававшаяся польски Британским советом (в Москве в течение нескольких послевоенных лет выходила аналогичная газета «Британский союзник»). — Пер.

решались писать. Мы видели, что наш еженедельник — это единственный в своем роде диалог с обществом. Было замечательное ощущение контакта и понимания с полуслова с читателями, у которых мы и сами многому учились. Бывало, нам писали люди, вообще не часто бравшиеся за перо, и письма их были жизненно мудрыми, необыкновенно зрелыми. Тогда я проникся большим уважением к нашему обществу, которое теперь утрачиваю.

— *Считалась ли редакция с возможностью арестов и тюрем?*

— Все время, практически с самого начала. Перед нами был пример [тоже католического] «Тыждника варшавского», который был ликвидирован необычайно грубым образом, ибо слишком далеко пошел в политической откровенности. Нам благодаря такту и уму Ежи Туровича удавалось маневрировать. Многим мы были обязаны нашим сотрудникам родом из Вильно — Станиславу Стомме, Анатолию Голубеву. Они испытали советскую и немецкую оккупацию куда непосредственней, чем мы в Кракове, и выработали определенные тактические принципы (одним из них был принцип Голубева: всегда притворяйся глупее, чем ты есть), которые невероятно пригодились нам как форма защиты. Одновременно мы всегда предполагали, что если работать честно — кончится тюрьмой. Этот фатализм очень укреплял нас. Органы, пытаясь запугать нас поодиночке, не производили на нас особого впечатления. Тем более что это запугивание парадоксальным образом начало раздуваться, пожалуй, после смерти Сталина, когда возможности палачей и замыслы органов в немалой степени ослабли.

— *А как справляется сегодня «Тыждник повсехный» с фундаменталистами типа ксендза Рыдзика? Ведь это новый тип спора, и тоже идеологического, как в те времена.*

— В рамках католического сообщества у нас всегда с кем-то были напряженные отношения, например с «Паксом» [организация прокоммунистических католиков, созданная сразу после войны по инициативе НКВД и возглавленная довоенными полуфашистами, «национал-радикалами». — Пер.]. С какого-то момента «Пакс» действительно был нашим противником, хотя официально провозглашал себя католическим. У нас были явно более близкие отношения с некоторы-

ми кругами неверующих. Это был не только вопрос личных дружеских связей, общих взглядов на права человека и взаимного доверия, но и убежденность в том, что понимать людей, по некоторым важным вопросам мыслящим не так, как мы, и вести с ними диалог — наш основополагающий долг. В этом смысле у нас сегодня есть некоторый опыт и сознание того, что в рамках общества, считающего себя католическим, могут находиться группировки, которые стоят от нас дальше, чем какие-нибудь атеисты. Фундаменталисты, по нашему мнению, ложно толкуют роль христианства, не понимая значения диалога и обмена ценностями. Они стремятся к власти, что, пожалуй, не слишком по-христиански, и одновременно уверены в неоспоримости своих аргументов. У «Тыждника повсехного» не было таких поползновений — мы всегда верили в плюрализм любого человеческого сообщества, во множественность позиций и убеждений. Условием сотрудничества была искренность этих убеждений и их опора на какой-то общий аксиологический знаменатель, на признание основополагающих человеческих ценностей, на уважение к человеческой личности.

Целью было повлиять на мышление людей, чтобы они могли становиться нравственно, интеллектуально и культурно глубже. Таковы были наши запросы — отнюдь не доступ к каким-то мнимым ценностям, таким, как власть. Я не утверждаю, что эта программы осуществлялась идеально, но такова она была.

— *Вы создали крупнейшее на польском издательском рынке издательство «Знак». Первой вышедшей в нем книгой был «Крестный путь» кардинала Вышинского, второй — «Письма к другу» А.Голубева. С какими трудностями приходилось сталкиваться издательству во времена ПНР?*

— Прежде всего раз уж власть — благодаря силе Церкви — допустила наше существование, то, видимо, решила использовать его как удостоверение в том, что в Польше и оппозиционным кругам разрешают высказываться. Одновременно они делали всё, чтобы ограничить наши возможности. На протяжении многих лет нам не разрешалось выпускать больше десяти книг в год. Это был хорошо обдуманый шаг властей, но отчасти вытекавший еще и из идеологического абсурда. Они верили в планирование. Мы должны

были заранее знать всё о еще не написанной книге, точно знать, сколько граммов она будет весить, сколько пойдет на нее бумаги, сколько в ней будет страниц и т.п. Как известно, излишек планирования приводит к полному хаосу. Были также жуткие диктаторские методы. Когда мы сдавали издательский план на следующий год, три четверти запланированного нам систематически и совершенно бездумно вычеркивали какие-то чинуши, которые запланированных к изданию книг вообще не читали, даже если это были переводы, т.е. доступные тексты. Намеченные десять книг затем лимитировались самыми разными способами. Какой будет тираж? Мы заявляли, например, 10 тысяч, а получали согласие на пять. Выделение бумаги! Вот это была эпопея. Нам выделяли бумагу отвратительного качества, мы меняли ее на бумагу получше путем разных хитрых манипуляций, потому что иначе эти книги не дошли бы до следующего читателя, развалились бы уже при первом чтении.

— *Оказали ли влияние на смену политики властей по отношению к издательству избрание Кароля Войтылы Папой и присуждение Нобелевской премии Чеславу Милошу?*

— Восемь лет я добивался возможности издать Милоша. И получал один и тот же ответ: «Что это вы заключаете союз с врагами Народной Польши?» Я отвечал, что меня не интересует, враг он или друг, меня интересует, что он выдающийся поэт. Похожая история была со Станиславом Баранчаком. В свое время американцы хотели взять его на кафедру польского языка и литературы в Гарвард. Власти ПНР выдвинули тогда своего кандидата, не желая выпускать Баранчака из Польши («Да у меня волосы на ладони вырастут, если Баранчак выедет», — восклицал один чинуша). Американцы по природе своей нетерпеливы — и уже готовы были согласиться на официального кандидата. Я им тогда сказал, что, имея дело с властями советского типа, им следует вооружиться терпением. Для каждого поляка это было совершенно очевидно, но американцы этого не понимали. В конце концов терпение им окупилось.

Избрание Папы и Нобель Милоша (*toutes proportions gardées*) сильно ослабили власти психически. Они не знали, что с этим делать, потеряли веру в собственную силу, в конце концов перестали верить, что могут себе всё позволить.

— *В 1953-1990 гг. вы преподавали историю искусства в Люблинском католическом университете. Было ли это единственное высшее учебное заведение, которое устояло перед заразой тоталитарной системы?*

— Действительно, моя кафедра, по-видимому, была единственной в Польше, где шла речь об искусстве от кубизма до «живописи материи» и прочего. Брак или Тапиес в других вузах практически не существовали — мы составляли необычайное исключение. Это вызвало тревогу в люблинских органах, и гебисты стали довольно часто являться на мои лекции, что взамен обеспечило мне безумно милые, дружеские отношения со студентами, продолжавшиеся много лет.

— *В 1989 г. вы приняли участие в заседаниях «круглого стола». В 1990-м на довольно короткий срок были избраны президентом (мэром) Кракова. Не чувствуете ли вы себя потерпевшим поражение в политической сфере вместе со всем кругом Тадеуша Мазовецкого?*

— Нет, и прежде всего потому, что я не чувствую себя политиком. Я стал президентом Кракова не в политических целях, а лишь для того, чтобы примирить различные противостоявшие стихийные силы, ибо мне казалось, что все вокруг перессорилось. Я думал, что мне, может быть, удастся уговорить их трудиться вместе, удастся придумать какую-то новую модель самоуправления. Естественно, у меня не было никакого опыта, никакой революционной идеи. Опыта я набрался, когда уже уходил со своего поста — я с самого начала знал, что останусь на нем не больше года. Если бы этот капитал опыта был у меня в самом начале, я работал бы куда лучше. Я не относился к этому посту как к политической функции. Крохотный пример: мне жаль, что я не успел провести проект устройства велосипедных дорожек, которому воспротивились некоторые депутаты горсовета. Тут я натолкнулся на непобедимую человеческую глупость. Думаю, что в это уже тогда были впутаны непонятные мне корыстные интересы.

— *Токвиль писал, что в мирное время демократические политики в большинстве своем заурядны, а более яркие люди находят себе поле деятельности вне сферы борьбы за власть. Но не самый ли это прямой путь отдать власть демагогам и доктринерам?*

— Это, конечно, трудный вопрос. Видно, как сегодня снижается уровень политиков во всем мире. В Италии мы наблюдаем процессы против Берлускони, в США — среднего ума Буша, во Франции — Ширака, который иногда производит впечатление шута. Где времена Аденауэра, де Голля, Пилсудского и прочих — государственных мужей, обладавших провидческим даром? У нас эпоха посредственностей, ибо все рангом повыше пошли в бизнес или университеты.

— *В XIX веке в России и Польше возникло понятие интеллигенции — как совести нации. Вы были учредителем Клуба католической интеллигенции в Варшаве и Кракове...*

— Название было вынужденным. Но мне кажется, что клубы сыграли немалую роль в поддержке оппозиции, корифеями которой были такие люди, как Фрасынюк и Буяк*** — очень умные, но отнюдь не типичные интеллигенты. У нас было надежд учредить что-то иное. После долгих переговоров с правительством [в 1956 г.] мы получили эти Клубы католической интеллигенции, хотя это стандартное название и не вполне подходило к тому, чего мы на самом деле хотели. Власть выразила согласие на их создание, считая, что они сами собой быстро распадутся. Она не ожидала того, какую роль они, особенно варшавский клуб, сыграют в момент создания «Солидарности». Наши представители выступали по всей Польше, во всех социальных и профессиональных кругах, а также в костелах. Это был необычайно важный и интересный период сближения интеллигенции с рабочими и сближения Церкви с общественным движением, идущим снизу.

— *Люди, близкие к «Знаку» и «Тыгоднику повсехному», интеллектуально были тесно связаны с парижской «Культурой». Ее создатель Ежи Гедройц вместе с Юлиушем Ме-*

*** Владислав Фрасынюк и Збигнев Буяк молодыми рабочими возглавили «Солидарность», первый во Вроцлаве, второй в Варшаве, входили во Всепольскую комиссию профобъединения; после 13 декабря 1981 г. возглавляли подпольную «Солидарность» вплоть до ареста (Фрасынюк был арестован в 1982 г., отсидел четыре года, Буяк — в 1986-м и просидел всего несколько месяцев). В 90-е гг. оба были депутатами Сейма. В настоящее время Владислав Фрасынюк — председатель партии «Уния свободь»; Збигнев Буяк недавно потерпел поражение на выборах президента Варшавы. — *Пер.*

*рошевским предложили концепцию, сокращенно называвшуюся УЛБ [Украина, Литва, Белоруссия]****. Меровшевский в 1974 г. писал в «Культуре»: «Территория УЛБ определяла форму польско-русских отношений, обрекая нас или на империализм, или на сателлитство». Сегодня Украина, Литва и Белоруссия обладают своей государственностью — значит ли это, что политика Гедройца перестала быть актуальной?*

— Конечно, нет. На мой взгляд, это политика, которая по-прежнему видит и учитывает наши отношения с ближайшими соседями, а соседей сменить нелегко. Груз истории колоссален. Что меня иногда удивляет — это смелость формулировок наших историков. Например, Сенкевич сделал из Иеремии Вишневецкого***** пылкого национального вождя, а Конопчинский, считавшийся националистом, написал об Иеремии крайне резко — как об авантюристе, который предпринимал все, чтобы сохранить свои владения. Одним словом, грехов накопилось много, но есть и плюсы, с которыми нельзя не считаться, например влияние польской культуры на этих территориях. На Украине было немало поместий, где барышни учили крестьян читать и писать, где большие библиотеки служили читателям не только в пределах семьи. Колониальная политика — обоюдоострое оружие. Обычно при столкновении более развитой цивилизации с менее отчетливо проявленной — или, может быть, лучше оснащенной с имеющей более слабый фундамент — вторая терпит поражение, но часто получает культурный выигрыш. Кроме того я считаю, что мы, поляки, которые до некоторого времени выступали в роли колонизаторов, а с некоторого — колонизованных, должны остерегаться упрощенных суждений.

**** Концепция УЛБ включала отказ от польских территориальных претензий на востоке и тем самым открывала путь к примирению. Эта концепция выхода Польши навстречу Украине, Литве и Белоруссии до конца оставалась главным столпом политической мысли Гедройца. — *С. Ф.*

***** Иеремиа Михал (Ярема) Вишневецкий (1612-1651), крупный польский магнат на Украине, вел войны с украинскими магнатами, казаками, крымскими татарами, победил казацко-татарские силы в битве под Берестечком (1651). Один из героев романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом». — *Пер.*

— *Самая трагическая ошибка колони-
заторов — рассматривать захваченный
народ как нацию похуже.*

— Разумеется. Все мы знаем, какой роковой ошибкой польской дипломатии с самого начала было не допускать греко-католических епископов, хоть и слабее образованных, в Сенат. Это был знак, что соседний народ рассматривается как второсортный.

— *Историки не раз писали, что в Люблинской унии 1569 г. не достало третьего народа — украинского: с ним история I Речи Посполитой пошла бы, возможно, совершенно иначе.*

— Есть разные символы, где покровитель Руси архангел Михаил выступает наравне с Погоней и Орлом, но в польском сознании этого было слишком мало.

— *В 1999 г. издательство «Знак» отмечало свое 40-летие. Проходила панельная дискуссия, во время которой Лешек Колаковский заявил, что глобализации противостоят партикулярные национализмы или шовинизмы, в том числе и религиозного толка. Он предостерегал цитатой из Библии: «Придет день Господень, как тать ночью». Можно ли считать днем Господним 11 сентября?*

— Наверное, это был день Господень, если понимать эти слова как извечную истину о том, что история всегда захватывает человечество врасплох. 11 сентября наступил страшный перелом — мы

все еще не отдаем себе отчета в том, насколько эти события психически перепахали США. Американцы оказались выбитыми из ощущения безопасности, составляющего такой важный фактор индивидуальной и коллективной жизни. В тот день все внезапно лопнуло, как мыльный пузырь. Думаю, США с тех пор постоянно чувствуют себя в опасности, тем более что, вопреки популярным киносценариям о победе добра над злом, главных организаторов этого теракта так и не удалось изловить.

— *Участовавший в вышеупомянутой дискуссии Владимир Буковский сказал, что политкорректность — это новая глобальная идеология, не позволяющая заниматься Кубой, Чечней и Тибетом и одновременно позволяющая вести бессмысленную войну в Югославии. Вы ответили ему, что выше идеи государства мы должны ставить права человека. Не переменяли ли вы мнение сегодня, перед лицом иракского вопроса?*

— Ответ всегда будет один и тот же. Жуткая война в Чечне, пожалуй, довольно четко об этом свидетельствует. Никакие ценности нельзя навязывать людям насильно, ибо результат тогда прямо противоположен ожидаемому, — то же самое и народам, которые на протяжении целых поколений не имели достаточного опыта с правами человека. Но, думаю, следует постепенно вводить склонность и обычай уважать другого человека, хотя в европейской культуре, к сожалению, замечаются противоположные тенденции.

*Специально для «НП» беседовала
Сильвия Фролов*

Уважаемые друзья!

Журнал «Новая Польша» наша библиотека получает регулярно с небольшим опозданием.

Журнал публикует статьи различной направленности — это и история, и литература, а также современные проблемы нашего общества. Журнал находится в подразделении Читального зала библиотеки. Библиотекари не фиксируют выдачу журнала «Новая Польша» ввиду его свободного доступа для читателей. Но нам известны почитатели Вашего журнала.

Предлагаем один из отзывов на журнал:

Мужчина-читатель, работник «СеверГазпрома», не назвал себя:

«В Польше имеются предприятия, на которых работают ухтинцы. В Польше обучаются дети наших сотрудников. Существуют родственные связи между нашими гражданами и жителями Польши. Ваш журнал — единственное печатное издание в нашем городе, отражающее взгляд польской стороны на сегодняшние российско-польские отношения, а также освещающее достижения польской культуры, что крайне важно».

С уважением, библиотекарь Читального зала ГПБ

Кобец Лариса Валерьевна

г. Ухта. Республика Коми

9 октября 2003 года

Многоуважаемый пан редактор!

Мне нравятся в Вашем журнале интервью с польскими деятелями культуры. Они позволяют понять круг идей, которые интересуют польскую интеллигенцию. Особенно меня взволновало интервью с Чеславом Милошем.

Я работаю в газете «Зубцовская жизнь». Тираж газеты очень маленький, но мы стараемся обсуждать на ее страницах все проблемы нашего района. Вы можете в этом убедиться. Я отправляю последний номер нашей газеты.

С благодарностью, искренне Ваш читатель
Сергей Кутейников

п. Князьи Горы
Тверская обл.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Беседа с Ежи Штуром

М.Выка о Станиславе Бжозовском

Рассказы Михала Гловинского

З.Флорчак об искусстве ладить с соседями

А.Колаковская о политкорректности

К.Бурнетко: Газетный киоск

А.Вайда о своем пути

Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой

Б.Поцей о Ванде Ландовской

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши люди: Анджей Цолль, Яцек Возняковский

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,

А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Подсядло и др.

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ,
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиография.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%

